ДНЕВНИКИ СОФЬИ АНДРЕЕВНЫ ТОЛСТОЙ

1860—1891

ЗАПИСИ ПРОШЛОГО

ВОСПОМИНАНИЯ И ПИСЬМА

под редакцией

С. БАХРУШИНА и М. ЦЯВЛОВСКОГО

Задача издания — дать изображение развития русской культуры и картину жизни и быта разных слоев русского народа в показаниях свидетелей нашего прошлого

Каждая книга представляет законченное целое

Ауэр, Леопольд.—Среди музыкантов. 2 р.

Бартенев, П.—Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей (распродано). 2 р.

Брюсов, В.—Из моей жизни. 2 р.

Брюсов, В.—Дневники. 2 р. 80 к.

Григорович, Е.—Зарницы. Наброски из революционного движения 1905—1907 г.г. 1 р. 40 к.

Гершензон, М.—Письма к брату. 2 р. 80 к.

Декабристы на поселении.—Из архива Якушкиных. 2 р.

Жемчужников, Л.—От кадетского корпуса к Академии Художеств. 1828—1852 г.г. 2 р.

Жемчужников, Л. — В крепостной деревне. 1852 — 1855 г.г. 2 р. 80 к.

Кузминская, Т. — Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. В 3 частях, по 2 р.

Менделеева, А. И.—Менделеев в жизни. 2 р. 60 к.

Суслова, А. П.—Годы близости с Достоевским. 2 р. 50 к.

Толстая, С. А. Дневники. 1860—1891. 2 р. 80 к.

Толстой и Тургенев. Переписка. 1 р. 60 к.

Тютчева, А. Ф.—При дворе двух императоров. 2 р. 80 к.

Штаден, Генрих.—О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника (распродано). 2 р. 40 к.

ЗАПИСИ ПРОШЛОГО

ВОСПОМИНАНИЯ И ПИСЬМА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

С. БАХРУШИНА и М. ЦЯВЛОВСКОГО

ДНЕВНИКИ
СОФЬИ АНДРЕЕВНЫ
ТОЛСТОЙ

1860 — 1891

Редакция С. Л. ТОЛСТОГО
Примечания С. Л. ТОЛСТОГО и Г. А. ВОЛКОВА
Предисловие М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХ
1928

Обложка гравирована
на дереве А. Кравченко

Главлит № А-21981. Заказ № 35. Тираж 5 000. 14 п. л.

Центральная Типография Наркомвоенмора, Ленинград пл. Урицкого, 10.

Впервые издаваемые дневники супруги Л. Н. Толстого, Софьи Андреевны Толстой, рожд. Берс (род. 22 августа 1844 г., ум. 4 ноября н. с. 1919 г.), охватывают большой период времени в сорок два года, с 8 октября 1862 г. по 14 января 1905 г.

В настоящую, первую часть, кроме дненика, включены еще разнородные писания Софьи Андреевны, объединенные нами под названием „Автобиографические записи". Они заключают в себе, во-первых, единственный уцелевший из ее девичьих дневников, во-вторых, воспоминания о женитьбе Л. Н. Толстого и, в третьих, извлечения из тетради, носящей название „Мои записи разные для справок".

Отрывок из девичьих дневников „Поездка к Троице" относится к 1860 году, когда писавшей не исполнилось еще шестнадцати лет. В детском, бесхитростном повествовании о поездке в монастырь прорываются столь характерные для позднейших дневниковых записей элегические ноты. Автор переживал какое-то горе, вероятно, и побудившее совершить паломничество. Вообще, отрывок хорошо рисует буржуазно-патриархальный быт семьи Берс, во многом определивший жизненные идеалы Софьи Андреевны.

Воспоминания „Женитьба Л. Н. Толстого" написаны в 1912 г., когда Софье Андреевне, второй год уже вдовевшей, было шестьдесят восемь лет. Воспоминания эти представляют собою вторую редакцию записи в дневнике под 8 февраля 1893 года, имеющей заглавие „Мой роман с Львом Николаевичем" (входит во вторую часть настоящего издания). По сравнению с записью дневника воспоминания эти, предназначавшиеся для печати, пространнее и более обработаны в литературном отношении.

Записи из тетради „Мои записи разные для справок", частично использованные биографами Толстого—П. И. Бирюковым и Н. Н. Гусевым, а также и мною (ст. „Работа Л. Тол-

стого над романом „Декабристы“ в кн. „Толстой. Декабристы“. Изд. „Огонек“. М. 1925), впервые появляются в печати полностью.

Первостепенное значение этих заметок для биографии и истории творчества Толстого прекрасно понимала сама Софья Андреевна, начавшая их такими словами: „На днях, читая биографию Пушкина, мне пришло в голову, что я могла бы быть полезна для потомства, которое будет интересоваться биографией Левочки, и записывать не вседневную его жизнь, а жизнь умственную, насколько я способна следить за ней“. Можно только пожалеть, что Толстая сравнительно так поздно начала вести эти записи, так нерегулярно их вела и так скоро оставила.

Чрезвычайно любопытны заметки 1870, 1871 и 1873 г.г., когда „Война и мир“ была написана, а „Анна Каренина“ еще не начата, в период исканий тем, поисков сюжета сначала для драматического, потом для эпического произведения. Кратки, но очень содержательны заметки 1873—1876 г.г. об „Анне Карениной“ (к ним примыкает написанная позднее заметка „Почему Каренина Анна“) и 1877—1878 г.г. о „Декабристах“. В эти годы Лев Николаевич не вел дневника, и записи Софьи Андреевны являются почти единственным источником наших сведений о писателе за это время творческих исканий.

Как ни кратки, к сожалению, заметки Софьи Андреевны о ссоре Л. Н. Толстого с И. С. Тургеневым и их примирении, они ценны уже по одному тому, что первая из них — „о ссоре“ написана со слов самого Льва Николаевича. В 1903 г. Софьей Андреевной были написаны воспоминания о Тургеневе, напечатанные в № 224 „Орловского вестника“ за этот год (перепечатаны в сборнике Н. Л. Бродского, „И. С. Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах“, ч. I., М. 1924), но они не только ни в какой мере не обесценивают публикуемых записей 1870-х годов, но и существенно дополняются и исправляются последними.

Об отходе от художественного творчества и увлечении религиозно-философскими вопросами говорят две последние записи 1879 и 1881 г.г.

Печатаемый в настоящей книге дневник С. А. Толстой охватывает период в двадцать восемь лет и три с половиной месяца — с 8 октября 1862 г. по 23 января 1891 г. Велся он

очень нерегулярно: за это продолжительное время сделано лишь двести тридцать три записи, — в среднем, одна запись в полтора месяца. Только в 1862 и 1863 г. г. записи делались более или менее систематически—всего их за это время сорок одна, в дальнейшем же мы не имеем ни одной записи за три года (1869, 1884 и 1889), по одной записи за девять лет (1868, 1870, 1871, 1874, 1875, 1877, 1883, 1885 и 1888 г. г.), две записи за 1879 г., по три за четыре года (1873, 1876, 1881 и 1882), по четыре за два года (1864 и 1886 г. г.) шесть за 1867 г., девять за 1880 г., десять за 1866 г., тринадцать за 1887 г., семнадцать за 1865 г., девятнадцать за 1891 г., двадцать две за 1872 г., двадцать пять за 1890 г. и сорок за 1878 г.

Со стороны содержания записи делятся на две категории. Первая—это записи повествовательного, или, точнее, фактического характера, дающие краткий отчет о прожитом дне, отмечающие события, заслуживавшие, с точки зрения писавшей, внимания. Другие записи, не заключая в себе почти никаких фактов, являются чисто лирическими излияниями или, вернее, жалобами на себя, на мужа, на все окружающее. Записи этого рода, по определению самой Софьи Андреевны, удовлетворяли „потребность сосредоточиться и выплакаться, выписаться в журнале“ (запись от 22 апреля 1864 г., стр. 82). Знал это обыкновение Софьи Андреевны и Лев Николаевич, как-то рассердивший ее словами „когда не в духе—дневник“ (запись от 2 января 1864 г., стр. 82). В этого рода записях события, факты служат поводом лишь к рассуждениям, ламентациям, самобичеванию. Натура, несомненно, от природы меланхолическая, Софья Андреевна часто безрадостна, подозрительна, мнительна и ревнива ко всему и всем в своем дневнике. Многое, написанное „не в духе“, конечно, объясняется и состоянием здоровья: так, записи с октября 1862 г. по май 1863 г. сделаны во время первой беременности, когда писавшей шел девятнадцатый год, а в июле — сентябре этого года Софья Андреевна болела грудницей, что потом повторялось при кормлении чуть ли не каждого ребенка. Материнские чувства Софьи Андреевны прекрасно выражены в ее дневнике и, конечно, ни малейшего преувеличения нет в словах ее „Я люблю детей своих до страсти, до боли, всякое малейшее

страдание приводит меня в отчаяние, всякая улыбочка, всякий взгляд радует до слез“ (запись от 27 августа 1866 г., стр. 96).

Несмотря на ярко выраженный импрессионизм многих записей дневника, фиксировавших скоро преходящее настроение, мгновенные „взрывы“ темперамента и притом порой в сильных выражениях (см., например, отзыв о Сергее Николаевиче Толстом „кругом подлец“, на стр. 91, или „желание“ неизвестной „нигилистке“ М. И. „всевозможного зла“, на стр. 95), „взрывы“, которым в сущности такой случайный факт, как запись в дневнике, придает бо́льшую значимость, чем они того заслуживают в объективной оценке, несмотря на все это, дневники Софьи Андреевны, не говоря уже об исключительной ценности их для характеристики ее самой, и как материал для биогрифии Л. Толстого—источник немаловажный. Только пользоваться ими нужно с большой осторожностью, чтобы не сделать выводов, на которые записи дневника не уполномачивают. В этом отношении весьма примечательна запись от 31 июля 1868 г., сделанная Софьей Андреевной после перечитывания записей за предшествовавшие годы: „Смешно читать свой журнал. Какие противоречия, какая я будто несчастная женщина. А есть ли счастливее меня? Найдутся ли еще более счастливые, согласные супружества? Иногда останешься одна в комнате и засмеешься своей радости и перекрестишься: дай, бог, долго, долго так. Я пишу журнал всегда, когда мы ссоримся. И теперь бывают одни ссоры, но ссоры происходят от таких тонких душевных причин, что если б не любили, то так бы и не ссорились. Скоро шесть лет я замужем. И только больше и больше любишь. Он часто говорит, что уже это не любовь, а мы так сжились, что друг без друга не можем быть. А я все так же беспокойно и страстно, и ревниво, и поэтично люблю его, и его спокойствие иногда сердит меня“.

Ведь не будь этого признания, какие ложные построения мог бы сделать неосторожный биограф.

М. Цявловский.

10 июня 1928 г.

Встречающиеся в тексте (в шестнадцати местах) цифры в прямых скобках означают число выпущенных слов.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

ПОЕЗДКА К ТРОИЦЕ.[1]

1860[2] июнь 14.

Выехали мы в четыре часа утра, в дурном расположении духа и сонные. Люба[3] и я сели в шарабан, мама[4] на козлы, а Лизы[5] две и Саша[6] в телеге. Всю дорогу мы молчали и дремали. Только раз монотонность дороги прервана была хохотом в телеге, возбужденным Сашей. В Мытищах[7] по обыкновению напали на нас бабы с предложениями напиться чайку под березками, в холодочке, уверяя, что нельзя не напиться Мытищинской водицы. В Братовщину[8] мы прибыли в 9 часов утра, как и предполагали, и остановились в лучшем постоялом дворе. Только что приехали, расположились с съестными припасами, и съели целый пирог с грибами в одно мгновение. Затем принесли самовар. Я стала покуда разглядывать картины, развешанные по стенам. Они изображали портрет государя и государыни и митрополита. Кроме того, были две картины с французскими надписями, и две духовного содержания. Саша лежит и читает Забавный календарь. Лиза петербургская и Люба хлопочут по хозяйственной части, мама моет посуду, а Лиза наша всем мешает, блажит, просит есть и покушается украсть из мешка карамели. Напившись чаю, я и Люба отправились спрашивать у мужика, по какому случаю стоит здесь часовня. Он взошел в избу и стал рассказывать целую историю, как в 12-м году перенесли с этого места церковь на другое, как потом хотели на этом месте строить трактир, но священник и церковный староста донесли владыке, т.-е. митрополиту. Владыка запретил и велел на том месте, где был престол, поставить часовню. Мы схлопотали себе купанье. Нас сведет на речку Скалду дочь хозяина, 17-тилетняя девушка, по поводу

которой отец ее, очень словоохотливый крестьянин, вел длинный философический разговор. Как трудно выдавать дочерей замуж, как не узнаешь людей и как люди обманывают. Судил он верно, и по-русски. Он говорил, что у них обычай платить отцу за жену и что отец в свою очередь должен давать приданое. Теперь мы пойдем отдыхать, вероятно не заснем. Потом выкупаемся, пообедаем и поедем в 4 часа. Я все время ждала и желала соседей. Мое желание исполнилось. Через тоненькую деревянную стенку пьют чай какие-то господа. Толстый господин, госпожа такого же объема, старушка и сухопарая, белокурая дочка. У них что-то ужасно тихо. Соседи не веселые. Я забавлялась, глядя, как они высаживались из брички. Им подставили скамейку, и они один за другим, хромая и охая, выгружались из экипажа. Мне здесь надоело, пора в дорогу. Да что-то вообще тяжело на душе. Ничто особенно не веселит, как бывало. (Нет действия без причины.) Стараешься забыться, да гадкие мысли так и лезут в голову.

Как предполагали, так и сделали. В 4 часа мы выехали из Братовщины. В телегу села Люба, я и Саша, а остальные поместились в шарабане. Дорогой мы вели довольно веселый, или, вернее сказать, приятный разговор. Остановились у часовни, где ели блины. Мы болтали с деревенскими девушками, которые в огромном количестве окружили нас. Спрашивали, как мы приходимся сродни, есть ли между нами замужние, когда воротимся, и проводили нас с благословениями и всевозможными добрыми желаниями, говоря, что редко встретишь таких негордых господ.

Прибыли к Троице в 9 часов вечера. Нам дали просторный, порядочный номер. Вид на всю Лавру. Погода отличная, тихо, тепло, как-то располагает к мечтательности. Странное впечатление произвел на меня в сегодняшнюю поездку Троице-Сергиевский монастырь. Я никогда не въезжала сюда с таким благоговением, с такою верою. Вот что значит иметь горе. Мне кажется, я буду молиться, и с молитвою улетит все мое горе, все мои заботы. Правда, говорится, что „вера спасительна“. Хоть смешны покажутся мои рассуждения, но что же делать, когда у меня осталось только одно утешение, одно спасение, это моя вера и молитва. Положилась я на бога, и теперь, за-

жмуря глаза, пойду свой жизненный путь под его произволом и благословением. Мне трудна жизнь, я не умею руководить собою. Сколько раз я имела хорошие намерения, сколько раз решалась на что-нибудь твердо, но силы мои слабели, и я невольно должна была отказаться от своих намерений. Но я в самом деле замечталась. Я так глупо, так странно расположена. Кругом меня все хлопочут, суетятся, мы только что пили чай, а теперь готовим ночлег. Люба приготовила мне и себе рядом постели. Вещи все уложены, и мы скоро ляжем спать.

У меня все вертится в голове одна молодая дама, которая стояла на крыльце гостиницы. Она была вся в трауре, и держала на руках маленькую девочку, новорожденную, вероятно дочь, потому что она две капли воды похожа на мать. Вероятно у этой дамы умер муж, мне это первое пришло в голову, не знаю почему. Она очень хороша собой, черная, совершенно в моей вкусе, и такая скучная, несчастная, даже жалко стало. Да мне нынче как-то все скучно, и всех жалко; все дурные мысли; как бы их прогнать. Сейчас пойду спать. Уже Люба зовет меня.

15 июня.

Мы встали сегодня в 7 часов, и мама насилу подняла меня и Любу. Мы спали вместе, устроили себе двухспальную постель, и все дразнили нас, что мы супруги. Я Любу звала моим мужем, и мы все целовались.

Как встали, напились чаю и пошли к обедне. Везде гуляли, осматривали, т.-е. показывали кузинам все замечательные церкви, строения, места и проч. У обедни мы были в церкви св. Сергия. Пели отлично, и говорил один монах довольно дельную проповедь о вере и благочестии. Здесь встретили мы Головина,[9] в сопровождении которого пошли гулять. Ходили везде, где только стоит быть, накупили образов, игрушек и разных подарков домой. Потом пошли купаться в купальню семинаристов, на пруду, где предурная вода. Теперь половина третьего, и мы будем сейчас обедать. Часа в четыре выйдем домой. Не знаю радоваться домой, или скучать; вообще мною овладела такая тоска, такая хандра, что мне все чудится в дурном виде.

Вечер 15 июня 1860.

Снова мы возвращаемся домой. Уехали мы из Троицы, нас проводил Головин, был вообще очень мил и любезен. В пещерах около села Талицы, мы останавливались прогуляться по этим пещерам. Там сыро, холодно, какие-то низенькие своды, так что я несколько раз раскаивалась, что пошла. Я ехала на козлах, сама правила и смешила этим проезжих и прохожих. Когда мы приехали в Братовщину, к нашим прежним хозяевам, мы созвали огромное количество мальчишек и девчонок и заставили их петь.

Много было смеху с ними, так что и меня рассмешили. Одно только жалко, что мальчишки сейчас же с деньгами, которые мы им дали, пошли играть в орлянку. Слишком рано развивается у них страсть к игре. После нас заставил их петь какой-то джентльмэн, постоялец наш сосед. Он стоит в ближайшем постоялом дворе.

После чаю мы пошли с Любой прогуливаться по дороге. Всего наглядишься в деревне. Приехал около нас, на постоялый двор зять хозяина, совсем пьяный. Сам хозяин, также мертвецки пьяный, прохаживается около дома, бранится, шатается и болтает всякий вздор. Бабы только жалуются да плачут. А другие, постарше, так привыкли, что молчат и терпеливо сносят все.

Сноха хозяина нашего дома говорит, что теперь редко найдешь не пьяных мужей. Что у них и кабак и трактир и что поневоле идешь, как есть поощрение. Я все с ней говорила за воротами, на лавочке, и возилась с ее дочкой Таней, прехорошенькой, белокурой, четырехлетней девочкой. Она очень умненькая и бойкая, и я все заставляла ее говорить французские слова, что выходило очень смешно. Теперь я пойду спать, Лиза, мама, Люба и другая Лиза уже все лежат. Теперь 10 часов, а в 2 утра, или вернее ночи, мы выйдем. За стеной слышно храпение Саши, которому завидует мама, Люба тоже заснула. Мы себе втроем, т.-е. я, Люба и Лиза петербургская постелили на пол сена, покрыли ковром и простынями и на этом будем спать.

В Мытищах, по дороге домой, будем пить чай, а дома очутимся не прежде 8 или 9 часов утра. Я вовсе не радуюсь до-

мой, мне стало все равно.—Напротив, мне бы хотелось уехать куда-нибудь подальше, хотелось бы даже провалиться куда-нибудь, умереть, что-нибудь, только не вспоминать, что было. Мне было так хорошо, так отрадно, так весело, но не долго длилось все это, теперь стало так тяжело жить на свете! Жить воспоминаниями страшно и не смею. Стараюсь, напротив, все забыть, а забывать нехватает сил и жалко. Что делать, как действовать? Не знаю, и кидаюсь во все стороны, бьюсь, как птица в клетке.

Как кстати могу сказать стих Лермонтова:

И скучно и грустно,
И некому руку подать.

Протяни мне кто-нибудь руку, дай совет, сообразный моему положению, я охотно послушаюсь.

В Мытищах пили чай и кофе и поехали в 6 часов. Теперь наконец дома. Я очень рада; всех нашли здоровыми и веселыми.

ЖЕНИТЬБА Л. Н. ТОЛСТОГО [10].

Поездка в Ивицы и Ясную Поляну.

В начале августа 1862 года мы, три сестры, были страшно обрадованы известием, что моя мать с маленьким братом Володей [11] и нами, тремя девочками, собирается ехать на лошадях в ходивших в то время анненских каретах к отцу своему, нашему деду, Александру Михайловичу Исленьеву. [12]

Дедушка Исленьев (описанный Львом Николаевичем в „Детстве" в лице „папа") жил в то время в имении своем „Ивицы", Одоевского уезда, единственном, оставшемся от большого состояния, и то купленном на имя его второй жены, мачехи моей матери, Софии Александровны, рожденной Ждановой. [12] Эта Жданова описана у Льва Николаевича в „Детстве" под именем „La belle Flamande" *.

Все три дочери [13] моего деда от второго брака были тогда молодые девушки, и со второй из них я была очень дружна.

Имение деда моего отстояло от Ясной Поляны приблизительно в 50-ти верстах. В Ясной Поляне находилась в то время сестра Льва Николаевича, Мария Николаевна, [14] приехавшая из Алжира, и так как моя мать была лучшим другом [15] детства Марии Николаевны, и им, естественно, хотелось повидаться, то мать моя, с детства не посещавшая Ясную Поляну, [16] решила непременно заехать туда. Это привело еще нас в больший восторг, и мы с сестрой Таней [17] радовались, как радуются очень молодые всякой перемене и передвижению. Сборы были оживленные, шились нарядные платья; укладывались и с нетерпением ждали дня отъезда.

---

* [Прекрасная фламандка].

День отъезда я совсем не помню. Смутны и мои воспоминания о дороге—станции, перепряжка лошадей, еда на скорую руку и усталость от непривычки к дорогам. Приехали мы в Тулу [18] к сестре моей матери, тетеньке Надежде Александровне Карнович, [19] жене тульского предводителя дворянства. Ходили осматривать город Тулу, который мне показался очень скучным, грязным и неинтересным. Но надо было ничего не пропустить и добросовестно отнестись ко всему во время нашего путешествия.

После обеда мы поехали в Ясную Поляну. Был уже вечер. Погода была прекрасная. Дорога засекой, [20] по шоссе, такая живописная, и так ново, так просторно и непривычно для нас, городских девочек, было это впечатление первобытной природы.

Мария Николаевна и Лев Николаевич встретили нас шумнорадостно. Сдержанная и любезная тетенька Татьяна Александровна Ергольская [21] встретила нас французскими учтиво-любезными приветствиями, а приживалка ее, старушка Наталья Петровна, [22] то молча гладила меня по плечу, то, подмигивая, заигрывала с моей меньшой сестрой Таней, которой было в то время 15 лет.

Нам отвели внизу большую комнату со сводами, [23] не только просто, но и бедно меблированную. Вокруг этой комнаты стояли диваны, выкрашенные белой краской, с очень жесткими подушками вместо спинок и такими же сиденьями, все обитое полосатеньким, синим с белым, тиком. Тут же стояло длинное кресло, с такими же подушками, и тоже белое. Стол был простой, березовый, сделанный домашним столяром. В потолок сводов вделаны были железные кольца, на которые вешали в старину седла, окорока и прочее, когда при деде Льва Николаевича, князе Волхонском, [24] комната эта была кладовой.

Дни уже были не очень длинные. Это было в начале августа. Мы едва успели обежать сад, и нас Наталья Петровна повела на малину. В первый раз в жизни нам пришлось есть малину с кустов, а не из решот, в которых привозили нам на дачу малину для варенья. Малины на кустах уже было мало, но я очень любовалась красотой этих красных ягод в зелени и наслаждалась их свежим вкусом.

Ночлег и кресло.

Когда стало смеркаться, мать послала меня вниз разложить вещи и приготовить постели. Мы с Дуняшей,[25] горничной тетеньки, занялись приготовлением к ночлегу, как вдруг вошел Лев Николаевич, и Дуняша обратилась к нему, говоря, что троим на диванах постелила, а вот четвертой места нет.

— А на кресле можно,—сказал Лев Николаевич и, выдвинув длинное кресло, приставил к нему широкую квадратную табуретку

— Я буду спать на кресле, — сказала я.

— А я вам постелю постель, — сказал Лев Николаевич, — и неловкими, непривычными движениями стал развертывать простыню. Мне было и совестно и было что-то приятное, интимное в этом совместном приготовлении ночлегов.

Когда все было готово, и мы пришли наверх, сестра Таня, усталая, свернувшись, спала на диванчике в комнате тетеньки. Володю тоже уложили спать. Мама беседовала с тетенькой и Марией Николаевной о старине. Сестра Лиза вопросительно встретила нас глазами. Всякую минуту этого вечера я помню живо.

В столовой с большим итальянским окном косенький, маленького роста лакей, Алексей Степанович,[26] накрывал ужин. Величавая довольно красивая Дуняша (дочь дядьки Николая, описанного в „Детстве“) помогала ему и что-то расставляла на столе. Дверь в середине стены была отворена в маленькую гостиную с старинными розового дерева клавикордами, а из гостиной были отворены двери, с таким же итальянским окном, на маленький балкон, с которого был прелестный вид, потом, во всю мою последующую жизнь, привлекавший мои взоры. И поныне я любуюсь им.

Я взяла стул и, выйдя на балкон одна, села любоваться видом. То настроение, которое охватило меня в то время, я не забывала никогда, хотя никогда не сумею его описать. Было ли то впечатление настоящей деревни, природы и простора; было ли это предчувствие того, что случилось полтора месяца после, когда я уже хозяйкой вступила в этот дом; было ли это просто прощание с свободной девичьей жизнью или все вместе, — не знаю. Но настроение мое было очень значительное, серьезное, счастливое и какое-то новое, беспредельное.

Все собрались ужинать. Лев Николаевич пришел звать и меня.

— Нет, благодарю вас, я не хочу есть,—сказала я,—здесь так хорошо.

Из столовой слышался притворный, капризный, шутливый голос моей, всеми балованной и привыкшей к этому, сестры Тани. Лев Николаевич вернулся в столовую, но, не кончив ужинать, пришел опять ко мне на балкон. О чем мы говорили,— я подробно не помню; помню только, что он мне сказал: „Какая вы вся ясная, простая". И мне это было приятно.

Как хорошо спалось в длинном кресле, приготовленном мне Львом Николаевичем. С вечера я вертелась в нем, было немного неловко и узко от двух сторон локотников, но я смеялась в душе каким-то внутренним весельем, вспоминая, как Лев Николаевич готовил мне этот ночлег, и засыпала с новым, радостным чувством во всем моем молодом существе.

Пикник в Ясной Поляне.

Радостно было и утреннее пробуждение. Хотелось всюду обежать, все осмотреть, со всеми поболтать. Какой был легкий дух и тогда в Ясной Поляне! Лев Николаевич хлопотал, чтоб нам было весело; Мария Николаевна очень этому сочувствовала. Запрягли так называемые катки,—длинный экипаж-линейку. В корню был рыжий Барабан, пристяжная — Стрелка. Потом оседлали старинным дамским седлом гнедую Белогубку, а Льву Николаевичу—очень красивую белую лошадь, и стали собираться на пикник.

Приехали еще гости: жена тульского архитектора, Громова,[27] и Сонечка Бергхольц,[28] племянница начальницы тульской женской гимназии Юлии Федоровны Ауэрбах.[29] Мария Николаевна, счастливая, что с ней были ее два лучших друга, моя мать и Громова, была в особенно игривом и веселом настроении: острила, шутила и бодрила всех. Мне Лев Николаевич предложил ехать верхом на Белогубке, чего мне очень хотелось.

— А как же, у меня здесь амазонки нет, — сказала я, оглядывая свое желтенькое платье с черными бархатными пуговками и таким же поясом.

— Это ничего, — сказал Лев Николаевич, улыбаясь, — здесь не дачи, кроме леса, вас никто не увидит, — и подсадил меня на Белогубку.

Казалось, что счастливее меня никого нет на свете, когда я скакала рядом с Львом Николаевичем по дороге в засеку, где теперь наша ближайшая станция,[30] а тогда был сплошной лес. Когда, позднее, я всю жизнь ездила по тем же местам, я их никогда не признавала теми же самыми. Тогда все было другое, что-то до того волшебно-прекрасное, чего не бывает в обыденной жизни, а что бывает только в известном, духовно приподнятом настроении. Мы приехали на какую-то полянку, где стоял стог сена. На этой полянке, в засеке, впоследствии мы сколько раз с моими детьми и с семьей моей сестры Тани пивали чай и справляли пикники, но это была уже другая полянка, другое она имела освещение.

Мария Николаевна пригласила всех лезть на стог и оттуда скатываться, на что все охотно согласились. Вечер прошел весело и шумно.

На другое утро мы уехали в село Красное,[31] раньше принадлежавшее моему деду, Исленьеву. Там похоронена моя бабушка.[32] И моя мать хотела непременно посетить те места, где она родилась и выросла, и поклониться могиле своей матери, похороненной возле церкви. Нас неохотно отпускали из Ясной Поляны, и взяли с моей матери честное слово, что на обратном пути мы снова заедем, хотя бы на один только день, в Ясную Поляну.

Село Красное.

В село Красное мы поехали на наемных лошадях, в карете, которую нам дала Мария Николаевна. Мы недолго были там.

Помню церковь и памятник, на котором надпись: „Княгиня София Петровна Козловская, рожденная графиня Завадовская". И ясно представилась мне жизнь моей бабушки: сколько она перестрадала от первого мужа, пьяного князя Козловского,[33] за которого ее выдали замуж насильно, и от незаконного брака с моим дедом, Александром Михайловичем Исленьевым, и в этой одинокой деревенской обстановке с ежегодным рождением детей[34] и с вечным страхом, что дед мой, предаваясь игорной

страсти, проиграет все свое состояние и принужден будет выехать из своего имения, что и случилось с ним под конец его жизни.

Старый священник и дьячок Фетис—оба еще помнили Софию Петровну и с умилением говорили о ней. „Я взял на душу грех и перевенчал их тайно,—рассказывал нам старый священник.—Очень уж она меня просила".—„Хоть перед богом, если не перед людьми, хочу быть женою Александра Михайловича",—говорила она.

А про дьячка Фетиса рассказывали, что его несли хоронить, а он ожил, выскочил из гроба и пошел домой. Как сейчас вижу я его сухую фигуру и жиденькую, заплетенную седую косичку на затылке. Я никогда не видала в Москве дьячка с косичкой, но меня ничто в жизни тогда уже не удивляло. Все было фантастично и волшебно-прекрасно.

Ивицы.

Из Красного, покормив лошадей, мы поехали в той же карете в Ивицы, [35] к деду. И там прием нам был торжественно-радостный. Дедушка, быстро шагая, не поднимая ног, как-то скользя мягкими сапожками, все время шутил и называл нас „московскими барышнями". Он имел привычку двумя пальцами—средним и указательным — щипать наши щеки и, подмигивая, сказать что-нибудь шуточное, при чем он щурил свои узенькие смеющиеся глаза. Так и вижу его мощную фигуру с черной ермолкой на лысой голове и с большим горбатым носом на румяном бритом лице. [36]

Софья Александровна, его вторая жена, поражала нас всегда тем, что курила длинную трубку, при чем нижняя губа ее отвисала, и от прежней красоты ее только оставались ее черные блестящие и очень выразительные глаза.

Красивая Ольга, их вторая дочь, на вид спокойная и холодная, повела нас наверх, в приготовленную для нас комнату. Там, за шкапом, была моя постель, и вместо столика был поставлен около простой деревянный стул.

На другой день нашего приезда нас возили к каким-то соседям, где были барышни, очень приветливые, но совершенно чуждые нам по всему. То были настоящие деревенские барышни

тургеневских повестей. И весь быт тогдашних помещиков был еще полон духа крепостного права. Жизнь помещиков была очень проста, без железных дорог, с замкнутой, терпеливой удовлетворенностью теми интересами, которые входили в их жизнь: хозяйственные дела, соседи, охота с борзыми и гончими, женские рукоделия и изредка незатейливые, но веселые празднования семейных и церковных праздников.

Наш приезд в Одоевский уезд произвел некоторое впечатление. Приезжали многие нас посмотреть, устраивали пикники, танцы, катанья.

На другой же день нашего пребывания в Ивицах неожиданно явился верхом на своей белой лошади Лев Николаевич. Он проехал 50 верст и приехал бодрый, веселый и возбужденный. Мой дед, любивший Льва Николаевича, да и вообще всю семью Толстых, по дружбе с графом Николаем Ильичем Толстым,[37] особенно радостно и любовно приветствовал Льва Николаевича.

Было что-то очень много гостей. Молодежь, после дневного катанья, вечером затеяла танцы. Тут были и офицеры, и молодые соседи-помещики, и много барышень и дам. Все это—толпа неизвестных нам, чужих и чуждых лиц. Но что было за дело? Было весело, и только и надо было. Танцы на фортепиано играли, чередуясь, разные лица.

— Какие вы здесь все нарядные,—заметил Лев Николаевич, глядя на мое белое с лиловым барежевое платье, с светло-лиловыми бантами на плечах, от которых висели длинные концы лент, называемые в то время „Suivez moi“.—Мне жаль, что вы при тетеньке не были такие нарядные, — прибавил с улыбкой Лев Николаевич.

— А вы что ж, не танцуете? — сказала я.

— Нет, куда мне, я уже стар.

На двух столах старички и дамы играли в карты. Когда потом все разъехались и разошлись, столы остались открытыми, свечи догорали, а мы все еще не шли спать, потому что Лев Николаевич оживленно разговаривал и удерживал нас. Но мама нашла, что всем пора отдохнуть, и строго велела итти спать. Мы не смели ослушаться. Уже я была в дверях, когда Лев Николаевич меня окликнул.

— Софья Андреевна, подождите немного!

— А что?

— Вот прочтите, что я вам напишу.

— Хорошо,—согласилась я.

— Но я буду писать только начальными буквами, а вы должны догадаться, какие это слова.

— Как же это? Да это невозможно! Ну пишите.

Лев Николаевич счистил щеточкой все карточные записи, взял мелок и начал писать. Мы оба были очень серьезны, но сильно взволнованы. Я следила за его большой, красной рукой и чувствовала, что все мои душевные силы и способности, все мое внимание были энергично сосредоточены на этом мелке, на руке, державшей его. Мы оба молчали.

Что писал мелок.

„В. м. и п. с. с. ж. н. м. м. с. и. н. с.“, — написал Лев Николаевич.

„Ваша молодость и потребность счастья слишком живо напоминают мне мою старость и невозможность счастья“,—прочла я.

Сердце мое забилось так сильно, в висках что-то стучало, лицо горело,—я была вне времени, вне сознания всего земного: мне казалось, что я все могла, все понимала, обнимала все необъятное в эту минуту.

— Ну, еще,—сказал Лев Николаевич и начал писать:

„В в. с. с. л. в. н. м. и в. с. Л. З. м. в. с. в. с. Т.“.

„В вашей семье существует ложный взгляд на меня и вашу сестру, Лизу. Защитите меня вы с вашей сестрой Танечкой“,— быстро и без запинки читала я по начальным буквам.

Лев Николаевич даже не был удивлен. Точно это было самое обыкновенное событие. Наше возбужденное состояние было настолько более повышенное, чем обычное состояние душ человеческих, что ничто уже не удивляло нас.

Послышался недовольный голос матери, звавшей меня спать. Мы наскоро простились, потушили свечи и разошлись. Наверху за шкапом я зажгла маленький огарок и принялась писать свой дневник, сидя на полу и положив тетрадь на деревянный стул. Я тут же вписала слова Льва Николаевича, написанные мне на-

чальными буквами, и тут же смутно поняла, что между им и мной произошло что-то серьезное, значительное, что уже не может прекратиться. Но я не дала ходу ни своим чувствам, ни своим мечтам по разным причинам. Я точно заперла на ключ все случившееся в этот вечер с тем, чтобы спрятать до времени то, что еще не должно видеть света.

Когда мы уехали из Ивиц, мы снова на один день заехали в Ясную Поляну. На этот раз там весело не было. Мария Николаевна собиралась уезжать с нами вместе в Москву, оттуда заграницу, где она оставила своих детей, и тетенька Татьяна Александровна, страстно любившая свою Машеньку, была грустна и молчалива. Ей всегда тяжела была разлука с той, которую она с детства воспитала и любила, как дочь, и которая так глубоко была несчастна с ее родным племянником, сыном ее сестры Елизаветы Александровны, графом Валерианом Петровичем Толстым. [38] Меня смущало отношение Льва Николаевича ко мне и подозрительные взгляды сестер и окружающих. Мать моя, казалось, тоже была чем-то озабочена. Маленький Володя и сестра Таня устали и стремились скорее домой.

Поездка в анненской карете.

Послали в Тулу нанять большую анненскую карету (названные так по их содержателю, Анненкову). Внутри ее было четыре места и сзади два, как в крытой пролетке с верхом. Мы, старшие девочки, с сожалением оставляли Ясную Поляну. Простились с тетенькой и Натальей Петровной и искали Льва Николаевича, чтоб проститься с ним.

— Я еду с вами,—сказал он просто и весело.—Разве можно теперь оставаться в Ясной Поляне? Будет так пусто и скучно,—прибавил он.

Не отдавая себе отчета, почему мне вдруг стало так весело, почему таким все светилось счастьем, я побежала объявить новость матери и сестрам. Решено было, что в заднем, наружном месте будет все время ехать Лев Николаевич, а мы с сестрой Лизой будем чередоваться: одну станцию поедет она, другую—я, и так до Москвы.

И вот мы едем, едем... Помню, вечером, мне страшно хотелось спать. Я зябла, куталась и чувствовала такое спокойное счастье возле любимого мною с детства, привычного друга семьи, любимого автора „Детства", и теперь такого ласкового и еще более симпатичного. Он рассказывал мне длинно и красиво о Кавказе, о своей жизни там, о красоте гор и первобытной природы, о своих подвигах. Мне так хорошо было от его голоса, равномерного, но как будто горлового, издалека откуда-то, и нежно растроганного. И я то минутами засыпала, то опять просыпалась, и все тот же голос рассказывал мне красиво и поэтично свои кавказские сказки. Мне совестно было за свою сонливость, но я была еще так молода, и хотя жаль было не все услыхать, что рассказывал Лев Николаевич, я все-таки минутами не могла преодолеть сна. Ехали всю ночь. Внутри кареты все спали, и только изредка переговаривались моя мать с Марией Николаевной, или пищал во сне маленький Володя.

Но вот стали подъезжать к Москве. Последняя станция опять моя, и я должна ехать со Львом Николаевичем в заднем, наружном месте. На последней станции подходит ко мне моя сестра Лиза и просит уступить ей ехать в наружном месте.

— Соня, если тебе все равно, уступи мне,—просила она.— В карете так душно.

Мы вышли из станции и стали все садиться по местам. Я полезла в карету.

— Софья Андреевна!—окликнул меня Лев Николаевич,—ведь теперь ваша очередь ехать сзади.

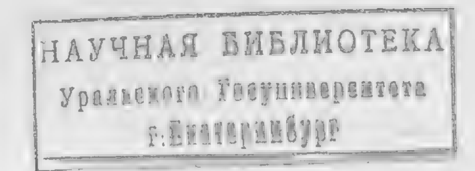
— Я знаю, но мне холодно—уклончиво ответила я, и дверка кареты захлопнулась за мной.

Лев Николаевич постоял минуту, как бы задумавшись о чем-то, и сел на козлы.

На другой день Мария Николаевна уехала заграницу, а мы вернулись в Покровское, [39] на нашу дачу, где ждали нас отец [40] и братья. [41]

Последние девичьи дни и повесть.

Вся прежняя жизнь моя стала другая. Та же обстановка, те же люди, та же я—по внешности. Но куда-то ушло мое

личное „я“; то самое чувство, обладевшее мною еще в Ясной Поляне и Ивицах, продолжало владеть мною. Мое „я“ попало в беспредельное пространство, свободное, ничем не ограниченное и всемогущее. Я доживала эти последние девичьи дни какой-то особенной силой жизни, освещенной ярким светом и особенным пробуждением души. Еще в два периода моей жизни я испытала эту силу духовного подъема. И эти редкие, периодические особенные пробуждения души убедили меня больше, чем что-либо, что душа живет своей отдельной жизнью, что она бессмертна, и что смерть есть освобождение души, когда она покинет тело.

Приехав с нами из Ясной Поляны в Москву,[42] Лев Николаевич нанял себе квартиру у какого-то немца-сапожника и поселился у него. В то время он был занят школьной деятельностью[43] и журналом под названием: „Ясная Поляна“, цель которого была чисто-педагогическая, преимущественно для народных школ. Продолжался он только один год.[44]

Лев Николаевич приходил к нам в Покровское почти ежедневно. Иногда привозил его к нам мой отец, ездивший часто в город по обязанностям службы. Раз Лев Николаевич пришел и сказал нам, что был в Петровском парке во дворце и подал через дежурного флигель-адъютанта письмо государю Александру II по поводу оскорбления, нанесенного ему без всякого повода жандармским обыском в Ясной Поляне.[45] Это было 23-го августа 1862 года. Государь находился в то время в Петровском парке по случаю маневров на Ходынском поле.

Мы много гуляли и беседовали с Львом Николаевичем, и он меня раз спросил, пишу ли я свой дневник. Я сказала, что пишу давно, с 11-летнего возраста, и, кроме того, написала в прошлое лето, когда мне было 16 лет, длинную повесть[2].

— Дайте мне прочесть ваши дневники,—просил меня Лев Николаевич.

— Нет, не могу.

— Ну, так дайте повесть.

Повесть я дала. На другое утро я спросила его, читал ли и ее? Он мне ответил спокойно и равнодушно, что просмотрел ее. А в дневнике его впоследствии я прочла по поводу

чтения моей повести следующее: „Дала прочесть повесть. Что за энергия правды и простоты“. И потом он мне рассказал, что не спал ночь и очень его взволновало мое суждение о лице повести, князе Дублицком, в котором он узнал себя и про которого говорилось, что „князь нообычайно непривлекательной наружности, и в нем переменчивость суждений“.

Помню, раз мы были все очень веселы и в игривом настроении. Я все повторяла одну и ту же глупость: „Когда я буду государыней, я сделаю то-то“, или: „Когда я буду государыней, я прикажу то-то“. У балкона стоял кабриолет моего отца, из которого только-что выпрягли лошадь. Я села в кабриолет и кричу: „Когда я буду государыней, я буду кататься в таких кабриолетах“.

Лев Николаевич схватил оглобли и вместо лошади рысью повез меня, говоря: „Вот я буду катать свою государыню“. Какой он был сильный и здоровый показывает этот эпизод.

— Не надо, не надо, вам тяжело!—кричала я. Но мне было очень весело, и мне нравилось, что Лев Николаевич такой сильный и катает меня.

Какие были тогда чудесные лунные вечера и ночи. Как сейчас вижу я ту полянку, всю освещенную луной, и отражение луны в ближайшем пруду. Были какие-то стальные, свежие, бодрящие, августовские ночи... „Какие сумасшедшие ночи“,— часто говаривал Лев Николаевич, сидя с нами на балконе или гуляя с нами вокруг дачи. Не было между нами никаких романических сцен или объяснений. Мы так давно знали друг друга. Общение между нами было так легко и просто. И точно я спешила доживать какую-то чудесную, свободную жизнь, ясную, ничем не спутанную, девичью жизнь. Все было хорошо, легко, ничего не хотелось, никуда я не стремилась.

И вот опять и опять приходил к нам Лев Николаевич. Иногда, когда он поздно у нас засаживался, родители мои оставляли его ночевать. Раз мы пошли его провожать,—это было в самом начале сентября,—и когда надо было уже с ним расстаться, и возвращаться домой, сестра Лиза поручила мне пригласить Льва Николаевича ко дню ее именин, 5-го сентября. Я как-то задорно-настойчиво стала его звать; он сначала отказывался, удивлялся и спрашивал: „Почему вы именно на

5-е зовете?“ Объяснять я не смела. Меня просили об именинах не упоминать.

Лев Николаевич обещал, и к общей нашей радости пришел. С ним всегда все было интересно и весело.

Сначала я посещения его относила не к себе. Но начинала сознавать, что меня забирает к нему серьезное чувство. Помню раз, сильно взволнованная, я прибежала наверх в нашу девичью комнату с итальянским окном, с видом на пруд, дальше на церковь, на все то, что так привычно и дорого было с самого рождения (я родилась в Покровском), стою у окна, а сердце так и бьется. Взошла сестра Таня и сразу поняла, что я не спокойна.

— Что с тобой, Соня?—участливо спросила она.

— Je crains d'aimer le comte, — быстро и сухо ответила я ей по-французски.

— Неужели? — удивилась Таня, совсем не подозревавшая моего чувства. Она даже огорчилась. Она знала мой характер. Для меня и тогда и после всегда „aimer“ значило не забавляться этим чувством, а скорее страдать.

В Москве.

Между 5-м и 16-м сентября мы всей семьей переехали в Москву. Как всегда, покинув дачу и жизнь с природой, в Москве мне все сначала казалось скучно, тесно, замкнуто, и это угнетающе действовало на душевное состояние. Перед отъездом у нас был обычай прощаться с любимыми местами и в короткий срок обежать как можно больше таких мест. В этот год я, действительно, навсегда простилась с милым Покровским вместе с моей девичьей жизнью.

В Москве опять начались почти ежедневные посещения Льва Николаевича. Раз вечером я тихонько вошла к матери за перегородку в ее спальне. Она была уже в постели. Сколько раз, бывало, приедешь откуда-нибудь с вечера или из театра, и мама весело скажет: „Ну, рассказывай“. И начинаешь ей повествование о проведенном вечере или в лицах представляешь то, что видела в театре. На этот раз мы обе были невеселы.

— Ты что, Соня?—спросила меня мать.

— Вот что, мама. Все думают, что Лев Николаевич женится не на мне, а он, кажется, меня любит,—робко сказала я.

Моя мать почему-то рассердилась и напала на меня.

— Вечно воображает, что все в нее влюблены,—почему-то напустилась она на меня.—Ступай, уходи и не думай глупостей.

Меня огорчило подобное отношение матери к моей откровенности, и я после этого уже ни с кем не говорила о Льве Николаевиче. Отец тоже сердился, что Лев Николаевич, посещая так часто наш дом, не делал по старому русскому обычаю предложения старшей дочери, и был холоден с Львом Николаевичем и недобр со мной. Положение в доме было натянутое и тяжелое, особенно для меня.

14-го сентября Лев Николаевич мне сказал, что должен мне сообщить нечто очень важное, но не успел мне сказать, что именно. Догадаться было нетрудно. Разговаривал он со мной в этот вечер долго. Я играла на рояле в гостиной, а он стоял, прислонившись всей фигурой к печке, и как только я замолкала, он повторял: „Играйте, играйте...“ Музыка мешала другим слышать его слова, а руки мои дрожали от волнения, и пальцы путались, играя чуть ли не в десятый раз все тот же мотив вальса „Il Baccio“, который я выучила наизусть, чтоб аккомпанировать пенью сестры Тани.

Предложения мне тогда Лев Николаевич еще не делал, и я подробно не помню теперь его речи. Помню, что смысл его слов был таков, что он меня любит, что хочет на мне жениться. Но все это были только намеки. А в дневнике он писал:

„12-го сентября 1862 года. Я влюблен, как не верил, чтобы можно было любить. Я сумасшедший, я застрелюсь, если это так продолжится. Был у них вечер. Она прелестна во всех отношениях...“

„13-го сентября 1862 года... Завтра пойду как встану и все скажу, или застрелюсь... 4-й час ночи... Я написал ей письмо и отдам завтра, т.-е. нынче 14-го. Боже мой, как я боюсь умереть. Счастье, и такое, мне кажется невозможным. Боже мой, помоги мне!..“

Прошел еще день 15-го. 16-го сентября, в субботу, вечером, приехали кадеты: мой брат Саша и его товарищи. В столовой

пили чай и кормили голодных кадетов. Лев Николаевич весь этот день провел у нас, и, выбрав от посторонних глаз минутку, вызвал меня в комнату моей матери, где никого в то время не было.

— Я хотел с вами поговорить,—начал он,—но не мог. Вот письмо, которое я уже несколько дней ношу в кармане. Прочтите его. Я буду здесь ждать вашего ответа.

Предложение.

Я схватила письмо и стремительно бросилась бежать вниз, в нашу общую, девичью комнату, где мы жили все три сестры. Вот содержание его:

„Софья Андреевна, мне становится невыносимо. Три недели я каждый день говорю: нынче все скажу, и ухожу с той же тоской, раскаянием, страхом и счастьем в душе. И каждую ночь, как и теперь, я перебираю прошлое, мучаюсь и говорю: зачем я не сказал, и как, и что бы я сказал. Я беру с собою это письмо, чтобы отдать его вам, ежели опять мне нельзя или недостанет духу сказать вам все. *Ложный взгляд вашего семейства* на меня состоит в том, как мне кажется, что я влюблен в вашу сестру Лизу. Это несправедливо. *Повесть ваша засела у меня в голове*, оттого что, прочтя ее, я убедился в том, что мне, Дублицкому, не пристало мечтать о счастье, что ваши *отличные* поэтические требования любви... что я не завидую и не буду завидовать тому, кого вы полюбите. Мне казалось, что я могу радоваться на вас, как на детей. В Ивицах я писал: „*Ваше присутствие слишком живо напоминает мне мою старость, и именно вы*“. Но и тогда и теперь я лгал перед собой. Еще тогда я мог бы оборвать все и опять пойти в свой монастырь одинокого труда и увлечения делом. Теперь я ничего не могу, а чувствую, что напутал у вас в семействе; что простые, дорогие отношения с вами, как с другом, честным человеком потеряны. И я не могу уехать и не смею остаться. Вы честный человек, руку на сердце, не торопясь, ради бога не торопясь, скажите, что мне делать? Чему посмеешься, тому поработаешь. Я бы помер со смеху, если бы месяц тому назад мне сказали, что

можно мучаться, как я мучаюсь, и счастливо мучаюсь это время. Скажите, как честный человек, хотите ли вы быть моей женой? Только ежели от всей души, смело вы можете сказать: да, а то лучше скажите: нет, ежели в вас есть тень сомнения в себе. Ради бога, спросите себя хорошо. Мне страшно будет услышать: нет, но я его предвижу и найду в себе силы снести. Но ежели никогда мужем я не буду любимым так, как я люблю, это будет ужасно!“ [46]

Письмо это я хорошенько не прочла сразу, а пробежала глазами до слов: „Хотите ли вы быть моей женой“. И уже хотела вернуться наверх, к Льву Николаевичу с утвердительным ответом, как встретила в дверях сестру Лизу, которая спросила меня: „Ну, что? — „Le comte m'a fait la proposition“ *),—отвечала я ей быстро. Вошла моя мать и сразу поняла, в чем дело. Взяв меня решительно за плечи и повернув к двери, она сказала:

— Поди к нему и скажи ему свой ответ.

Точно на крыльях, с страшной быстротой вбежала я на лестницу, промелькнула мимо столовой, гостиной и вбежала в комнату матери. Лев Николаевич стоял, прислонившись к стене, в углу комнаты и ждал меня. Я подошла к нему, и он взял меня за обе руки.

— Ну, что?—спросил он.

— Разумеется, да,—отвечала я.

Через несколько минут весь дом знал о случившемся, и все стали нас поздравлять.

Именины. Невеста.

На другой день, 17-го сентября, были именины моей матери, Любови Александровны, и мои. Все московские родные, друзья и знакомые приезжали нас поздравлять, и всем объявляли о нашей помолвке. Старый профессор университета, учивший нас с сестрой французскому языку, узнав, что за Льва Николаевича выхожу замуж я, а не моя старшая сестра, наивно сказал:

— „C'est dommage, que cela ne fut m-lle Lise, elle a si bien étudié“ **).

*) [Граф сделал мне предложение].

**) [Как жалко что не Лиза, она так хорошо училась].

Маленькая Катя Оболенская [47] бросилась меня обнимать и сказала обратное:

— Как я рада, что вы выходите замуж за такого хорошего человека и писателя.

Невестой я была только неделю: от 16-го до 23-го сентября. Возили меня по магазинам, и я равнодушно примеряла платья, белье, уборы на голову. Приходил ежедневно Лев Николаевич и принес мне раз свои дневники. Помню, как тяжело меня потрясло чтение этих дневников, которые он мне дал прочесть, от излишней добросовестности, до свадьбы. И напрасно: я очень плакала, заглянув в его прошлое.

Помню, раз, вечером, мама с сестрами поехала в театр. Давали „Отелло", и играл знаменитый тогда трагик Ольридж. [48] Мать моя прислала и за нами коляску, чтобы мы тоже приехали в театр. Помню мое чувство, что я немного боялась Льва Николаевича, боялась, что он во мне, глупой, ничтожной девчонке, скоро разочаруется. И мы почти всю дорогу молчали.

А то раз он пришел днем, а я сижу с своей подругой, Ольгой З., [49] в зале, у окна, и она горько плачет.

Лев Николаевич удивился:

— Точно вы ее хороните,—сказал он.

— Все кончено, вы ее увезете, и она для нас всех пропадет,—сказала она по-французски, не в силах остановить своих слез.

Эта неделя прошла, как тяжелый сон. Для многих свадьба моя оказалась горем, и Лев Николаевич страшно торопил свадьбой. Моя мать говорила, что нужно сшить если не все приданое, то хотя бы все самое необходимое.

— Да ведь она одета,—говорил Лев Николаевич,—да еще всегда такая нарядная.

Кое-что сшили мне наскоро, главное—весь свадебный наряд, и назначили свадьбу на 23-е сентября, в 7 час. вечера, в дворцовой церкви. У нас шли спешные приготовления, но и у Льва Николаевича было много хлопот. Он купил прекрасный дормез, заказывал фотографии всей моей семьи, подарил мне брошку с брильянтом. Снял и свой портрет, который я просила вделать в подаренный мне отцом золотой браслет. Еще немало ему было хлопот и неприятностей с некиим г. Стелловским, [50]

которому Лев Николаевич продал тогда свои сочинения. Но от подарков и нарядов я большого восторга не испытывала,— не то меня интересовало. Я вся была поглощена своей любовью и страхом потерять любовь Льва Николаевича. И этот страх и потом, во всю мою жизнь, оставался в моем сердце, хотя, благодаря бога, в 48 лет нашей супружеской жизни мы сохранили эту любовь.

Когда мы со Львом Николаевичем говорили о нашем будущем, он предлагал мне избрать, где я хочу быть после свадьбы: остаться пожить в Москве, с родными, ехать ли заграницу, или прямо в Ясную Поляну. И я избрала последнее, чтоб сразу начать серьезную, семейную жизнь дома. И Лев Николаевич, повидимому, был этому рад.

Свадьба.

Наступил и день свадьбы, 23-го сентября. Я весь день не видала Льва Николаевича. Только на минутку забежал он, и мы сидели с ним на уложенных уже каретных важах, и он начал меня мучить допросами и сомнениями моей любви к нему. Мне даже казалось, что он хочет бежать, что он испугался женитьбы. Я начала плакать. Пришла моя мать и напала на Льва Николаевича.—„Нашел когда ее расстраивать,—говорила она.—Сегодня свадьба, ей и так тяжело, да еще в дорогу надо ехать, а она вся в слезах".—Льву Николаевичу стало как-будто совестно. Он скоро ушел и обедал в этот день с своими посажеными отцом и матерью: Василием Степановичем и Прасковьею Федоровною Перфильевыми. [51] Они его и благословили и сопровождали в церковь. Шафером Лев Николаевич пригласил Тимирязева, [52] а брат Сергей Николаевич [53] уехал в Ясную Поляну приготовлять все к нашему приезду и встретить нас там.

Со стороны Льва Николаевича приехала к свадьбе еще его тетка, Пелагея Ильинична Юшкова. [54] Она ехала со мной в карете, и тут же был с образом мой маленький брат Володя.

В седьмом часу мои сестры и подруги начали меня одевать. Я просила не брать парикмахера, причесалась сама, а барышни закололи мне цветы и длинную тюлевую вуаль. Платье было

тоже тюлевое, по тогдашней моде, с очень открытой шеей и руками. Все это окружало меня как облако, так все было тонко и воздушно. Худые плечи и руки не сложившейся еще девочки имели жалкий и костлявый вид. Но вот я готова, ждем от жениха посланного шафера с объявлением, что жених в церкви. Проходит час и больше,—нет никого. В голове моей мелькнула мысль, что он бежал,—он был такой странный утром. Но вместо шафера является взволнованный, засуетившийся, косенький лакей Алексей Степанович и требует, чтоб поскорей раскрыли важи и достали оттуда чистую рубашку. Приготовив все для свадьбы и отъезда, забыли оставить чистую рубашку. Посылали купить, но было воскресенье, и все магазины были заперты. Пока ее свезли, пока оделся и приехал в церковь жених, прошло еще много времени. Явился, наконец, и шафер жениха, объявив, что жених в церкви. Начались прощание, слезы, рыдания, и меня совсем расстроили.

— Что мы будем делать без нашей графинюшки!—приговаривала няня, с раннего детства называвшая меня так, вероятно потому, что я носила имя моей бабушки, графини Софии Петровны Завадовской.

— А я без тебя умру с тоски,—говорила моя сестра Таня.

Маленький брат Петя смотрел на меня отчаянно своими грустными черными глазами. Моя мать избегала меня и усиленно хозяйничала с свадебными приготовлениями. У всех на душе было невесело от предстоящей разлуки.

Отец был нездоров. Я пошла к нему в кабинет проститься, и он казался смягченным и растроганным. Приготовили хлеб-соль, мать взяла образ мученицы Софии; рядом с ней стоял мой дядя Михаил Александрович Исленьев, [55] брат моей матери, и они благословили меня.

Торжественно и молча поехали мы все в церковь, в двух шагах от дома, где мы жили. [56] Я плакала всю дорогу. Зимний сад и придворная церковь Рождества Богородицы были великолепно освещены. В дворцовом зимнем саду меня встретил Лев Николаевич, взял за руку и повел к дверям церкви, где нас встретил священник. Он взял в свою руку наши обе руки и подвел к аналою. Пели придворные певчие, служили два священника, и все было очень нарядно, парадно и торже-

ственно. Все гости были уже в церкви. Церковь была полна и посторонними, служащими во дворце. В публике делали замечания о моей чрезмерной молодости и заплаканных глазах.

Обряд нашего венчания прекрасно описал Лев Николаевич в романе своем „Анна Каренина“, когда он описывал свадьбу Левина и Китти. [57] Он ярко и художественно изобразил и внешнюю сторону обряда и весь психологический процесс в душе Левина. Что касается меня, я уже столько за все дни пережила волнений, что, стоя под венцом, я ничего не испытывала и не чувствовала. Мне казалось, что совершается что-то несомненное, неизбежное, как всякое стихийное явление. Что все делается так, как нужно, и рассуждать уж нечего.

Моими шаферами были брат Саша и его бывший товарищ по корпусу П., [58] тогда уже гвардейский офицер.

Обряд кончился, нас поздравляли, и мы уже вдвоем со Львом Николаевичем поехали в карете домой. Он был ласков и, повидимому, счастлив... Дома, в Кремле, приготовлено было все то, что обычно бывает на свадьбах: шампанское, фрукты, конфеты и проч. Гостей было немного, только родные и самые близкие друзья.

Меня переодели в дорожное платье. Престарелая наша горничная Варвара, которую шутник, старый друг отца, доктор Анке, [59] прозвал „Устрицей“ и которая ехала со мной, суетилась с лакеем Льва Николаевича, Алексеем, и окончательно укладывала все вещи.

Проводы и отъезд.

Привели шестерку почтовых лошадей с форейтором, впрягли в новенький дормез, только-что купленный Львом Николаевичем, увязали наверх кареты черные, глянцевитые, перетянутые ремнями важи, и Лев Николаевич начал торопить отъездом.

Что-то тяжелое, мучительное подступило мне к самому горлу и душило меня. Я вдруг в первый раз ясно почувствовала, что я навсегда отрываюсь от своей семьи, от тех, кого так сильно любила, с кем прожила всю свою жизнь. Но я сдерживала свои слезы, свое горе. Начались прощания. Это было ужасно! Прощаясь с больным отцом, я уже не могла не пла-

кать. Прощаясь с сестрой Лизой, я пристально посмотрела ей в глаза; она тоже прослезилась. Сестра Таня по-детски громко плакала, и ей вторил брат Петя, слишком много, нарочно выпивший шампанского, чтобы не почувствовать своего горя, как объяснил он сам, и его увели спать. Сошла я вниз, поцеловала и перекрестила своего двухлетнего, спящего братца Вячеслава, простилась и с няней, Верой Ивановной, которая с рыданиями бросилась меня целовать и в лицо, и в плечи, и куда попало. Сдержанная старушка Степанида Трифоновна, прожившая в нашей семье более 35-ти лет, [60] учтиво пожелала мне счастья.

Но вот и последние минуты. Я нарочно оставила свое прощание с матерью под конец. Уже совсем перед тем, как мне сесть в карету, я бросилась ей на шею. Мы обе рыдали. В этих слезах, в этом прощании была и обоюдная благодарность за все хорошее, что мы своей любовью дали друг другу: было и прощение за невольные огорчения, была и скорбь разлуки с любимой матерью, и ее материнское желание мне счастья.

Когда я, наконец, решилась оторваться от моей матери, и, не оборачиваясь, стала садиться в карету, она вскрикнула таким раздирающим голосом, что долго потом, да и во всю свою жизнь, я не забыла этого крика, стона ее сердца, от которого точно оторвали что-то.

Осенний дождь лил не переставая; в лужах отражались тусклые фонари улиц и только-что зажженные фонари кареты. Лошади нетерпеливо стучали копытами, а передние с форейтором тянули вперед. Дверку кареты захлопнул за нами Лев Николаевич. На заднее место вскочил Алексей Степанович и влезла престарелая „Устрица“ Варвара. Зашлепали лошади по лужам, и мы поехали. Забившись в уголок, вся разбитая от усталости и горя, я, не переставая, плакала. Лев Николаевич казался очень удивленным и даже недоумевающе-недовольным. У него настоящей семьи—отца, матери—не было, он вырос без них, и понять меня, как мужчина, он тоже не мог. Он мне намекал, что я его, стало-быть, мало люблю, если так тяжело расстаюсь с своей семьей. Он тогда не понял, что если я так страстно и горячо люблю свою семью, то ту же способность любви я перенесу на него и на наших детей. Так и было впоследствии.

Когда выехали из Москвы за город, стало темно и жутко. Я никогда прежде никуда не ездила ни осенью ни зимой. Отсутствие света и фонарей удручало меня. До первой станции, кажется, „Бирюлево“, мы почти не разговаривали. Помню, что Лев Николаевич был как-то особенно бережно нежен со мной. В Бирюлеве нам, молодым, да еще титулованным, приехавшим шестериком в новом дормезе, открыли царские комнаты, большие, пустые с красной триповой мебелью, и такие неуютные. Принесли самовар, приготовили чай. Я забилась в угол дивана и молча сидела, как приговоренная.

— Что же, хозяйничай, разливай чай,—говорил Лев Николаевич.

Я повиновалась, и мы начали пить чай, и я конфузилась, и все чего-то боялась. Ни разу я не решилась перейти на „ты“, избегала как-либо назвать Льва Николаевича и долго после говорила ему „вы“.

Приезд в Ясную Поляну.

Ехали мы от Москвы до Ясной Поляны немного менее суток, и на другой день к вечеру приехали домой, чему я была очень рада. И так странно. Я дома, и где же? В Ясной Поляне.

Первое мое впечатление, когда я вошла на лестницу дома, в котором мне суждено было прожить полвека, было—тетенька Татьяна Александровна, с образом Знамения божией матери, и рядом с ней брат Сергей Николаевич с хлебом-солью. Я поклонилась им в ноги, перекрестилась, поцеловала образ и тетеньку. Лев Николаевич сделал то же. Потом мы пошли в ее комнату, где была Наталья Петровна. С этого дня началась моя жизнь в Ясной Поляне, откуда я почти не выезжала первые 18 лет. В дневнике своем Лев Николаевич тогда написал: „25-го сентября 1862 г. Неимоверное счастье! Не может быть, чтоб это кончилось только жизнью!“

Из тетради

„МОИ ЗАПИСИ РАЗНЫЕ ДЛЯ СПРАВОК“

Ясная Поляна, 14 февраля 1870 года.

Надиях, читая биографию Пушкина,[61] мне пришло в голову, что я могла бы быть полезна для потомства, которое будет интересоваться биографией Левочки и записывать не вседневную его жизнь, а жизнь умственную, насколько я способна следить за ней. Мне и прежде это приходило в голову, да времени у меня мало.

Теперь начать хорошо. „Война и мир“ кончено и ничего еще серьезно не предпринято.

Все лето прошлое он читал и занимался философией; восхищался Шопенгауером,[62] считал Гегеля[63] пустым набором фраз. Он сам много думал и мучительно думал, говорил часто, что у него мозг болит, что в нем происходит страшная работа; что для него все кончено, умирать пора и проч. Потом эта мрачность прошла. Он стал читать русские сказки и былины. Навел его на это чтение замысел писать и составлять книги для детского чтения для четырех возрастов, начиная с азбуки.[64] Сказки и былины приводили его в восторг. Былина о Даниле Ловчанине навела его на мысль написать на эту тему драму. Сказки и типы, как, например, Илья Муромец, Алеша Попович и мног. друг., наводили его на мысль написать роман и взять характеры русских богатырей для этого романа. Особенно ему нравился Илья Муромец. Он хотел в своем романе описать его образованным и очень умным человеком, происхождением мужик, и учившийся в университете. Я не сумею передать тип, о котором он говорил мне, но знаю, что он был превосходен.

После чтения былин и сказок, именно все это последнее время он перечитал бездну драматических произведений. И Мольера, и Шекспира, и Пушкина „Бориса Годунова“, которого не хвалит и не любит, и сам все собирается писать комедию. Он даже начал ее и рассказал мне довольно пустой сюжет, но я знаю, что это не серьезная его работа. Он сам надням сказал мне: „нет, испытавши эпический род (т.-е. „Война и мир“), трудно и не стоит браться за драматический. Но я вижу, что он только и думает о комедии, и все свои силы направил на драматический род.

15 февраля.

Вчера вечером много говорил Левочка о Шекспире *) и очень им восхищался; признает в нем огромный драматический талант. Про Гёте говорил, что он эстетик, изящен, пропорционален, но что драматического таланта у него нет, что в этом он слаб и все собирается поговорить с Фетом [66] о Гёте, которым Фет так восхищается. Еще Левочка говорил, что когда Гёте рассуждает, философствует, тогда он велик.

Нынче утром Л. зазвал меня в кабинет, когда я проходила мимо, и говорил много об русской истории и исторических лицах. Я застала его за чтением истории Петра Великого— Устрялова. [67]

Типы Петра Великого и Менщикова [68] очень его интересуют. О Менщикове он говорил, что чисто русский и сильный характер, только и мог быть такой из мужиков. Про Петра Великого говорил, что он был орудием своего времени, что ему самому было мучительно, но он судьбою назначен был ввести Россию в сношение с Европейским миром. В истории он ищет сюжета для драмы и записывает, что ему кажется хорошо. Сегодня он записал сюжетом историю Мировича, [69] хотевшего освободить Иоанна Антоновича из крепости. Вчера он сказал мне, что опять перестал думать о комедии, а думает о драме, и все толкует: как много работы впереди!

Мы с ним сейчас катались на коньках, и он добивается уметь делать все штуки на одной и двух ногах, задом, круги и проч. Это его забавляет, как мальчика.

---

*) [Позднейшая приписка]: Хвала Шекспиру была кратковременна, в душе он его не любит и всегда говорит: „я это говорю потихоньку“ [65].

24 февраля 1870.

Наконец, после долгих колебаний, сегодня Л. приступил к работе. Вчера он сказал, что когда думает серьезно, тогда ему представляется не драматическое, а опять эпическое.

Надняx он был у Фета, и тот сказал ему, что драматический не его род, и, кажется, теперь мысль о драме и комедии оставлена.

Сейчас, утром, он написал своим частым почерком целый лист кругом. Действие начинается в монастыре, где большое стечение народа и лица, которые потом будут главными.

Вчера вечером он мне сказал, что ему представился тип женщины, замужней, из высшего общества, но потерявшей себя. Он говорил, что задача его сделать эту женщину только жалкой и не виноватой, и что как только ему представился этот тип, так все лица и мужские типы, представлявшиеся прежде, нашли себе место и сгруппировались вокруг этой женщины.[70] „Теперь мне все выяснилось", говорил он. Давно придуманный им характер из мужиков образованного человека, вчера он решил сделать управляющим.

Он говорил: „Меня упрекают в фатализме, а никто не может быть более верующий, чем я. Фатализм есть отговорка, чтоб делать дурное, а я верю в бога; в выражение Евангелия, что ни один волос не спадет без воли божьей, оттого и говорю, что все предопределено".

Мы не получаем ни газет ни журналов, Л. говорит, что не хочет читать никаких критик. „Пушкина смущали критики,— лучше их не читать". Нам даром посылают „Зарю",[71] в которой Страхов[72] так превозносит талант Л. Это его радует. Еще Рис[73] посылает немецкую газету, вот и все. Revue des deux mondes мы выписываем и читаем.

9 декабря 1870.

Сегодня в первый раз начал писать, мне кажется, серьезно. Не могу выразить, что делалось у него в голове все время его бездействия. Была мысль писать о путешествующем по России человеке, была мысль о взятом из крестьян и образованном человеке. А тут теперь в том начале, которое он мне нынче

прочел, опять замысел о гениально умном человеке, гордом, хотящем учить других, искренно желающем приносить пользу, и потом после нескольких времени путешествия по России, столкновения с людьми простыми, истинно приносящими существенную пользу, после разной борьбы, приходящему к заключению, что его желание приносить пользу, как он это понимал,—бесплодно, и потом переход к спокойствию ума и гордости, к пониманию простой, существенной жизни, и тогда— смерть.

Я, по крайней мере, так поняла то, что он мне нынче говорил и растолковывал.

В настоящую минуту Л. сидит с семинаристом в гостиной и берет первый урок греческого языка. Ему вдруг пришла мысль учиться по-гречески.

Все это время бездействия, по-моему умственного отдыха, его очень мучило. Он говорил, что ему совестно его праздность не только передо мной, но и перед людьми и перед всеми. Иногда ему казалось, что приходит вдохновение, и он радовался.

Иногда ему кажется—это находило на него всегда вне дома и вне семьи,—что он сойдет с ума, и страх сумасшествия до того делается силен, что после, когда он мне это рассказывал, на меня находил ужас.

Дня три тому назад он воротился из Москвы. [74] Он нам покупал куклы, игрушки к елке, полотна и проч. Вернувшись, он все говорил: „Какое счастье быть дома, какое счастье дети, как я ими наслаждаюсь".

Он учит Сережу [75] математике и иногда выходит из себя. Всегда просит его останавливать, когда он слишком раздражится.

27 марта 1871.

С декабря упорно занимается греческим языком. Просиживает дни и ночи. Видно, что ничто его в мире больше не интересует и не радует, как всякое вновь выученное греческое слово и вновь понятый оборот. [76] Читал прежде Ксенофонта, [77] теперь то Платона, [78] то Одиссею и Илиаду, [79] которыми восхищается ужасно. Очень любит, когда слушаешь его изустный перевод и поправляешь его, сличая с Гнедичем, [80] перевод ко-

торого он находит очень хорошим и добросовестным. Успехи его по греческому языку, как кажется по всем расспросам о знании других и даже кончивших курс в университете, оказываются почти невероятно большими.

Иногда, проверяя его перевод, я замечаю в двух-трех страницах, едва ли два, три слова и иногда непонятый оборот речи.

Писать ему хочется, и часто говорит об этом. Мечтает главное о произведении столь же чистом, изящном, где не было бы ничего лишнего, как вся древняя греческая литература, как греческое искусство... Я не могу объяснить, хотя понимаю ясно, в каком роде его задуманное произведение. Он говорит, что „не трудно написать что-нибудь, а трудно не написать. Т.-е. удержаться от лишнего пустословия, от которого почти никто никогда не удерживается.

Мечтает написать из древней русской жизни. Читает Четьи-Минеи,[81] житье святых и говорит, что это наша русская настоящая поэзия. Здоровье его плохо. Всю зиму хворал. Была боль в коленке ужасная; лихорадка, которой много содействовало слишком напряженное занятие греческим языком, в чем и он сознался сам; и теперь сухой, короткий и редкий кашель, в котором он не сознается и сердится, когда говорю ему о нем. „Никакого нет", всегда говорит, а меня это больше всего мучает.

16 января 1873 года.

Замысел мой я не выполнила и не записывала, что занимало все это время, а главное как был занят ум Л. Он составил четыре детские книги, занимался с уверенностью, гордостью и твердым убеждением, что дело его и полезно и хорошо. Азбука эта имеет страшный неуспех, который ему очень неприятен и особенно смутил и сердил его сначала. К счастью, это не мешает ему заниматься. Вчера он говорил: „Если б мой роман потерпел такой неуспех, я бы легко поверил и помирился, что он не хорош. А это я вполне убежден, что „Азбука" моя есть необыкновенно хороша, и ее не поняли".[82]

Занят он теперь чтением материалов из истории времен Петра Великого. Его вдруг охватило какой-то бессознательной потребностью избрать себе умственную деятельность именно

из этого времени. Как это подкралось—было даже незаметно. Он записывает в разные записные книжечки все, что может быть нужно для верного описания нравов, привычек, платья, жилья и всего, что касается обыденной жизни особенно народа и жителей вне двора и царя. А в других местах записывает все, что приходит в голову касательно типов, движения, поэтических картин и проч. Эта работа мозаичная. Он вникает до таких подробностей, что вчера вернулся с охоты особенно рано и допытывался по разным материалам, не ошибка ли, что написано, будто высокие воротники носились при коротких кафтанах. Л. предполагает, что они носились при длинных, верхних платьях, особенно у простонародья. Вечером мы читали вслух записки [в тексте место пропущено] о свадьбах и обычаях русских времен Алексея Михайловича [83]. Левочка очень ценит и хвалит историю Устрялова, как труд вполне добросовестный.

31 января 1873.

Чтение материалов продолжается. Типы один перед другим возникают перед ним.

Написано около десяти начал, и он все недоволен. Вчера говорил: „Машина вся готова, теперь ее привести в действие".

19 марта 1873.

Вчера вечером Л. мне вдруг говорит: „А я написал полтора листочка и, кажется, хорошо". Думая, что это новая попытка писать из времен Петра Великого, я не обратила большого внимания. Но потом я узнала, что начал он писать роман из жизни частной и современной эпохи. [84] И странно, он на это напал. Сережа все приставал ко мне дать ему почитать что-нибудь старой тете вслух. Я ему дала „Повести Белкина" Пушкина. [85] Но оказалось, что тетя заснула, и я, поленившись итти вниз, отнести книгу в библиотеку, положила ее на окно в гостиной. На другое утро, во время кофе, Л. взял эту книгу и стал перечитывать и восхищаться. Сначала в этой части (изд. Анненкова) он нашел критические заметки и говорил: „Многому я учусь у Пушкина, он мой отец, и у него надо учиться". Потом он перечитывал вслух мне о старине, как помещики жили и ездили по дорогам, [86] и тут ему объяснился во многом быт дворян во времена и Петра Великого, что особенно его мучило;

но вечером он читал разные отрывки, и под влиянием Пушкина стал писать. Сегодня он продолжал дальше, и говорит, что доволен своей работой. [87]

В настоящую минуту он ушел смотреть лисицу, с двумя сыновьями, учителем Федором Федоровичем [88] и дядей Костей. [89] Лисица эта бегает всякий день недалеко от дому, около мостика.

Погода ясная, чудесная. Днем яркое солнце, ночью ослепительные звезды и крутой серп молодого месяца.

4 октября 1873.

Роман „Анна Каренина", начатый весною, тогда же был весь набросан. Все лето, которое мы провели в Самарской губернии, [90] он не писал, а теперь отделывает, изменяет и продолжает роман.

Крамской [91] пишет его два портрета и немного мешает заниматься. Зато споры и разговоры об искусстве всякий день.

Вчера мы вместе поехали в Шаховское к Оболенским, [92] он кашлял, и я боюсь за него. Он поехал дальше на охоту, а я вернулась сегодня домой. (Рожденье Тани, ей 9-ть лет) [93].

1876 года. 20 ноября.

Сейчас Л. Н. мне рассказывал, как ему приходят мысли к роману: „Сижу я внизу, в кабинете, и разглядываю на рукаве халата белую шелковую строчку, которая очень красива. И думаю о том, как приходит в голову людям выдумывать все узоры, отделки, вышиванья; и что существует целый мир женских работ, мод, соображений, которыми живут женщины. Что это должно быть очень весело, и я понимаю, что женщины могут это любить и этим заниматься. И конечно, сейчас же мои мысли (т.-е. мысли к роману) Анна... И вдруг мне эта строчка дала целую главу. Анна лишена этих радостей заниматься этой женской стороной жизни, потому что она одна, все женщины от нее отвернулись, и ей не с кем поговорить обо всем том, что составляет обыденный, чисто женский круг занятий".

Всю осень он говорил: „Мой ум спит", и вдруг неделю тому назад, точно что расцвело в нем: он стал весело работать и доволен своими силами и трудом. Сегодня, не пивши еще

кофе, молча сел за стол и писал, писал более часу, переделывая главу Алекс. Алекс. в отношении Лидии Ивановны [94] и приезд Анны в Петербург. [95]

Записки о словах, сказанных Л. Н. Толстым во время писанья.

21 ноября 1876 года.

Подошел и говорит мне: „Как это скучно писать". Я спрашиваю: „Что?". Он говорит: „Да вот я написал, что Вронский и Анна остановились в одном и том же номере, а это нельзя, им непременно надо остановиться в Петербурге, по крайней мере, в разных этажах. Ну, и понимаешь, из этого вытекает то, что сцены, разговоры и приезд разных лиц к ним, будет врозь, и надо переделывать". [96]

*) 3 марта.

Вчера Л. Н. подошел к столу, указал на тетрадь своего писанья и сказал: „Ах, скорей, скорей бы кончить этот роман (т.-е. „Анну Каренину") и начать новое. Мне теперь так ясна моя мысль. Чтоб произведение было хорошо, надо любить в нем главную, основную мысль. Так в „Анне Карениной" я люблю мысль семейную, в „Войне и мире" любил мысль народную, вследствие войны 12-го года; а теперь мне так ясно, что в новом произведении я буду любить мысль русского народа в смысле силы завладевающей". И сила эта у Льва Николаевича представляется в виде постоянного переселения русских на новые места на юге Сибири, на новых землях к юго-востоку России, на реке Белой, в Ташкенте и т. д.

Много разных сведений слышны со всех сторон о переселенцах. [97] Так, например, в прошлое лето жили мы в Самаре, и поехали раз вдвоем к казакам, верст 20-ть от нашего Самарского хутора. Встречаем мы целый обоз, несколько семейств дети, старики, все веселые. Мы остановились и спросили старика: „Куда вы?"—„Да на новые места едем из Воронежской

---

*) Перед цифрой „3" первоначально не было ничего написано. Несомненно, позднее перед цифрой „3" было приписано: „1876", что, безусловно не верно: должно быть: „1877", что явствует из предыдущей даты.

губернии. Наши уже давно ушли на Амур, а теперь пишут оттуда, вот и мы едем туда же".

Это очень взволновало тогда и заинтересовало Льва Николаевича. Теперь ему рассказали на железной дороге другой случай: Поехали человек сто или больше тамбовских крестьян в Сибирь, по своей воле. Пришли на степь около Иртыша, им сказали, что тут земля киргизская и им сесть тут нельзя. Они пошли немного дальше. Там тоже земля киргизов и сесть нельзя. Но у них осталось мало хлеба и денег нет. Тогда они на этой земле посеяли хлеб, собрали его, обмолотили и пошли дальше. И так на будущий год сделали то же и опять пошли дальше, пока не пришли на китайскую границу. Там брошенная китайцами-манджурами земля на двух речках. Тут и сели эти тамбовские крестьяне, назвав речки именами тех русских, тамбовских речек, которые они покинули. Хотя земля китайцев, но ее стали считать русскою, и теперь она, несомненно, завоевана не войною, не кровопролитием, а этой русской земледельческой силой русского мужика. Манджуры на них иногда нападают, но русские сделали крепость и защищаются.

И вот мысль будущего произведения,[98] как поняла ее я, а кругом этой мысли группируются факты, типы, еще не ясные даже ему самому.

Сегодня пришел Л. Н. с утренней прогулки и говорит: „Как я счастлив". — Я спросила: „Чем?" Он говорит: „Во-первых, тобой, а во-вторых, своей религией. И не Бобринский,[99] не граф. Ал. Андр. Толстая[100] обратили меня своим христианством, а матерьялист Захарьин[101] (доктор) и вчерашний (наш гость) Левицкий.[102] Захарьин своим искренним желанием быть религиозным, а Левицкий чтением рассказов о русской истории с новой, оригинальной и прекрасной точкой зрения—именно религиозной.

Он рассказывает исторические факты в том тоне, что прежде русские были не христиане и жили для нужд своих и бог карал их, и потом они стали христиане и стали жить для души своей... Чтение это очень тронуло Л. Н., и сегодня он говорит, что он и не мог бы жить долго в той страшной борьбе религиозной, в какой находился эти последние два года, и теперь

надеется, что близко то время, когда он сделается вполне религиозным человеком, но не как... (Мне помешали, и я не помню, что хотела написать).

1877. 25 августа.

Л. Н. уехал в Москву искать детям русского учителя. Все более и более укрепляется в нем религиозный дух. Как в детстве, всякий день становится он на молитву, ездит по праздникам к обедне, где мужики всякий раз обступают его, расспрашивая о войне;[103] по пятницам и средам ест постное и все говорит о духе смирения, не позволяя и останавливая полушутя тех, кто осуждает других. Ездил в Оптину Пустынь[104] 26-го июля и остался очень доволен мудростью, образованием и жизнью тамошних монахов-старцев.

Вчера он мне говорит: „Умственный клапан мой открылся но зато и голова ужасно болит". Его очень волнует неудача в Турецкой войне и положение дел в России, и вчера он писал все утро об этом. Вечером он мне говорил, что знает, какую форму придать своим мыслям, именно написать письмо к государю.—Пусть напишет, но форма рискована и посылать нельзя.

12 сентября 1877.

Л. Н. говорит: „Пока война, ничего не могу писать, так же, как если пожар в городе, то нельзя ни за что взяться, и все тянет туда. Поехал сегодня на охоту с борзыми и оттуда, т.-е. со станции Лазарево,[105] в свое имение — Никольское,[106] по хозяйству.

25 октября 1877.

Л. Н. уехал на охоту с борзыми, но все утро мне рассказывал, как понемногу нанизывается одна мысль за другой для нового произведения. Не могу еще ясно понять, что именно он будет писать,—да кажется ему самому неясно еще, но, как я понимаю, главная мысль будет народ и сила народа, проявляющаяся в земледелии исключительно. Сегодня он мне говорил: „А эта пословица, которую я прочел вчера, мне очень нравится: „Один сын не сын, два сына — полсына, а три сына — сын". Вот для моего начала эпиграф. У меня будет старик, у которого три сына. Одного отдали в солдаты, другой так себе, дома, а третий, любимый отца, выучивается

грамоте и смотрит вон из мужицкого быта, что больно старику. И вот она, семейная драма, в душе зажиточного мужика, для начала". Потом, кажется, этот выучившийся сын-мужик придет в столкновение с людьми другого, образованного круга, и потом ряд событий. Во второй части, как говорит Л. Н., будет переселенец, русский Робинзон, который сядет на новые земли (Самарские степи) и начнет там новую жизнь, с самого начала мелких, необходимых, человеческих потребностей.

„Крестьянский быт мне особенно труден и интересен, а как только я описываю свой—тут я как дома",—говорит Л. Н.

„Анна Каренина" печатается и скоро выйдет в особом издании. [107]—И сегодня Л. Н. сказал: „И в новом будет проведена та же мысль последовательно"... Но какая?

26 декабря 1877.

6-го декабря ночью, в 3 часа, у нас родился сын Андрей. [108] Событие это как будто сняло какие-то умственные оковы с ума Л. Н., и неделю тому назад он начал писать в большой переплетеной книге какое-то религиозно-философское сочинение. Я еще его не читала, но сегодня он сказал брату Степе: „Вот то, что я пишу в большой книге, составляет мою цель доказать несомненную необходимость религии".

Я люблю его аргумент, который он приводит о пользе христианства всем спорящим о том, что законы общественные—законы всех коммунистов, социалистов, будто выше законов христианства, и этот аргумент его потому и записываю. Именно: „Если б не было учения христианства, которое вкоренилось веками в нас и на основании которого сложилась вся наша общественная жизнь, то не было бы и законов нравственности, чести, желания распределить блага земные более ровно, желания добра, равенства, которое живет в этих людях".

Настроение Л. Н. сильно изменяется с годами. После долгой борьбы неверия и желания веры—он вдруг теперь, с осени, успокоился. Стал соблюдать посты, ездить в церковь и молиться богу. Когда его спрашивают, почему именно он избрал эти обряды для исполнения верований, он говорит: „Я буду стараться и желаю достигнуть всех законов церкви, а пока исполняю какие могу". И всегда спрашивает нас: „Ты будешь исповеды-

ваться?“ — „Буду“. — „Тебя спросит священник на духу, ешь ли ты постное?“ — „Спросит“. — „Стало быть, или это надо исполнять, т.-е. есть постное, или надо лгать“.

Характер Л. Н. тоже все более и более изменяется. Хотя всегда скромный и малотребовательный во всех своих привычках, теперь он делается еще скромнее, кротче и терпеливее. И эта вечная, с молодости еще начавшаяся борьба, имеющая целью нравственное усовершенствование, увенчивается полным успехом.

8 января 1878.

„Со мной происходит что-то похожее на то, когда я писал „Войну и мир“,—сказал мне сейчас Лев Николаевич с какой-то полуусмешкой, отчасти радостной, отчасти недоверчивой к словам, которые он сказал. — И тогда я, собираясь писать о возвратившемся из Сибири декабристе, вернулся сначала к эпохе бунта 14-го декабря, потом к детству и молодости людей, участвовавших в этом деле, увлекся войной 12-го года, а так как война 12-го года была в связи с 1805-м годом, то и все сочинение начал с этого времени“. Теперь Льва Николаевича заинтересовало время Николая I, а главное — Турецкая война 1829-го года. Он стал изучать эту эпоху; изучая ее, заинтересовался вступлением Николая Павловича на престол и бунтом 14-го декабря.

Потом он мне еще сказал: „И это у меня будет происходить на Олимпе, Николай Павлович со всем этим высшим обществом, как Юпитер с богами, а там где-нибудь в Иркутске или в Самаре переселяются мужики, и один из участвовавших в истории 14-го декабря попадает к этим переселенцам—и „простая жизнь в столкновении с высшей“. [98]

Потом он говорил, что как фон нужен для узора, так и ему нужен фон, который и будет его теперешнее религиозное настроение. Я спросила: „Как же это?“ Он говорит: „Если б я знал—как, то и думать бы не о чем“. Но потом прибавил: „Вот, например, смотреть на историю 14-го декабря, никого не осуждая, ни Николая Павловича, ни заговорщиков, а всех понимать и только описывать“.

1 марта 1878.

Все время Л. Н. занимается чтением времен Николая Павловича и главное заинтересован и даже весь поглощен историей

декабристов. Он ездил в Москву [109] и привез целую груду книг и иногда до слез тронут чтением этих записок. Сегодня он уехал в Сергиевское [110] по делам вспомоществования семействам ратников.

18 декабря 1879.

Пишет о религии, объяснение Евангелия и о разладе Церкви с Христианством. Читает целые дни, постное ест по средам и пятницам; весь пост есть запретил Захарьин, по случаю головных болей, происходящих будто от желудка.

Все разговоры проникнуты учением Христа.

Расположение духа спокойное и молчаливо-сосредоточенное. Декабристы и вся деятельность в прежнем духе совсем отодвинута назад, хотя он иногда говорит: „Если буду опять писать, то... напишу совсем другое, до сих пор все мое писание были одни этюды".

31 января 1881 года.

У нас был Юрьев [111]. (редактор „Русской Мысли"). Когда я осталась с ним наедине, а Лев Николаевич, по своему обыкновению, взяв стакан с чаем, ушел в кабинет заниматься от завтрака до обеда (от 12-ти до 5-ти), Юрьев стал меня спрашивать, почему Л. Н. бросил писать „Декабристов". Никогда ясно не обдумав сама, почему это так случилось, я задумалась, но потом разом окинула воспоминанием и живо рассказала ему. Юрьев сейчас же горячо начал мне говорить: „Ваш рассказ драгоценен, запишите его непременно".

Слушаюсь Юрьева и записываю.

Л. Н. серьезно занимается только зиму. Изучив матерьялы, набросав кое-что для „Декабристов", он не успел еще написать ничего серьезного, как уже наступило лето. Чтоб не терять времени и вместе с тем здорово его употреблять, он стал делать продолжительные и длинные прогулки по проходящему от нас в двух верстах шоссе (Киевский тракт), где летом можно всегда встретить множество богомольцев, идущих со всех концов России и Сибири на богомолие в Киев, Воронеж, Троицу и проч. места.

Считая свой язык русский далеко не хорошим и не полным, Л. Н. поставил целью своей в это лето изучать язык в народе. Он беседовал с богомольцами, странниками, проезжими и все

записывал в книжечку народные слова, пословицы, мысли и выражения. Но эта цель привела к неожиданному результату.

Приблизительно до 1877-го года религиозное настроение Л. Н. было неопределенное, скорее равнодушное. Неверия не было полного никогда, но и веры определенной тоже не было. Это страшно мучило Л. Н. (он написал свою религиозную исповедь в начале нового сочинения).

Придя в близкое столкновение с народом, богомольцами и странниками, его поразила твердая, ясная и непоколебимая их вера. Ему стало страшно за свое неверие, и он вдруг всей душой пошел той же дорогой, как народ. Он стал ходить в церковь, есть постное, становиться на молитву и исполнять все церковные обряды. Это продолжалось довольно долго.

Но Л. Н. скоро увидал, что источник добра, терпения, любви,—в народе не исходил из ученья церкви; и он сам выразился, что когда он увидал лучи, он по лучам добрался до настоящего света и увидал ясно, что свет в христианстве,— в Евангелии. Всякое другое влияние он упорно отвергает и с его слов делаю это замечание.

„Христианство живет в преданиях, в духе народа, бессознательно, но твердо". Вот его слова.

Тогда же мало-по-малу Л. Н. увидал с ужасом, какой разлад между церковью и христианством. Он увидал, что церковь как бы рука об руку с правительством составила заговор тайный против христианства. Церковь молится и благодарит бога за побитых людей, празднуя победу, тогда как в Ветхом Завете сказано: „Не убий". А в Евангелии: „Люби ближнего, как самого себя". Церковь выносит и покровительствует даже присяге, а Христос сказал: „Не клянись". Церковь дала людям обрядность, которой люди должны спасаться, и поставила преграду христианству; истины ученья о царстве божьем на земле затмились тем, что людей усиленно убеждали о их несомненном спасеньи посредством крещенья, причастия, постов и проч.

Вот, что пришло в голову Льву Николаевичу. Он стал изучать Евангелие, переводить его и комментировать.[112] Работа эта продолжается второй год и доведена, кажется, до половины. Но он стал, как он говорит, счастлив душой. Он познал (по его выраженью) „свет". Все миросозерцание осветилося

этим светом. Взгляд на людей стал таков (как он сам говорил), что прежде был известный кружок людей своих, близких, а теперь миллионы людей стали братьями. Прежде было именье и богатство свое, а теперь кто беден и просит, тому надо давать.

Всякий день садится он за свою работу, окруженный книгами и до обеда трудится. Здоровье его сильно слабеет, голова болит, он поседел и похудел в эту зиму.

Он, повидимому, совсем не так счастлив, как бы я того желала, а стал тих, сосредоточен и молчалив. Почти никогда не прорывается то веселое, живое расположение духа, которое бывало увлекало всех нас, его окружающих. Приписываю это усталости от тяжелого напряженного труда. Не то, как бывало, когда описывалась охота или бал в „Войне и мире“, он, веселый и возбужденный, имел вид, как будто сам побывал и участвовал в этих увеселениях. Ясность и спокойствие личного его состояния души несомненно, но страдание о несчастиях, несправедливости людей, о бедности их, о заключенных в тюрьмах, о злобе людей, об угнетении—все это действует на его впечатлительную душу и сжигает его существование.

Почему Каренина Анна и что навело на мысль о подобном самоубийстве?

У нас есть сосед лет 50-ти, небогатый и необразованный— А. Н. Бибиков.[113] У него была в доме дальняя родственница его покойной жены, девушка лет 35-ти, которая занималась всем домом и была его любовница. Бибиков взял в дом к сыну и племяннице гувернантку—красивую немку,[114] влюбился в нее и сделал ей предложение. Прежняя любовница его, которую звали Анна Степановна,[115] уехала из дома его в Тулу, будто повидать мать, оттуда с узелком в руке (в узелке была только перемена белья и платья) вернулась на ближайшую станцию— Ясенки,[116] и там бросилась на рельсы, под товарный поезд. Потом ее анатомировали. Лев Николаевич видел ее с обнаженным черепом, всю раздетую и разрезанную в Ясенковской казарме. Впечатление было ужасное и запало ему глубоко. Анна Степановна была высокая, полная женщина, с русским

типом и лица и характера, брюнетка с серыми глазами, но не красивая, хотя очень приятная.

Ссора Л. Н. Толстого с И. С. Тургеневым.

Отношения Льва Николаевича к Тургеневу в первое время литературного поприща Л. Н. в Петербурге были самые хорошие. Тургенев признавал в нем талант, писал к сестре Льва Николаевича, Марье Николаевне, самые лестные о нем отзывы, они часто видались и были, повидимому, дружны, несмотря на то, что Тургенев был 10-ю годами старше, и, казалось, неохотно видел в Толстом соперника на литературном поприще. [117]

Раз Тургенев и Толстой встретились у Фета, в Степановке, Орловской губернии Мценского уезда. Разговор шел о благотворительности. И Тургенев сказал, что дочь его, воспитанная заграницей, делает много добра, помогая бедным. Л. Н. сказал, что он не любит той благотворительности, которая, подражая англичанам, выбирает своих бедных (my poors) и отделяет систематически известную, малую часть своего состояния. Что настоящая благотворительность есть та, которая вытекает от сердца и непосредственно, отдаваясь чувству, делает добро.

Тургенев сказал: „Стало быть, вы находите, что я дурно воспитываю дочь?" Л. Н. ответил на это, что он думает то, что говорит, и что, не касаясь личностей, просто выражает свою мысль. Тургенев рассердился и вдруг сказал: „А если вы будете так говорить, я вам дам в рожу". [118]

Л. Н. встал и уехал в Богуслов, станция, находившаяся между нашим именьем—Никольским [106] и именьем Фета—Степановкой. Оттуда Лев Николаевич послал за ружьями и пулями, а к Тургеневу письмо с вызовом за оскорбление. В письме этом он писал Тургеневу, что не желает стреляться пошлым образом, т.-е. что два литератора приехали с третьим литератором, с пистолетами, и дуэль бы кончилась шампанским, а желает стреляться по-настоящему и просит Тургенева приехать в Богуслов к опушке леса с ружьями.

Всю ночь Лев Николаевич не спал и ждал. К утру пришло письмо от Тургенева, что, напротив, он не согласен стреляться

как предлагает Толстой, а желает дуэль по всем правилам. На это Лев Николаевич, написал Тургеневу: „Вы меня боитесь, а я вас презираю и никакого дела с вами иметь не хочу“.

Прошло несколько времени. Лев Николаевич, живя в Москве, как-то раз пришел в одно из тех прелестных расположений духа, которое в жизни его находит на него иногда—смирения, любви, желания и стремленья к добру и всему высокому. И в этом расположеньи ему стало невыносимо иметь врага. Он написал Тургеневу письмо, в котором жалел, что их отношения враждебны, писал, что „Если я оскорбил вас, простите меня, мне невыносимо грустно думать, что я имею врага“. Письмо было послано в Петербург, к книгопродавцу Давыдову,[119] который имел дела с Тургеневым. Но оно не дошло еще до Тургенева, как он из Парижа написал Льву Николаевичу письмо, в котором упрекал его: „Вы всем рассказываете, что я трус и не хотел с вами драться. Так я требую за это удовлетворения и буду с вами драться, когда приеду в Россию“ (что-то через 8 месяцев кажется).

Лев Николаевич написал ему, что это так смешно и глупо вызывать драться через 8 месяцев, что я на это могу ответить вам тем же презрением, как и прежде, а если вам нужно себя оправдать перед публикой, то посылаю вам другое письмо, которое можете показывать кому хотите. В письме этом Лев Николаевич писал: „Вы мне сказали, что вы меня ударите по роже, а я отказался драться“.

Письмо это было написано под влиянием чувства, что если у Тургенева нет личной настоящей чести, а нужна честь для публики, то вот ему для этого это письмо; но что Лев Николаевич стоит выше этого и мнение публики презирает. И на это Тургенев сумел быть слаб. Он отвечал, что считает себя удовлетворенным. О письме, посланном через книгопродавца Давыдова, так и неизвестно—получил ли его Тургенев. Тем и кончилась эта ссора, но враги остались, к сожаленью, непримиримы, до —

Написано со слов Льва Николаевича
Толстого 23 января 1877 года.

Примирение гр. Льва Николаевича Толстого с Иваном Сергеевичем Тургеневым.

Написано 12 августа 1878 года.

Все более и более приходя в религиозное расположение, Льву Николаевичу стало грустно думать, что есть человек, с которым он как будто в враждебных отношениях, и он весной раз написал Тургеневу письмо в Париж, в котором просил его забыть, если было что-либо враждебное в их отношениях, вспомнить только те хорошие отношения, которые существовали во время вступления Л. Н. на литературное поприще, когда он любил его искренно и даже писал: „Простите меня, в чем я был виноват перед вами". Тургенев ответил таким же душевным письмом, отвечая: „Охотно жму протянутую вами руку"...[120] и обещал, когда будет в России, приехать к нам.

Теперь, только что мы вернулись из Самары, 6-го августа, мы получили телеграмму, что Тургенев будет к нам 8-го числа. Лев Николаевич поехал его встречать в Тулу, и о встрече их я ничего не знаю. Тургенев очень сед, очень смиренен, всех нас прельстил своим красноречием и картинностью изложения самых простых и вместе и возвышенных предметов. Так он описывал статую Христос Антокольского[121], точно мы все видели его, а потом рассказывал о своей любимой собаке Пегас с одинаковым мастерством. В Тургеневе теперь стала очень видна слабость, даже детская, наивная слабость характера. Вместе с тем видна мягкость и доброта. Вся ссора его с Львом Николаевичем мне объяснилась этой слабостью.

Например, он наивно сознается, что боится страшно холеры. Потом нас было 13-ть за столом, мы шутили о том, на кого падет жребий смерти и кто ее боится. Тургенев, смеясь, поднял руку и говорит: „Que celui qui craint la mort, lève la main". *

Никто не поднял, и только из учтивости Л. Н. поднял и сказал: „Eh bien, moi aussi je ne veux pas mourir". **

---

* [Кто боится смерти, пусть поднимет руку].

** [Я тоже не хочу умирать].

Тургенев пробыл у нас два дня. О прошлом речи не было: были отвлеченные споры и разговоры, и, на мой взгляд, Л. Н. держал себя слегка почтительно и очень любезно, не переходя никакие границы. Тургенев, уезжая, сказал мне: „До свиданья, мне было очень приятно у вас".

Он сдержал слово: „до свиданья" и опять приезжал в начале сентября [122].

ДНЕВНИК

1862 — 1891

8 октября 1862 г.

Опять дневник, скучно, что повторение прежних привычек, которые я все оставила с тех пор, как вышла замуж. Бывало, я писала, когда тяжело, и теперь, верно, оттого же.

Эти две недели я с ним, мужем, мне так казалось, была в простых отношениях, по крайней мере, мне легко было, он был мой дневник, мне нечего было скрывать от него.

А со вчерашнего дня, с тех пор, как сказал, что не верит любви моей, мне стало серьезно страшно. Но я знаю, отчего он не верит. Мне кажется, я не сумею ни рассказать ни написать, что я думаю. Всегда, с давних пор, я мечтала о человеке, которого я буду любить, как о совершенно целом, новом, *чистом* человеке. Я воображала себе, это были детские мечты, с которыми до сих пор трудно расстаться, что этот человек будет всегда у меня на глазах, что я буду знать малейшую его мысль, чувство, что он будет во всю жизнь любить меня одну, что, не в пример прочим, мы оба, и *он* и я, не будем перебешиваться, как все перебесятся и делаются *солидными* людьми. Мне так милы были все эти мечты. Благодаря им я стала П.[58] будто бы любить; одним словом, любя свои мечты, я сделала П. приложением к ним.

Увлечься и итти дальше было не трудно, да и никогда я не стояла, а всегда шла, не задумываясь, вперед. Теперь, когда я вышла замуж, я должна была все свои прежние мечты признать глупыми, отречься от них, а я не могу. Все его (мужа) прошедшее так ужасно для меня, что я, кажется, никогда не помирюсь с ним. Разве когда будут другие цели в жизни, дети, которых я так желаю, чтоб у меня было целое будущее, чтоб я в детях своих могла видеть эту чистоту без прошед-

шего, без гадостей, без всего, что теперь так горько видеть в муже. Он не понимает, что его прошедшее—целая жизнь с тысячами разных чувств хороших и дурных, которые мне уж принадлежать не могут, точно так же, как не будет мне принадлежать его молодость, потраченная бог знает на кого и на что. И не понимает он еще того, что я ему отдаю все, что во мне ничего не потрачено, что ему не принадлежало только детство. Но и то принадлежало ему. Лучшие воспоминания—мое детское, но первое чувство к нему, которое я не виновата, что уничтожили, за что? Разве оно дурно было? Он протратил свою жизнь, свои силы и дошел до этого чувства, пройдя столько дурного; оно ему кажется так сильно, так хорошо потому, что давно, давно прошла та пора, когда он сразу мог стать на это хорошее, как стала я теперь. И у меня в прошлом есть дурное, но не столько.

Ему весело мучить меня, видеть, как я плачу, оттого, что он мне не верит. Ему бы хотелось, чтоб и я прошла такую жизнь и испытала столько же дурного, сколько он, для того, чтоб и я поняла лучше хорошее. Ему инстинктивно досадно, что мне счастие легко далось, что я взяла его, не подумав, не пострадав. А я не буду плакать из самолюбия. Не хочу, чтоб он видел, как я мучаюсь, пусть думает, что мне всегда легко. Вчера у дедушки[12] я пришла с верху нарочно, чтоб его увидать, и когла я увидала его, меня обхватило какое-то особенное чувство силы и любви. Я так любила его в ту минуту, хотела подойти к нему, но мне показалось, что если до него дотронусь, то мне уж так хорошо не будет, что это будет святотатство. Но я никогда не покажу и не могу показать, что во мне делается. У меня столько глупого самолюбия, что если я увижу малейшее недоверие или непонимание меня, то все пропало. Я злюсь. И что он делает со мной; мало-по-малу я вся уйду в себя и ему же буду отравлять жизнь. И как жаль мне его в те минуты, когда он не верит мне, и слезы на глазах и такой кроткий, но грустный взгляд. Я бы его задушила от любви в ту минуту, а так и преследует мысль: не верит, не верит. И стала я сегодня вдруг чувствовать, что он и я делаемся как-то больше и больше сами по себе, что я начну создавать себе свой печальный мир, а он свой—недо-

верчивый, деловой. И в самом деле показались мне пошлы наши отношения. И я стала не верить в его любовь. Он целует меня, а я думаю „не в первый раз ему увлекаться“. И так оскорбительно, больно станет за свое чувство, которым он не довольствуется, а которое так мне дорого, потому что оно последнее и первое. Я тоже увлекалась, но воображением, а он—женщинами, живыми, хорошенькими, с чертами характера, лица и души, которые он любил, которыми он любовался, как и мной пока любуется. Пошло, правда, но не от меня, а от его прошедшего. Что же мне делать, а я не могу простить богу, что он так устроил, что все должны прежде, чем сделаться порядочными людьми, п е р е б е с и т ь с я. И что же мне делать, когда мне горько, больно, что мой муж попал под эту общую категорию. А он еще думает, что я не люблю его; так что же бы мне за дело было, если бы я не любила его, кто и что занимало его прежде, теперь или будет занимать когда-нибудь потом. Дурно, безвыходное положение; как доказать любовь человеку, который с тем женился, что я иначе не могу, а она меня не любит. А есть ли минутка в моей жизни теперь, где бы я вызвала что-нибудь из прошедшего, чтоб я пожалела о чем нибудь, или есть ли минутка, когда бы я не только не любила его, но могла бы подумать о возможности разлюбить его. И неужели в самом деле хорошо ему, когда я плачу и начинаю чувствовать сильнее, что у нас есть что-то очень не простое в отношениях, которое нас постепенно совсем разлучит в нравственном отношении. Вот, кошке—игрушки, а мышке—слезки. Да игрушка - то эта не прочна, сломает—сам будет плакать. А я не могу выносить того, что он меня будет понемножку пилить, пилить. А он славный, милый. Его самого возмущает все дурное, и он не может переносить его. Я, бывало, как любила все хорошее, всей душой восхищалась, а теперь все как-то замерло; только что станет весело, пристукнет он меня.

9 октября.

Вчера объяснились, легче стало, совсем даже весело. Хорошо мы нынче верхом ездили, а все-таки тесно. Такие я сегодня видела тяжелые сны, не помню их всякую минуту, а тяжело на душе. Опять мама сегодня вспоминала, ужасно стало

грустно, а вообще хорошо. Прошлого не жаль, всегда, однако, его буду благословлять. У меня в жизни было много счастия. Муж, кажется, покоен, верит, дай бог. Я вижу, это правда, что я ему даю мало счастия. Я вся как-то сплю, и не могу проснуться. Если б я проснулась, я стала бы другим человеком. А что надо для этого — не знаю. Тогда бы он видел, как я люблю его, тогда я могла бы говорить, рассказывать ему, как я его люблю, увидела бы, как бывало, ясно, что у него на душе, и знала бы, как сделать его совсем счастливым. Надо, надо скорей проснуться. Сон этот напал на меня с тех пор, как я выехала летом из Покровского в Ивицы. Потом на время я проснулась, потом, как переехали в Москву, опять заснула—и с тех пор почти не просыпалась. Надо мной что-то тяготит. Мне все кажется, что я скоро умру. Теперь это странно, потому что у меня муж. Я слышу, как он спит, а мне одной страшно. К себе он меня не подпускает, и мне это грустно. Так противны все физические проявления.

11 октября.

Ужасно, ужасно грустно. Все более и более в себя ухожу. Муж болен, не в духе, меня не любит. Ждала и этого, да не думала, что так ужасно. Кто это думает о моем огромном счастии. Никто не знает, что я его не умею создавать ни для себя ни для него. Бывало, когда очень грустно, думаешь: так зачем жить, когда самой дурно и другим нехорошо. И теперь страшно: все приходит мне эта мысль. С каждым днем он делается холоднее, холоднее, а я, напротив, все больше и больше люблю его. Скоро мне станет невыносимо, если он будет так холоден. А он честный, обманывать не станет. Не любит, так притворяться не станет, а любит—так в каждом движении видно. И все меня волнует. Стал сегодня Гриша [123] говорить про папашу, и так мне жаль его стало, что он не настоящий его сын, даже плакать хотела. И про своих все вспоминаю, как легко жилось, а теперь, боже мой, вся душа разрывается. Никто не любит: Петенька [41] по какому-то долгу, а муж совсем перестает любить. Мамаша милая, Таня, какие они славные были, зачем я их оставила. А Лизу бедную измучила, так меня и точит, так грустно, ужас. А Левочка отличный какой, я чув-

ствую, что я во всем, кругом виновата, и я боюсь показать ему, что я грустная, знаю я, как этой глупой тоскою мужьям надоедают. Бывало утешаешься, все пройдет, обойдется, а теперь нет, ничего не обойдется, а будет хуже. Папа пишет: „Муж тебя страстно любит“. Да, правда, любил страстно, да страсть-то проходит, этого никто не рассудил, только я поняла, что увлекся он, а не любил. Как я не рассудила, что за это увлечение он же поплатится, потому что каково жить долго, всю жизнь, с женою, которую не любишь. За что я его, милого, которого все так любят, погубила; эгоистически поступила я на этот раз, что вышла за него замуж. Смотрю я на него и думаю то, что он про меня думал: хотел бы я ее любить, да не могу больше.

Вот уж прошло, как сон, это все время. Подразнили меня, сказали: видишь, как бывает хорошо, да и не думай об этом. И все, что сначала было у меня: энергии на занятия, жизнь, хозяйство, все пропало. Сидела бы себе целый день, сложа руки, молчала бы да думала горькие думы. Работать хотела, да не могла; ну что рядиться в глупый чепчик, который только давит меня. Ужасно хочется поиграть, да тут так неудобно, наверху со всех сторон слышно, а внизу фортепиано плохо. Сегодня предложил остаться, а он в Никольское[106] поедет. Надо бы было согласиться, избавить его от своей особы, а у меня не хватило сил. Он, кажется, наверху играет с Ольгой[13] в четыре руки. Бедный, везде ищет развлечения, чтоб как-нибудь от меня избавиться. Зачем я только на свете живу.

13 ноября.

Дурное число—первое что пришло в голову. А мне всегда легче, когда я с ним поговорю. Легче, как эгоистке, чтоб получить его и успокоиться.

Правда, я не умею дела себе создать. Он счастливый, потому что умен и талантлив. А я—ни то ни другое. Одною любовью не проживешь, а я так ограниченна, что покуда только и думаю о нем. Ему нездоровится, думаю, ну как умрет, и вот пойдут черные мысли на три часа. Он весел, я думаю: как бы не прошло это расположение духа, и так наслаждаюсь сама им, что опять ни о чем больше не думаешь. А нет его или он

занят, вот я и начну опять о нем же думать, прислушиваться, не идет ли, следить за выражением лица его, если он тут. Верно оттого, что я беременна, я теперь в таком ненормальном состоянии, и имею немного влияния и на него. Дело найти не трудно, его много, но надо прежде увлечься этими мелочными делами, а потом заводить кур, брянчать на фортепиано, читать много глупостей и очень мало хороших вещей и солить огурцы. Все это придет, я знаю, когда я забуду свою девичью, праздную жизнь и сживусь с деревнею. Не хочу попадать в общую колею и скучать, да и не попаду. Я бы хотела, чтоб муж имел на меня больше влияния. Странно, я его ужасно люблю, а влияния еще чувствую мало. Бывают светлые минуты, когда я все понимаю, вижу ясно, как хорошо жить на свете, сколько обязанностей на мне, и весело, что есть они, а потом пройдет, забудешь все. Знаю я и жду, когда эта светлая минута придет и останется, тут заведется машина, и я начну жить, т.-е. жить деятельно. Странно, смотрю на это, точно как на приходящее что-то, как смотришь на то, что праздники придут, что будет лето и проч. Я опять заснула теперь так, что даже поездка в Москву, будущий ребенок—все это не производит во мне никакого волнения, ни радости, ничего. Хотела бы знать средство, которое могло бы меня освежить, разбудить.

Я давно не молилась. Прежде меня забавляла даже внешность в религии. Я, бывало, тихонько ото всех зажигала восковую свечку перед образом, клала цветы, и запру дверь, стану на колена и молюсь час, два. Теперь все это смешно и глупо, а вспоминать хорошо. Так все стало серьезно, а впечатления девичьи живы, расстаться еще трудно, а воротиться к ним нельзя. Вот так-то через несколько лет я создам себе женский, серьезный мир, и его буду любить еще больше, потому что тут будет муж, дети, которых больше любишь, чем родителей и братьев. А пока не установилась. Качаюсь между прожитым и настоящим с будущим. Муж меня слишком любит, чтоб уметь сразу дать направление, да и трудно, сама выработаюсь, а он тоже чувствует, что я не та. Вот терпение, я буду прежняя, но не дева, а женщина, опять проснусь, и он и я мы будем довольны мной.

Я уверена, что в Москве я освежусь в своей прежней жизни и пойму ясно настоящую, конечно, с хорошей стороны, потому что все, что дурно, происходит от меня же. Только бы он перенес терпеливо мое несносное, переходное время... Вот сейчас я одна, смотришь кругом—грустно. Одна, это ужасно. Я не привыкла. Столько жизни было дома, а как мертво здесь, когда его нет. Он, всегда почти одинокий, не понимает этого. Привык быть один и утешаться не людьми близкими, как я, а делом. Ну, да и я привыкну. А теперь голоса веселого никогда не слышишь, точно умерли все. А он еще сердится, когда я не люблю оставаться без него. Несправедлив он в этом, но он и не может понять, у него семьи не было. А я буду все делать, что ему хорошо, потому что он отличный, и я гораздо хуже его, и потому что я люблю его, и для меня ничего, ничего не осталось, кроме его. И мне бывает скучно, потому что я бедная натура и не нахожу в себе ressource [124] и потому что я привыкла к шумной жизни, а тут тишина, тишина мертвая. Привыкну, ко всему привыкают люди. А со временем и я заведу веселый, шумный дом и начну жить жизнью детей и своею, серьезною, деловою, радуясь на молодость детей, уже и теперь прожитого много.

23 ноября.

Он мне гадок с своим народом. Я чувствую, что или я, т.-е. я, пока представительница семьи, или народ с горячею любовью к нему, Л. Это эгоизм. Пускай, Я для него живу, им живу, хочу того же, а то мне тесно и душно здесь, и я сегодня убежала, потому что мне все и все стало гадко. И тетенька, и студенты [125], и Н. П. [22], и стены, и жизнь, и я чуть не хохотала от радости, когда убежала одна тихонько из дому. Л. мне не был гадок, но я вдруг почувствовала, что он и я по разным сторонам, т.-е. что его народ не может меня занимать всю, как его, а что его не может занимать всего я, как занимает меня он. Очень просто. А если я его не занимаю, если я кукла, если я только жена, а не человек, так я жить так не могу и не хочу. Конечно, я бездельная, да, я не по природе такая, а еще не знаю, главное не убедилась, в чем и где дело. Он нетерпелив и злится. Бог с ним, мне сегодня так

хорошо, свободно, потому что я сама по себе, а он, слава богу, был мрачен, но меня не трогал. Я знаю, он богатая натура, в нем много разных сил, он поэтический, умный, а меня сердит, что это все занимает его с мрачной стороны. Иногда мне ужасно хочется высвободиться из-под его влияния, немного тяжелого, не заботиться о нем, да не могу. Оттого оно тяжело, что я думаю его мыслями, смотрю его взглядами, напрягаюсь, им не сделаюсь, себя потеряю. Я и то уж не та, и мне стало труднее. Теперь все буду уходить или уезжать куда, когда станет скучно. Выйдешь, и вдруг станет так свободно. И то все думала о нем: бегал, искал, может беспокоится, ну и мне стало тяжело, домой ушла. А он мрачный, я чуть-чуть не стала плакать. Ничего мне не говорит. Страшно с ним жить, вдруг народ полюбит опять, а я пропала, потому и меня любит, как любил школу, природу, народ, может быть, литературу свою, всего понемногу, а там новенькое. Пришла тетенька, спрашивает, зачем, куда ходила; я хотела ее позлить, говорю, от студентов, потому что она их защищает. А совсем неправда, я на них ни капельки не злюсь, а по старой привычке браню и жалуюсь. Я просто ушла, мне скучно все на месте сидеть, я никогда дома долго не сидела. А тут все тет. Н. П., опять тет., опять Н. П., студенты в перемежечку. Муж не мой и немой сегодня. Стало быть, его нет. Так бы ушла, ушла куда-нибудь далеко, посмотрела бы, что дома, а потом опять пришла бы сюда домой. Пойду еще поиграю. Он в ванне, он мне нынче чужой.

16 декабря 1862.

Мне кажется, я когда-нибудь себя хвачу от ревности. „Влюблен как никогда!". [126] И просто баба, толстая, белая, ужасно. Я с таким удовольствием смотрела на кинжал, ружья. Один удар—легко. Пока нет ребенка. И она тут, в нескольких шагах. Я просто как сумасшедшая. Еду кататься. Могу ее сейчас же увидать. Так вот как он любил ее. Хоть бы сжечь журнал его и все его прошедшее.

Приехала—хуже, голова болит, расстроена, а душу давит, давит. Так хорошо, привольно было на воздухе, широко. И думать хочется широко, и дышать широко, и жить. А жизнь такая мелочная. Любить трудно, а любишь так, что дух захва-

тывает, что всю жизнь бы, душу положила, чтоб не прошла она ни с чьей стороны. И тесен, мал тот мирок, в котором я живу, если исключить его. А соединить нам мирки наши в один— нельзя. Он так умен, деятелен, способен, и потом это ужасное, длинное прошедшее. А у меня оно маленькое, ничтожное. Меня нынче испугала поездка в Москву. Я сделаюсь еще ничтожнее, и чувствую, что если у меня будет жизнь, мир, которым я буду довольна, то он будет здесь, в Ясной, без людей, в семье, со всем, что я сама себе создам.—Читала начала его сочинений, и везде, где любовь, где женщины, мне гадко, тяжело, я бы все, все сожгла. Пусть нигде не напомнится мне его прошедшее. И не жаль бы мне было его трудов, потому что от ревности я делаюсь страшная эгоистка.

Если б я могла и его убить, а потом создать нового, точно такого же, я и то сделала бы с удовольствием.

9 января 1863.

Никогда в жизни я не была так несчастлива сознанием своей вины. Никогда не воображала, что могу быть виновата до такой степени. Мне так тяжело, что целый день слезы меня душат. Я боюсь говорить с ним, боюсь глядеть на него. Никогда он не был мне так мил и дорог и никогда я не казалась себе так ничтожна и гадка. И он не сердится, он все любит меня, и такой у него кроткий, святой взгляд. Можно умереть от счастия и от унижения с таким человеком. Мне очень дурно. От причины нравственной я больна физически. У меня была такая боль, что я думала, что выкину. Я стала как сумасшедшая. Я целый день молюсь, как будто от этого легче будет моя вина и как будто этим я могу возвратить то, что я сделала. Мне легче, когда его нет. Я могу и плакать и любить его, а когда он тут, меня мучает совесть, мучает его милый взгляд и лицо его, на которое я уже не смотрела со вчерашнего вечера и которое так мне мило. И как я могу только делать ему что-нибудь неприятное. Все думала я, как бы мне загладить, или не загладить, это глупое слово и как бы мне сделаться лучше для него. Любить его я не могу больше, потому что люблю его до последней крайности, всеми силами, так, что нет ни одной мысли другой, нет никаких желаний, ничего

нет во мне, кроме любви к нему. И в нем ничего нет дурного ничего, в чем я хоть подумать бы могла упрекнуть его. Он мне все не верит, думает, что мне нужны развлечения, а мне ничего не нужно, кроме его. Если б он только знал, как я радостно думаю о будущности, не с развлечениями, а с ним и со всем тем, что он любит. Я так стараюсь полюбить даже все то, что мне и не нравилось, как Ауэрбах.[127] А вчера я была в ударе капризничать, прежде этого не было до такой степени. Неужели у меня такой отвратительный характер или это пошлые нервы и беременность? Пускай так лучше будет, потому что я знаю, что теперь буду беречь наше счастие, если я еще не очень испортила его. Это ужасно, могло бы быть так весело и хорошо. Он теперь здоров; что я наделала.— Таня,[17] Саша,[6] К.[128] приехали. А я все не могу не плакать. Я им ни за что не покажусь, они дети, и не любили. Как я жду его. Господи, если он ко мне охладеет? Ну все, решительно, теперь держится на нем. А я какая ничтожная, как тяжело это нравственное ничтожество. Он спохватится, наверное, какая я перед ним жалкая и гадкая.

11 января 1863.

Я немного успокоиваюсь, потому что он делается лучше со мной. Но еще так свеже все горе, что малейшее воспоминание производит во всей моей голове и теле сильную боль физическую. Физическую оттого, что я чувствую, как она проходит по всем жилам и нервам.

Он ничего не говорил и не намекал даже о моем дневнике Не знаю, читал ли он его. Я чувствую, что дневник был гадок, и мне неприятно его перечитывать.

Я совсем одна, мне жутко, и оттого хотела писать много и искренно, а мысли пропадают от страха. Боюсь испуга, потому что беременна. Ревность моя, это врожденная болезнь, а, может быть, она оттого происходит, что, любя его, не люблю больше ничего, что я вся ему отдалась, что только и могу быть счастлива от него и с ним, и боюсь потерять его, как старики боятся потерять единственного ребенка, на котором держится вся их жизнь и которого они не могут более иметь. Говорили всегда, что я совсем не эгоистка, а ведь это самый большой эгоизм. Ни в чем другом я не эгоистка, а в этом — ужасная.

Я так люблю его, что и это пройдет. Но терпение страшное и сила воли, иначе ничего не сделаешь. Бывают дни и часто, когда я его люблю до болезненности. Сегодня так. Это всегда, когда я неправа. Мне больно глядеть на него, слушать его, быть с ним так, как неловко бесу со святым. Когда я сделаю что-нибудь для него приятное, за что он будет опять любить меня попрежнему, тогда я опять буду с ним в более простых отношениях. А теперь заслуги не равны, и оттого и отношения не равны. Заслуги никогда не равны—ну хоть поменьше дурного с моей стороны. Я прежде любила его смело, как-то самонадеянно, а теперь, слава богу, и ему за всякое его доброе слово, за ласку, за снисхождение и добрый взгляд.

Вот теперь живу, живу и только одного этого и выжидаю, этим и довольна. Была во мне какая-то гордость, что ребенка ношу и на свет скоро произведу, да это судьба, да закон природы. И этого утешения нет. Только и есть муж, т.-е. Левочка, который все, в котором и заслуга моя, потому что я его люблю ужасно, и ничто мне не дорого, кроме его.

14 января 1863.

Я опять одна, и скучно опять. Но между нами все опять уладилось. Не знаю, на чем он помирился и на чем—я. Устроилось само собой. Только я одно знаю, что счастие опять воротилось ко мне. Мне хочется домой. У меня такие планы иногда, мечты, как я буду жить в Ясной с ним. Какое-то грустное чувство в душе, что я совсем, и телом и душою, отшатнулась от своих кремлевских. Ужасно сильно чувствуешь, что мир мой переменился, и любовь к ним усилилась, особенно к мама, и иногда жалко, что я не член их больше. Живу вся в нем и для него, а часто тяжело, когда чувствуешь, что я-то не все для него, и что, если теперь меня не стало бы, он утешился бы чем-нибудь, потому что в нем самом много ressources, а я очень бедная натура: отдалась одному чему-нибудь и никогда бы не сумела найти себе, помимо этого, другой мир.

Жизнь в гостинице меня тяготит. Если я чем-нибудь бываю довольна здесь, то это, когда я сижу в Кремле с своими и непременно с Левочкой. Я бы могла скоро уехать домой, я знаю, от меня много зависит,—но нехватает духу прощаться опять

с своими, да и лень подниматься.—Я сегодня видела такой неприятный сон. Пришли к нам в какой-то огромный сад наши ясенские деревенские девушки и бабы, а одеты они все как барыни. Выходили откуда-то одна за другой, последняя вышла А. [126] в черном шелковом платье. Я с ней заговорила, и такая меня злость взяла, что я откуда-то достала ее ребенка и стала рвать его на клочки. И ноги, голову — все оторвала, а сама в страшном бешенстве. Пришел Левочка, я говорю ему, что меня в Сибирь сошлют, а он собрал ноги, руки, все части и говорит, что ничего, это кукла. Я посмотрела, и в самом деле: вместо тела, все хлопки и лайка. И так мне досадно стало.

Я часто мучаюсь, когда думаю о ней, даже здесь в Москве. Прошедшее мучает меня, а не настоящая ревность. Не может он мне отдаться вполне, как я ему, потому что прошедшее полно, велико и так разнообразно, что если б он теперь умер, то жизнь его была наполнена достаточно. Только не испытал он еще отцовского чувства. А мне теперь вдруг жизнь столько дала, чего я прежде не знала и не испытала, что я хватаюсь за свое счастие и боюсь потерять его, потому что не верю в него, не верю, что оно продолжится, благо не знала его прежде. Я все думаю, что это случайное, проходящее, а то слишком хорошо. Это ужасно странно, что только один человек своею личностью, безо всякой другой причины, исключая своих личных свойств, мог бы так вдруг взять меня в руки и сделать полное счастие.

Мама правду говорит, что я подурела, т.-е., пожалуй, только еще ленивее стали мысли. Это неприятное чувство, когда чувствуешь эту апатию. От физической происходит и нравственная.

Мне жаль своей прежней живости, которая прошла. Но, я думаю, воротится. Я чувствую, что эта живость действовала бы лучше на Левочку, как бывало действовала на моих кремлевских. Первое время я и в Ясной была еще жива, а теперь совсем пропала. И Левочка тогда любил, когда я бесилась.— Левочка как будто спит нравственно, хотя я знаю, что в душе он никогда не спит, а всегда происходит в нем сильная нравственная работа. Он очень похудел, и меня это мучает. Я бы

дорого дала, чтоб влезть в его душу. Он даже журнал не пишет, что мне очень горестно.

У меня бывает иногда глупое, но бессознательное желание испытывать свою власть над ним, т.-е. просто желание, чтоб он меня слушался. Но он всегда меня в этом осадит, чему я очень рада; и это пройдет.

15 января 1863.

Москва *), 17 января 1863.

Я только что была не в духе и сердилась за то, что он все и всех любит, а я хочу, чтоб он любил меня одну. Теперь пришла и одна рассудила, что я капризничаю опять; он и хорош своею добротою и богатством чувств. А подумаешь—все один у меня источник моих капризов, горя и проч. — этот эгоизм, чтоб он и жил, и думал, и любил — все для меня. Себе я почему-то это поставила за правило. Как я только подумаю, вот я люблю того-то или то-то, сейчас оговорюсь, что нет, люблю одного Левочку. А надо любить непременно еще что-нибудь, как он любит дело, для того, чтоб в те минуты, когда он ко мне остывает, я умела бы заняться тем, что я люблю. А минуты эти будут повторяться все чаще; незаметно как-то, это так и было до сих пор. Я вижу это ясно, потому что где же Левочке следить за ходом наших отношений до таких тонкостей, как я слежу, благо ничем больше не занимаюсь. И благодаря этому я учусь, как вести себя с ним, учусь не оттого, что поставила себе это задачей, а так, невольно. Не могу приложить еще эту науку к делу, но все со временем. Скорее в Ясную, там он больше живет для меня и со мной. Все— тетенька да я, больше уж никого. И мне ужасно мила эта жизнь, ни на какую не променяла бы. Для этой жизни я все готова делать. Мало-по-малу я буду стараться обставить ее лучше, и очень буду довольна, если сумею. В доме можно, только бы Левочка не нуждался в людях, этих негде мне там взять, и не люблю я никого. А если Левочка захочет, то я и принимать буду, кого он хочет, главное, чтоб он не скучал и был доволен, тогда он и меня любит, а мне-то уж больше

*) [„Москва"—приписано карандашом].

ничего не надо. Трудно жить и не ссориться, а я не буду все-таки, а то он правду говорит, что надрез.[129] Мое несчастие — ревность. Вот что ему надо беречь, а мое дело — сдерживаться и беречь его. Ему не хочется брать меня с собой, шляпа, кринолины—все это стесняет, а мне везде такая тоска без него. Навязываться страшно, а грустно, что в нем уже нет этой потребности быть вместе со мной, а не врозь. Во мне она все усиливается.

Ждала, ждала его, и опять села писать. Есть же люди, которые живут в одиночестве. Это ужасно быть одной. Верно мы уже не пойдем на лекцию. Может быть я его стеснила. Вот эта мысль меня мучает часто, потому что в этом-то я всего чаще виновата. Я ужасно стала любить мама и боюсь, потому что нам ведь не вместе жить. Таню я стала любить немного свысока, а с какого права?

Расставаться с ними ужасно горько. Левочка не понимает — я умалчиваю. Тетеньку [21] я рада видеть. Я ее эти дни очень люблю, потому что с Левочкой о ней не говорила. Он пристрастен. А я перед ней виновата, я должна больше ей угождать, хоть за то, что она Левочку вынянчала и моих понянчает. И ведь весело угождать, — за это любят. То-то, что и боюсь, льстить и фальшивить. А в сущности ничего нет фальшивого в том, чтоб смиряться перед хорошей и доброй старушкой. Я стала одностороння. Меня только занимает жизнь наша и больше ничего; конечно, со всеми лицами и обстановкой. Третий час — все не идет. Зачем он обещает? Хорошо ли, что он не аккуратен? Должно быть, хорошо, значит не мелочен. Я не люблю, как он сердится. Так и пристанет, провинчивает; скорее отступай, а то совсем проткнет. Зато сердце скоро проходит и почти никогда не ворчит.

Москва, 29 января 1863.

Жизнь здесь, в Кремле, [130] мне тягостна, оттого что отзывается то тягостное чувство бездействия и бесцельной жизни, как бывало в девичье время. И все, что я вообразила себе замужем долгом и целью, улетучилось с тех пор, как Левочка мне дал почувствовать, что нельзя удовольствоваться одною жизнью семейною и женою или мужем, а надо что-нибудь еще,

постороннее дело. [Рукою Льва Николаевича]: Ничего не надо, кроме тебя. Левочка все врет.

3 марта 1863.

Одна и пишу — всегда одна песнь. Но одна и не скучно, привыкла. И потом это счастливое убеждение, — любит, любит постоянно. И приедет, так славно подойдет ко мне, что-нибудь спросит, сам расскажет. Мне так легко, хорошо жить на свете. Читала его журнал, радостно стало. Я и дело. Больше его ничего не занимает. Вчера и сегодня сосредоточен. Я боюсь мешать, он пишет и думает. Боюсь, ему станет досадно, что и он вспомнит, что я не могу ему быть везде и всегда не несносна. Я рада, что он пишет. Хотела нынче к обедни ехать, осталась, и дома молилась. С тех пор как замужем, все, что обряд, и все, что фальшиво, мне стало еще противнее. Хочется изо всех сил хозяйничать и делать дело. Не умею, и не знаю как взяться. Все придет. А хлопотать и обманывать себя и других, что занимаюсь—гадко. Да и кого обманывать, для чего? Иногда так мне сделается ясно, что делать, как полезно время проводить, а потом забудешь, рассеишься. Как мне стало легко, просто, жить. Так, чувствую, что тут мой долг, моя жизнь, что мне ничего не нужно. И когда сделается тесно, то и тогда, если б спросили: чего тебе надо? я не знала бы, что отвечать. Тетеньку люблю, кажется, не искренно. Мне это грустно. Ее старчество меня реже трогает, нежели злит. Это дурно. Она часто сердится и часто не естественна. Как на дворе светло и на душе также. Я понемногу мирюсь со всеми. И студентами, и народом, и тетенькой,—конечно, и всем, что прежде бранила. Сильно влияние Левы и радостно мне чувствовать его над собой.

26 марта 1863.

Нездорова, в апатии. Он в Туле с утра, а я точно его не видала месяц. Точно счастие мое было давно, давно. А вижу я его, точно нет его все-таки, какой-то не живой, а призрак. Где-то далеко у меня сидит моя любовь к нему, а я все так чувствую ее сильно, и знаю, что на ней я только и держусь. Ходила по дворне, — тяжелое чувство. Больные, несчастные, все жалуются. Кто болен, у кого горе. А мно о хитрых,

стало скучнее. Тетенька добра, и в покойном духе, а мне с ней тяжело, — стара. Много думала о своих. У них жизни много. Часто грустно, что не с ними, но никогда не жаль своего прошлого житья. Теперь так хорошо. Часто боюсь любить его. Такому счастию так легко испортиться. Меня уж начинает точить, мучить, что он не едет. Вот так-то не поеду с ним, а потом и начну себя упрекать, что не поехала. Думаешь, вот лучше б он сердился, лучше я бы стесняла его, только бы не мучиться. Всякий раз одна история. Он не поедет в Никольское, и то я здесь с ума сойду. Если б только кто-нибудь мог понять, как тихо время идет. Сейчас приходила тетенька, она у меня поцеловала руку. Отчего? Меня это сильно тронуло. Она верно добрая, ей жаль, что я одна, и если она не в духе, то это желчь у ней разливается. А я молода, должна терпеть эти мелкие слабости, меня иногда мучает совесть за нетерпение мое и досаду против нее. Он вчера обиделся и не сказал прямо. Все-таки, значит, есть и между нами что-то не простое. А мне всегда ему скорее хочется все сказать, что меня мучит или сердит, и боюсь иногда. Я избалована. Лева мне дает слишком много счастия. Люблю я его веселость, его недух, его доброе, доброе лицо, кротость, досаду, все это так выражается хорошо, что никогда почти он не оскорбляет чувство. Мне вот теперь хорошо сидеть, машинально почти чертить по бумаге, и думать о нем. Все перебирать в голове, воображать себе его во всех видах, со всевозможными выражениями. Чертить пером, это только предлог, чтоб лучше углубиться и живее воображать себе его. Когда он возвращается, мне всегда как-то болезненно, радостно. Он как меня ни уверяй, а не может он меня так любить, как я его. Разве он ждал бы меня так мучительно нетерпеливо.

1 апреля.

Нездорова, скучно. Лева уехал. Во мне большой недостаток — неуменье находить в себе самой ressources. А это важно и необходимо в жизни. Погода летняя, чудная, расположение духа летнее — грустное. Какая-то пустота, одиночество. Лева озабочен делами, хозяйством, а я не озабочена ничем... На что я способна? А так прожить нельзя. Хотела бы я побольше дела. Настоящего только. Бывало всегда весною в такое чудное

время чего-то хочется, куда-то все нужно, бог знает о чем мечтаешь. А теперь ничего не нужно, нет этого глупого стремления куда-то, потому что чувствуешь невольно, что все нашел и искать больше нечего, а все-таки немного скучно иногда. Много счастия — мало дела. И от хорошего устаешь. Надо дельного для противуположности. Что прежде замещалось мечтаниями, жизнью воображения, то теперь должно заместиться делом каким-нибудь, жизнью настоящего, а не жизнью воображения. Все глупо — я злюсь.

8 апреля 1863.

Занялись хозяйством. Лева серьезно, я покуда будто бы. Все это весело, хорошо, не мелочно. Меня все сильно интересует и часто радует. Он что-то скучен, озабочен, нездоров. Меня это так и точит, мучает постоянно. Я боюсь ему это дать почувствовать, а его приливы крови меня очень пугают. Страшно это думать, а невольно приходит в голову, что вся теперешняя жизнь, все это огромное счастие, не настоящее счастие, а так только судьба подразнила и вдруг все отнимется. Я боюсь... Вот глупо, а не могу написать. Я бы хотела, чтобы скорей прошел этот страх. Всю жизнь отравляет. Купили пчел, меня радует; все это так интересно, а трудно хозяйство. Ауербахи [28] и [29] все-таки скучны, никого не надо. Она на меня нагоняла тоску. Ее как-то и почему-то жаль. Любит ли она мужа? Вот уж подлинно не узнаешь у всякого брачную мистерию. У Левы что-нибудь да есть. Как-то он стал неестественнее и скрытнее. Или все это головная боль делает? Что ему надо, чем он недоволен? Я бы все сделала, что он хочет, если бы могла. Теперь его нет, он придет, а я уже боюсь его, что он не в духе, что-нибудь еще больше раздражит его. Я его ужасно люблю, теперь хватилась, потому что чувствую, что все могу от него перенесть, если б было что переносить.

10 апреля 1863.

Он поехал встречать папа в Тулу, я уже сильно скучаю. — Перечитывала его письма к В. А. [131]. Еще молодо было, любил не ее, а любовь и жизнь семейную. А как хорошо узнаю я его везде, его правила, его чудное стремление ко всему, что хорошо, что добро. Ужасно он милый человек. И прочтя его письма,

я как-то не ревновала, точно это был не он, и никак не В., а женщина, которую он должен был любить, скорее *я*, чем *В*. Перенеслась я в их мир. Она хорошенькая, пустая в сущности, и милая только молодостью, конечно в нравственном смысле, а он все тот же, как и теперь, без любви к В., а с любовью к любви и добру. Ясно стало мне и Судаково... и фортепиано, сонаты, хорошенькая, черненькая головка, доверчивая и незлая. Потом молодость (что такое? я уже думаю, что я стара), природа, деревенское уединение. Все понятно и не грустно. Потом читала я его планы на семейную жизнь. Бедный, он еще слишком молод был и не понимал, что если прежде с о ч и н и ш ь счастие, то после хватишься, что не так его понимал и ожидал. А милые, отличные мечты.

24 а п р е л я 1863.

Лева или стар или несчастлив. Неужели, кроме дел денежных, хозяйственных, винокуренных [132], ничего и ничто его не занимает. Если он не ест, не спит и не молчит, он рыскает по хозяйству, ходит, ходит, все один. А мне скучно — я одна, совсем одна. Любовь его ко мне выражается машинальным цалованием рук и тем, что он мне делает добро, а не зло.

Погода отличная, время вообще располагающее хорошо, а меня что-то точит. Бывало с Татьяной хорошо мы понимали, что такое весна, лето, как-то вместе наслаждались, и весело нам было, чем больше мы могли быть совсем вместе, т.-е. одинаково думать, понимать все, не рассчитывать, что стоит завод, какие аппараты, скучно ужасно. Я ужасно буду рада, когда она приедет. Я так люблю молодых вообще, а еще таких милых, как Таня, в особенности. Мне стало неловко с Левой. Мне стало все совестно и стыдно, что касается до меня. Отчего это, ведь у меня на совести ничего нет — я перед ним еще ни в чем не виновата. Вот теперь пишу это, — потому что так думаю, и меня так всю и коробит от мысли, что он прочтет это. Любить я его так боюсь — боюсь, что он это будет видеть, мне кажется, что я надоедаю, что не до этого ему. Чего я хочу, верно спросили бы, а я сама не знаю. Это все само собой делается.

25 а п р е л я.

Все утро та же скука, то же предчувствие чего-то страшного. Та же робость в отношении к Леве. Я плакала как

сумасшедшая, и после не подумала, как всегда это бывает — о чем, а так знала и понимала, что есть о чем плакать, и даже умереть можно, если Лева меня не будет так любить, как любил. Я нынче и писать не хотела, а теперь осталась одна внизу, и поддалась прежней привычке — все чертить. Помешали.

29 апреля, вечер.

Я злюсь за мелочи, за присланные вещи. Ужасно работаю над собой, чтоб не злиться и нынче же добьюсь этого. К Леве чувствую ужасную нежность и немного робость — вследствие своего мелочного расположения духа. К себе чувствую какое-то отвращение. Давно этого не было. Ужасно хочется и за пчелами ходить, и за яблонями, [133] и хозяйничать, деятельности хочется,— и беспрестанно тяжесть, усталость, нечто вроде немощности напоминает мне, что сиди, мол, смирно — береги свой живот. Досадно. И скучно, что Лева смотрит на эту немощность как-то неприязненно — как будто я виновата, что беременна Не в чём я и помогать ему не могу. Еще за одну вещь я почувствовала к себе отвращение. (Прежде всего правду в дневнике.) Мне весело было вспомнить, что в меня был влюблен В. В. [134] Неужели и теперь мне весело бы было, если б кто в меня влюбился? Что за мелочность, гадко. А уж я только могла смеяться над ним. Никогда никакого другого чувства, разве только отвращение и в высшей степени неуважение. Лева все больше и больше от меня отвлекается. У него играет большую роль физическая сторона любви. Это ужасно—у меня никакой, напротив. Но нравственно он прочен — это главное.

8 мая 1863.

Всему виновата беременность—но мне невыносимо и физически и нравственно. Физически я постоянно чем-нибудь больна, нравственно страшная скука, пустота, просто тоска какая-то. Я для Левы не существую. Я чувствую, что я ему несносна— и теперь у меня одна цель, оставить его в покое и, сколько можно, вычеркнуться из его жизни. Ничего веселого я не могу ему приносить, потому что я беременна. Какая горькая истина, что тогда узнаешь, как любит муж, когда жена беременна. Он на пчельнике, я бы бог знает что дала, чтоб итти туда, но не

иду, потому что у меня сильнейшее сердцебиение, а там сидеть неловко, и гроза скоро, у меня голова болит, и мне скучно—плакать хочется, и я не хочу ему быть неприятна и скучна, тем более, что и он болен. Мне с ним большею частию неловко. Если он со мной минутно еще бывает хорош,—то это больше по привычке, и он чувствует себя как будто обязанным поддержать, не любя, прежние отношения. Да и страшно верно ему было бы сознаться, искренно, что когда-то он любил; и недавно еще, но что все это уж прошло. А если б он только знал, как он переменился, если б он побывал в моей коже, он понял бы, каково жить так на свете. А помочь тут нельзя никак. Он проснется еще раз, когда я рожу. Ведь это всегда так бывает, Это та ужасная общая колея, по которой все проходят и которую мы прежде так боялись. А я еще, к несчастию, очень люблю его, больше чем когда-либо. Когда-то я попаду в эту несчастную колею?

9 мая.

Обещал быть в 12—теперь 2 часа. Не случилось ли что? И как это ему весело меня так ужасно мучить? Собаку и ту жаль отогнать, когда ласкается. Участь мама была немного похожа на мою в первый год замужества. Ей было хуже, папа ездил по практике и играть в карты, Лева ездит и ходит по хозяйству. Но также одна, также скучающая, также беременная и больная. Никогда не поймешь ничего так хорошо умом, как поймешь опытом.—Молодость скорее несчастие, чем счастие, замужем конечно. Нельзя довольствоваться только тем, чтоб сидеть с иголкой или за фортепиано и одной, совершенно одной, и придумывать, или просто убеждаться, что муж не любит и что теперь закабалена и сиди. Мама говорит, что ей стало гораздо веселее и лучше, когда прошла молодость, пошли дети и в них сосредоточилась вся жизнь. Так оно и есть.—Я гадкая, я блажная, но оттого, что мне скучно, что я одна и жду его с 12-ти часов с тревогой и страхом. А он тем дурной человек, что у него даже нет жалости, которую имеет всякий мало-мальски не злой человек ко всякому страдающему существу.

12 мая.

Я работала над собой, чтоб не скучать—и мне стало опять—не радостно,—но спокойно и не скучно.

22 мая.

Когда входишь сюда, в кабинет, и ни о чем не думаешь,— обдаст каким-то неприятным холодом и скукой. А идешь и представляешь себе его живым, с жизнью, которая в нем происходила,—напротив. Теперь холод и скука, или страх скорее. Страх смерти, что все, что было, умерло. Нет жизни. Любви нет, жизни нет. Вчера бежала в саду, думала, неужели же я не выкину. Натура железная. А любви в нем нет ничего. Он болен— поздоровеет, ему тоже станет страшно. Как вообще у всех богато воображение—бедна жизнь. Воображать можно все,— тысячи разных миров, жить надо в самом тесном кружке. Я свой полюбила, мне ничего не надо, он от своего устал и опять стал желать. Нынче убедилась, что мне, кроме него, ничего не нужно. Да сколько раз убеждалась. Мама часто говаривала, что нет ничего хуже, как держать мужа пришитого к юбке. Ее были слова, и верные. Молиться на нее надо—она много вынесла. А трудно жить, железной надо быть. И рассчитывать надо, как жить. Прежде, не замужем, я рассуждала умно, что самое лучшее прожить не любя. Знала себя, что любить мало не могу, любить много—трудно. Таня понимала это; и ей счастие не легко дастся. Теперь весело ей, молода и живет всей душой; душа богатая. Сомнет ее кто-нибудь. А она не легко помирится с жизнью, если жизнь ей мало даст. Ломать себя трудно. Но она способна внушить больше любви чем я. Я сама надрезываю. Невольно и как дорого мне это достается. Каждый надрез отнимает у меня жизни, т.-е. отнимает немного силы, немного молодости, энергии, много веселости и прибавит много отвращения к себе. И не починишь никогда этого надреза. Беречь надо его любовь. Слабо держится она, а может быть и не держится больше. Это страшно, я об этом постоянно думаю. Я все больна теперь со вчерашнего дня. Выкинуть боюсь, а боль эта в животе - мне даже доставляет наслаждение. Это бывало так ребенком сделаешь что-нибудь дурно, мама простит, а сам себе не простишь, и начинаешь сильно щипать или колоть себе руку. Боль делается невыносимая, а терпишь ее с каким-то огромным наслаждением. Любовь поверяешь именно в такое время, как теперь. Воротится хорошая погода, воротится здоровье, поря-

док будет и радость в хозяйстве, будет ребенок, воротится и [2],—гадко.

А он подумает—любовь вернулась, а она не вернулась, а вспомнилась только. А потом опять нездоровье, опять неудачи, а ко всему еще ненавистная жена, и как смеет она тут постоянно торчать на глазах, и опять скука. Вот она жизнь-то ему какая предстоит. А моей уж нет, только и было, что любила я его, да утешалась, что он меня любить будет. Дура я, поверила,—только мученье себе готовила. И все мне кажется таким скучным. И часы даже жалобно бьют, и собака скучная, и Душка несчастная такая, и старушки жалки, и все умерло. А если Лева...

6 июня.

Наехала вся молодежь [135], нашу жизнь нарушила и мне жалко. Что-то все они не веселы. Или оттого, что „холодно". А на меня они действуют все не так, как я думала. Они меня не развеселили, а встревожили, и даже скучнее стало. Леву ужасно люблю, но злит меня, что я себя поставила с ним в такие отношения, что мы не равны. Я вся от него завишу, и я бог знает, как дорожу его любовью. А он в моей или уверился, или не нуждается, но только как будто он совершенно сам по себе. Мне все кажется, что уж осень, что скоро все кончено. А что все, сама не знаю. А какая за осенью будет зима, и будет ли она, не знаю решительно и не могу вообразить. Ужасно скучно, что мне ничего не нужно и что меня ничего не радует, как будто я состарелась, а это несносно быть старой. Совсем не хотелось ехать кататься с ними, оттого что он сказал: „Мы с тобой старички, дома останемся". И так показалось мне весело остаться с ним опять вдвоем. Как будто я в него влюблена, и мне запрещают это. А теперь они уехали, Лева ушел, я осталась одна, и на меня напала тоска. Я даже чувствую в себе злость и готова упрекать ему, что у меня нет экипажа кататься, что он обо мне мало заботится и так далее. Что ему всего покойнее оставить меня одну на диване с книгой и не хлопотать ни о чем, что до меня касается. А если я забуду злость, то я чувствую, что у него пропасть дела, что ему и в самом деле не до меня, и хозяйство—это сущая каторга; а тут еще народ наехал, пристает.

Да отвратительный Анатоль [136] торчит перед глазами. А что его обманули с пролеткой — он не виноват, и что все-таки он отличный, и я его люблю изо всех сил.

7 июня.

Люблю его ужасно—и это чувство только мной и владеет, всю меня обхватило. Он все по хозяйству, я не скучаю, мне ужасно хорошо. И он меня любит, я это, кажется, чувствую. Боюсь, не к смерти ли это моей. Жалко и страшно его оставить. Все больше его узнаю и все он мне милее. С каждым днем думаю, что так я еще его никогда не любила. И все больше. Ничего, кроме его и его интересов, для меня не существует.

8 июня.

Лева весел страшно. Его совсем губит одиночество, и общество совсем оживило. Нет, брат, я прочнее. И болен был—от скуки. Таня плоха, Саши оба [137] в высшей степени деликатны, особенно мой.

14 июля 1863.

Все свершилось, я родила, перестрадала, встала и снова вхожу в жизнь медленно, со страхом, с тревогой постоянной о ребенке, о муже в особенности. Что-то во мне надломилось, что-то есть, что, я чувствую, будет у меня постоянно болеть; кажется, это боязнь неисполнения долга в отношении к своей семье. Я ужасно стала робеть перед мужем, точно я в чем-то очень виновата перед ним. Мне кажется, что я ему в тягость, что я для него глупа (старая моя песнь), что я даже пошла. Я стала неестественна, потому что боюсь пошлой любви матки к детищу, и боюсь своей какой-то неестественно сильной любви к мужу. Все это я стараюсь скрывать из глупого, ложного чувства стыда. Утешаюсь иногда, что, говорят, это достоинство—любить детей и мужа. Боюсь, что на этом остановлюсь—хочется немного хоть образоваться, я так плоха, опять-таки для мужа и ребенка. Что за сильное чувство матери, а как мне кажется не странно, а естественно, что я мать. Левочкин ребенок—оттого и люблю его. Нравственное состояние Левы меня мучает. Богатство мысли, чувство, и все пропадает. А как я чувствую его все совершенство, и бог знает, что бы дала, чтобы он с этой стороны был счастлив.

23 июля.

10 месяцев замужем. Я падаю духом—ужасно. Я машинально ищу поддержки, как ребенок мой ищет груди. Боль меня гнет в три погибели. Лева убийственный. Хозяйство вести не может не на то, брат, создан. Немного он мечется. Ему мало всего, что есть; я знаю, что ему нужно; того я ему не дам. Ничто не мило. Как собака, я привыкла к его ласкам—он охладел. Все утешает, что такие дни находят. Но уж это очень часто. Терпение.

24 июля.

Вышла на балкон—охватило какое-то болезненно приятное чувство. Природа хороша, бога напомнило, и все кажется широко, просторно... Мои уехали, [138] лучший друг мать. Я мало плакала,—все то же притупление. Муж ожил, слава богу. Я о нем много молилась. Меня любит, дай бог нам счастия прочного. Боль усиливается, я, как улитка, сжалась, вошла в себя и решилась терпеть до крайности. Ребенка люблю очень; бросить кормить—огромное несчастие, отравит жизнь. Ужасное желание отдохнуть, наслаждаться природой и чувство как заключенного в тюрьму. Жду мужа из Тулы с ужасным нетерпением. Люблю его изо всех сил, прочно, хорошо, немного снизу вверх. Иду на жертву к сыну...

31 июля.

Он говорит казенно. Правда, что убийственно. Но он сердится—за что? Кто виноват? Отношения наши ужасны—и это в несчастии [139]. Он до того стал неприятен, что я целый день избегаю его. Он говорит: „Иду спать, иду купаться;“ я думаю: „славу богу“. И сижу над мальчиком, так душа разрывается. И ребенка и мужа отнял бог, которому мы вместе бывало так хорошо молились. Теперь как будто все кончено. Терпение, не надо этого забывать. Я хоть прошедшее наше благословляю. Любила я его очень, и благодарна ему за все. Его дневник сейчас читала. В хорошую, поэтическую минуту, все показалось дурно. Эти 9 месяцев едва ли не самые худшие в жизни. А десятый и говорить нечего. Сколько раз в душе он подумал: „зачем я женился“, и сколько раз вслух сказал: „где я такой, какой я был“ [140].

2 августа 1863.

Не про меня писано. И что даром небо копчу. Хорошо бы сделала, кабы убралась, Софья Андреевна. Есть горе—страшно пилит. Дала себе твердое слово никогда о нем ни слова. Может обойдется.

3 августа.

Говорила с ним—стало как будто легче, именно оттого, что, о чем я догадывалась, стало уже верно. Уродство не ходить за своим ребенком; кто же говорит против? Но что делать против физического бессилия. Я чувствую как-то инстинктивно, что он несправедлив ко мне. За что еще и еще мучить? Я озлобилась, мне даже не в таком хорошем свете кажется сегодня ходить за мальчиком; а так как ему хотелось бы стереть теперь меня с лица земли за то, что я страдаю, а не исполняю долга, так и мне хотелось бы его не видеть за то, что он не страдает и пишет. Вот еще с какой стороны мужья бывают ужасны. О ней я не подумала. Мне даже в эту минуту кажется, что я его не люблю. Разве можно любить муху, которая каждую минуту кусает. Поправить дело я не могу, ходить за мальчиком буду, сделаю все, что могу, конечно не для Левы, ему следует зло за зло, которое он мне делает. И что за слабость, что он не может на это короткое время моего выздоровления потерпеть. Я же терплю, и терплю в 10 раз больше еще. Мне хотелось писать, оттого что я злюсь.

Дождь пошел, я боюсь, что он простудится, я больше не зла—я люблю его. Спаси его бог.

Соня, прости меня, я теперь только знаю, что я виноват [*1 сл. неразб.*] и как я виноват. Бывают дни, когда живешь как будто не нашей волей, а подчиняешься какому-то внешнему непреодолимому закону. Такой я был эти дни насчет тебя и кто же — я. А я думал всегда, что у меня много недостатков и есть одна десятая часть чувства и великодушия. Я был груб и жесток и к кому же? К одному существу, которое дало мне лучшее счастье жизни и которое одно любит меня. Соня, я знаю, что это не забывается и не прощается; но я больше тебя знаю и понимаю всю подлость свою, Соня, голубчик, я виноват, но я гадок [*1 сл. неразб.*], во мне есть

отличный человек, который иногда спит. Ты его люби и не укоряй, Соня. *)

Это написал Левочка, прощение просил у меня. Но потом за что-то рассердился и все вычеркнул. Это была эпоха моей страшной грудницы, болезни грудей, я не могла кормить Сережу, и это его сердило. Неужели я не хотела, это было тогда мое главное, сильнейшее желание. Я стоила этих нескольких строк нежности и раскаяния с его стороны, но в новую минуту сердца на меня, он лишил их меня, прежде чем я их прочла.

17 августа 1863 г.

Я мечтала—мне напомнили сумасшедшие ночи прошлый год, и те сумасшедшие ночи, когда я была так широко свободна и в таком чудном расположении духа. Если когда бывает полное наслаждение жизнью, то это было тогда. Я и любила, и чуствовала и все понимала, и ум и вся я, все это было, казалось мне, что было, так свежо. Ко всему этому поэтический, милый comte, [141] с светлым, глубоким и ужасно приятным взглядом (такое производило тогда впечатление). Чудное было время. И я смутно балованная его любовью. Я верно чувствовала ее, мне не было бы так хорошо иначе. Помню я, раз вечером он сказал мне что-то обидное, был у нас Попов; [142] меня ужасно кольнуло, и тут-то я хотела показать, что мне нипочем, села на крылечко с Поповым и все прислушивалась, что comte говорит, и старалась показать, что меня занимает Попов. С тех пор я стала все больше привязываться к comte и поставила себе за правило никогда с ним ни в чем не притворяться. Это все я нынче вспомнила и почувствовала какое-то непонятное чувство счастия, что этот самый comte—муж мой. Знала Лизка, [143] где бывает счастие, и не умела понимать этого Сонечка Берс. Я зато теперь поняла, и как поняла—всею душою. А он, глупый, ревнует; [144] боже мой, может ли быть что-нибудь, что подало бы повод к ревности. Мне стало жаль, что время поэтического прошлого августа [145] он пережил один, а не со мной. А могло бы быть еще лучше

*) Со слов: „Соня, прости меня...“ написано рукой Л. Н. Толстого, затем им же все зачеркнуто волнистой чертой, но так что почти все слова можно прочесть. С. А. Толстая надписала слова над зачеркнутыми, за исключением двух отмеченных слов, и нами неразобранных.

тогда, нежели было. Его нет дома теперь, и мне всегда скучно когда его нет. Когда я привыкну. Жду своего выздоровления, как возвращения к жизни; к жизни с Левой,—теперь мы врозь. Сомнения с его стороны насчет любви моей к нему меня всегда ошеломят так, что я теряюсь. Чем я могла доказать; я его так честно, так хорошо и прочно люблю.

10 сентября.

Немножко молодости жаль, немножко завидно и много скучно. Все страдания, все боль, жизнь в четырех стенах дома, когда вне дома так чудно хорошо, а в душе легко, весело от семейной жизни. Опять луна, опять тихие, теплые вечера и все не про меня писано. У Натальи [146] ребенок умирает. Страдания страшные. За что ребенку, за что матери? И отец плачет. Жалко—я плакала. Взгляд Левы преследует. Вчера за фортепиано, а меня так и покоробило. О чем он тогда думал? Никогда не было такого взгляда. Не воспоминания ли чего-нибудь? Ревность?—Он любит...

22 сентября.

Завтра год. [147] Тогда надежды на счастие, теперь—на несчастия. До сих пор я думала, что шутка; вижу, что почти правда. На войну. [148] Что за странность? Взбалмошный нет, не верно, а просто непостоянный. Не знаю, вольно или невольно он старается всеми силами устроить жизнь так, чтобы я была совсем несчастна. Поставил в такое положение, что надо жить и постоянно думать, что вот не нынче, так завтра останешься с ребенком, да пожалуй еще не с одним, без мужа. Все у них шутка, минутная фантазия. Нынче женился, понравилось, родил детей, завтра захотелось на войну, бросил. Надо теперь желать смерти ребенка, потому что его я не переживу. Не верю я в эту любовь к отечеству, в этот enthousiasme в 35 лет. Разве дети не то же отечество, не те же русские? Их бросить, потому что весело скакать на лошади, любоваться, как красива война, и слушать, как летают пули. Я его начинаю меньше уважать за непостоянство и за малодушие. А талант почти важнее семьи. Пусть растолкует он мне всю важность его желанья. Зачем я за него замуж шла? Лучше Валериан Петрович, [38] чем он, оттого что с тем расставаться не жаль. Зачем нужна была ему любовь моя? Все порывы только. И я знаю, что теперь

я виновата; он дуется. Виновата в том, что люблю его, и не желаю его смерти или разлуки с ним. Пусть дуется, я бы желала заранее приготовиться, т.-е. перестать любить его, чтоб потом легче было расстаться. Пусть совсем меня оттолкнет от себя, и я буду его удаляться. Довольно году счастия, теперь у него новая фантазия. Такого рода жизнь надоела. А детей у него больше не будет. Я не хочу давать ему их для того, чтоб он их бросил. Вот деспотизм-то: „Я хочу, а ты не смей слова сказать".—Войны еще нет, он еще тут. Тем хуже. Теперь жди, томись. Один бы конец. И любишь его, вот главное зло. Посмотрю на него, он скучен, всю душу перевернет.

7 октября.

Скука. Как еще радостно, что есть сын.

Зачем няня; беспрестанные заботы о пеленках меня отвлекали от мыслей. Он, конечно, замечает скуку, скрыть нельзя, но ему будет несносно. На бал хочется—но скука не оттого Я не поеду, досадно на то, что еще есть желание. И эта досада отравила бы все удовольствие, в котором, впрочем, сомневаюсь. Он говорит: „Возрождаюсь". Зачем; пусть будет в нем все, что было до женитьбы, исключая тревоги и беспокойного стремления то туда, то сюда. Как возрождаюсь? Он говорит: сама поймешь. А я теряюсь и как-то перестаю понимать его. А что-то в нем переделывается. Мы с ним стали как-то более врозь. Болезнь и ребенок отдалили меня, и вот отчего я не понимаю его. Чего мне еще надо? Не счастие разве иметь постоянно возле себя неистощимый ум, талант, добродетель, мысль в лице мужа. А все-таки скука. Молодость.[149]

17 октября 1863.

Я чувствую себя неспособной достаточно понимать его и потому так ревниво за ним слежу. За его мыслями, за его действиями, за прошедшим и настоящим. Мне хотелось бы всего его охватить, понять, чтоб он был со мною так, как был с Alexandrine,[100] а я знаю, что этого нельзя и не оскорбляюсь, а мирюсь с тем, что я для этого и молода, и глупа, и недовольно поэтична. А чтоб быть такой, как Alexandrine, исключая врожденных данных, надо быть и старше, и бездетной, и даже незамужней. Я бы не оскорби-

лась тем, что у них была бы переписка в прежнем духе, а мне только грустно бы было, что она подумает, что жена Левы, кроме детской и легких будничных отношений, ни на что не способна. А я знаю, что как бы я ревнива ни была, ревнива к душе его, а Alexandrine из жизни не вычеркнешь, и не надо— она играла хорошую роль, на которую я не способна. Напрасно не послал он ей письма. Я плакала, потому что я прежде не слышала от него всего, что он написал, и потому, что он написал. „То, что я сам только про себя знаю“. И вам еще сообщаю,—а жена тут не при чем. Я бы хотела с ней поближе познакомиться. Сочла ли бы она меня достойной его? Она и понимала и ценила его хорошо. Я нашла в столе письма от нее, и они навели меня на мысль о ней и ее отношениях к Леве. Одно письмо отличное. Несколько раз приходило мне в голову написать к ней, и не сказать о письме Леве, но не решалась. Она сильно меня интересует и очень нравится мне. Все это время, с тех пор как я прочла письмо Левы к ней, я о ней думала. Я бы ее любила. Я не беременна, сужу по нравственному своему состоянию, и желаю, чтоб так продлилось. Я люблю его ужасно и чувствую заботу как усиливается эта любовь. Мне сегодня так хорошо, ясно и покойно; верно оттого, что он меня так любит нынче.—Я не верю в то, что он опустился. С терпением жду, когда кончится это временное, неспокойное состояние его духа и недовольство собой. Мне радостно бывает, когда я вижу, что ему нравственно лучше, и я боюсь его состояния. Эта нравственная работа в нем сокращает его жизнь, а она мне так необходима.

28 октября 1863.

Что-то не то во мне и все мне тяжело. Как будто любовь наша прошла—ничего не осталось. Он холоден, почти покоен, сильно занят, но не весело занят, а я убита и зла. Зла на себя, на свой характер, на свои отношения с мужем. То ли я хотела то ли я обещала ему в душе своей. Милый, милый Левочка. Его тяготят все эти дрязги; на то ли он создан? А я еще сердита, прости мне, господи. Я ужасно его люблю, мне грустно, я не умею быть счастлива, не умею и других делать счастливыми. Бессилие нравственное гадко; я себе противна. Стало быть любовь не велика, если бессилие. Нет, я его ужасно, очень

люблю. И сомнения нет, не может его быть. Подняться еще бы, муж милый, ужасно милый. Где он? История 12-го года. [150] Бывало, все рассказывал — теперь недостойна. А прежде — все его мысли были мои. Счастливые минуты были, чудные, теперь их нет. „Мы всегда будем счастливы, Соня". Мне ужасно грустно, нет у него этого счастия, которого он так достоин и которого ждал.

13 ноября 1863.

Жаль тетеньку—она не долго проживет. Все больна, ночью кашель, не спит. Худые, сухие руки. Весь день о ней думаю.— Он говорит: пожить в Москве. Я этого ждала. Ревность к идеалу, приложенному к первой хорошенькой женщине. Такая любовь ужасна, потому что слепа и почти неизлечима. А я ни капли не осуществила и не могу осуществить идеала. Я брошена. Ни день, ни вечер, ни ночь. Я—удовлетворение, я—нянька, я—привычная мебель, я—женщина. Всякое человеческое чувство я стараюсь заглушить в себе. Пока машина действует, греет молоко, вяжет одеяло, просится на охоту, ходит взад и вперед, чтоб не задумываться,—жизнь возможна и даже сносна. А на минуту одна, задуматься, так жить нельзя. Разлюбил. А зачем не умела. Нет, чем же—судьба. Была минута,—это я каюсь,—минута горя, когда мне все показалось так ничтожно перед тем, что он разлюбил меня; ничтожно его писательство, что он пишет про графиню такую-то, которая разговаривала с княгиней такой-то; [151] а потом я почувствовала к себе же презрение. У меня будничная жизнь, смерть. А у него целая жизнь, работа внутри, талант и бессмертие. Я стала его бояться и минутами чувствовать совершенное отчуждение. Он сам меня так поставил. Я, может быть, сама виновата, у меня характер испортился, — но с некоторых пор я чувствую, что я не та для него, чем была, что я брошена. И я не мечусь, слава богу, как бывало, а стерпелась; но мне ничто уж и не весело и ничто меня не волнует. Что со мной—я не знаю. Я знаю, что у меня верное чутье.

19 декабря 1863.

Зажгла две свечи, села за стол, и мне стало весело. Я малодушна, пуста. Мне нынче беспечно лениво и весело. Мне все смешно и все нипочем. Мне хочется кокетничать, хоть с Але-

шей Горшком,[152] и хочется злиться хоть на стул или что-нибудь. Я четыре часа играла в карты с тетенькой, он сердился, а мне было все равно. Когда вспомню Таню, сделается больно, что-то уколит.[153] И я даже это отстраняю, так у меня нынче глупо на душе. Ребенку лучше, может быть, *это* мне весело. В эту минуту я бы хотела бала или чего-нибудь веселого. Мне будет досадно потом на себя, но я не могу переменить этот дух. Меня злит, что Лева мало занимается и даже совсем не чувствует и не понимает, что я его так люблю; и за это мне хотелось бы ему что-нибудь сделать. Он стар и слишком сосредоточен. А я нынче так чувствую свою молодость, и так мне нужно чего-нибудь сумасшедшего. Вместо того, чтоб ложиться спать, мне хотелось бы кувыркаться. А с кем?

24 *декабря* 1863.

Что-то старое надо мной, вся окружающая обстановка стара. И стараешься подавить всякое молодое чувство: так оно здесь, при этой рассудительной обстановке, неуместно и странно. Один Сережа[154] молод или моложе других душой. Я потому люблю, когда он приезжает. О Леве у меня составляется мало-по-малу впечатление существа, которое меня только останавливает. Эта сдержанность, которая происходит от этого останавливания, сдерживает также всякий порыв любви. И *как* любить, когда все так спокойно, рассудительно, мирно. Однообразно — да еще без любви. Ничего делать не хочется. Я жалуюсь — как будто я несчастна. Да я и несчастна—он меня стал мало любить. Он это сказал, да я и прежде знала. А про себя не знаю. Я так мало его вижу, и так боюсь его, что не знаю, насколько его люблю. Хотелось Таню отдать за Сережу, да нынче и это показалось страшно. За что Маше?[155]—Все рассуждения Левы о душевных ящиках—воображение идеализма, каков он и есть, а нисколько не утешение мне.

2 *января* 1864.

Таня и Таня. Вот моя главная мысль. Устала желать, грустить и стараться. Я, как Лева и как тетенька,—все бог. А тяжело, грустно, ужасно бы хотелось им обоим счастия. Я не в духе—и чувствую. В Туле скука, устала. Купила бы весь город, такое малодушие, но была благоразумна. Лева мил, что-то

было детское в выражении, когда играл. Я вспомнила и поняла Alexandrine. Я поняла **как** она его любила. **Бабушка.** [156] Сейчас рассердил, говорит: „Когда не в духе—дневник". Что ему за дело? Я не не в духе в эту минуту. Ужасно оскорбительно и больно всякое мало-мальски колкое слово; он должен бы больше беречь мою любовь к нему. Я сама боюсь быть дурна и нравственно и физически.

27 марта 1864.

Весь журнал запылился: так давно не писала, а нынче захотелось тихонько, как когда дети прячутся, написать все, что в голове. Ужасно хочется всех любить и всему радоваться, но если кто дотронется до этого чувства—все рассыпится. Вдруг такая нежность к мужу, доверие, любовь, может быть, оттого, что вчера пришло в голову, что могу ведь и его лишиться. Нынче тем более уверилась, что не могу и не буду, ни за что не буду думать об этом. И слушать не стану, если кто загововорит, и его не стану слушать. Я так люблю Таню, за что мне ее портят? И не испортят, все это напрасно. Мне с ней будет весело, я буду ей заниматься. Я для нее многое могу сделать по чувству, а по обстоятельствам почти ничего. Я буду ее рассеивать, сколько могу. У меня будут дети Таня и Сергушка, [157] я буду о них заботиться, и это будет славно. И мне кажется, что теперь я меньше эгоистка, чем в прошлом году. Тогда я скучала брюхом и скучала, что не могу принимать участие в общих удовольствиях. А теперь я радуюсь своей радости, и мне веселее всех.

22 апреля.

Осталась одна, и так я целый день крепилась не задумываться и не оставаться сама с собой наедине, что вечером, теперь, все прорвалось в потребности сосредоточиться и выплакаться и выписаться в журнале, хотя бы мне и веселей и лучше было написать ему, если б было близко и возможно. [158] Выписываться нечего, скучно, пусто, просто жизни нет. Пока Сережа на руках, все как будто за что-то держишься, а вечером, когда он спать лег, все хлопотала, бегала, как будто у меня дел пропасть, а, в сущности, просто не хотела и боялась задуматься. Все кажется, что он на охоте, на пчельнике, или по хозяйству, и вот-вот воротится. Ждать-то я привыкла, всегда только он

воротится в то самое время, когда, если б еще немножко, и терпение лопнуло бы. Для того, чтоб мне его не так жаль было, я все хочу выдумать что-нибудь неприятное в жизни с ним, и не могу, потому что как я его себе представляю, так знаю, что ужасно люблю его, и все плакать хочется. Поймаю я вдруг себя в какую-нибудь минуту и подумаю, вот же мне не скучно, и, как нарочно, в ту же самую минуту так сделается скучно. Ложусь сейчас в первый раз в жизни одна совершенно. Мне все говорили положить рядом Таню, а я не хотела—пускай или Лева, или уж никто в мире, никогда. Вот бы ему легко было умирать, я так была бы верна ему всегда. А как я стала в нем теперь уверена, даже страшно. Смешно на себя, сижу и глотаю слезы, как будто стыдно плакать о том, что без мужа скучно. И так еще плакать дни. Я вдруг сделаю глупость и поеду в Никольское. Я чувствую, что способна, если немножко запустить себя и свои слезы. Журнал и это писание меня расстроили еще больше. На что я годна, если у меня так мало силы воли и способности что-нибудь переносить. А что делает он, не хочу думать. Ему, верно, и легко и не скучно и он не плачет, как я. Мне оттого не стыдно, что я одна, что журнал мой я не пишу почти, и он перестал смотреть, не написала ли я что и что именно. Не решаюсь лечь, одна, я слабею, чувствую, что скоро Таня из гостиной услышит, что я плачу, и мне станет стыдно, а я так была благоразумна целый день.

3 ноября 1864.

Странное чувство, посреди моей счастливой обстановки постоянная тоска, страх и постоянная мысль о смерти Левы. И все усиливается это чувство, с каждым днем. Нынче ночью и все ночи такой страх, такое горе, нынче я плакала, сидя с девочкой, и ясно мне делалось, как он умрет, и вся картина его смерти представлялась. Это чувство началось с того дня, как он вывихнул себе руку.[159] Я вдруг поняла возможность потерять его, и с тех пор только о том и думаю. Живу теперь в детской, кормлю, вожусь с детьми, и это иногда меня рассеивает. И часто думаю я еще, что ему скучно в нашем бабьем миру, а я чувствую себя до того неспособной делать его счастливым, чувствую, что я хорошая нянька — и больше ничего. Ни ума, ни

хорошего образования, ни таланта — ничего. Я бы уж желала, чтоб случилось скорее что-нибудь, потому что, наверное, случится, я это чувствую. Заботы о детях и забавы Сережей меня иногда развлекают, а в душе нет радостного чувства ни к чему, как будто пропало все мое веселье. Часто предчувствовала я прежде дурное, недружелюбное чувство Левы ко мне, может быть и теперь он чувствует ко мне тихую ненависть.

25 февраля 1865.

Я так часто бываю одна с своими мыслями, что невольно является потребность писать журнал. Мне иногда тяжело, а нынче так кажется хорошо жить с своими мыслями одной и никому ничего о них не говорить. И чего-чего не переБродит в голове. Вчера Левочка говорил, что чувствует себя молодым, и я так хорошо поняла его. Теперь здоровая, не беременная, я до того часто бываю в этом состоянии, что страшно делается. Но он сказал, что чувство этой молодости значит: „я все могу". А я все хочу и могу. Но когда пройдет это чувство и явятся мысли, рассудок, я вижу, что хотеть нечего и что я ничего не могу, как только няньчить, есть, пить, спать, любить мужа и детей, что есть все в сущности счастие, но отчего мне всегда делается грустно, как вчера, и я начинаю плакать. Я пишу с радостным волнением, что никто не прочтет это, и потому нынче я искренна и не пишу для Левочки. Он уехал, он бывает теперь со мной мало. Но когда я молода, я рада не быть с ним, я боюсь быть глупа и раздражительна. Дуняша[25] говорит: граф постарел. Правда ли это? Он никогда теперь не бывает весел, часто я раздражаю его, писание его занимает, но не радует. Неужели навсегда пропала в нем всякая способность радоваться и веселиться? Он говорит жить в Москве на будущую зиму. Ему, верно, будет веселей, и я буду стараться, чтоб мы жили. Я ему никогда не признавалась, правда, что даже с мужем, с Левочкой, и то можно хитрить невольно, чтоб не показать себя в дурном свете. Я не признавалась, что я мелочно-тщеславна, даже завистлива. Когда я буду в Москве, мне будет стыдно, если у меня не будет кареты, лошадей, лакея в ливрее, платья хорошего, квартиры хорошей, вообще, всего. Левочка удивительный, ему все, все равно; это ужасная мудрость и даже добродетель.

Дети—это мое самое большое счастие. Когда я одна, я делаюсь гадка сама себе, а дети возбуждают во мне всевозможные лучшие чувства. Вчера я молилась над Таней, а я теперь совсем забыла, как и зачем молиться. С детьми я уже не молода, мне спокойно и хорошо.

6 марта 1865.

Сережа болен. Вся я как во сне. Только впечатления. Лучше, хуже, это все, что я понимаю. Левочка молодой, бодрый, с силой воли, занимается и независимый. Чувствую, что он—жизнь, сила; а я только червяк, который ползает и точит его. Боюсь быть слабой. Нервы плохи после болезни и стыдно. С Левочкой последний надрез чувствуется сильно. Жду, сама виновата, и боюсь ждать; ну как никогда не воротится его нежность ко мне. Во мне благоговение к нему, но сама так низко упала, что сама чувствую, как иногда хочется придраться к его слабости. Мне так все странно весь вечер. Он пошел гулять, я одна и тихо все было. Дети спали, лежанка топится, тут наверху так чисто, пусто и так некстати цветы нарядные, яркие, и сильный запах померанцевого дерева и страшно звука собственных шагов и дыхания даже. Левочка пришел, и все на минуту стало весело и легко. От него запахло свежим воздухом, и сам он мне делает впечатление свежего воздуха.

8 марта 1865.

Все стало веселее, лучше. Сережа поправляется, болезнь прошла. Лева очень хорош, весел, но ко мне холоден и равнодушен. Боюсь сказать не любит. Это меня постоянно мучает и оттого нерешительность и робость в отношениях с ним. Эти дни горя и болезни Сережи я была в ужасном духе. Несчастие не смиряет меня, и это дурно. Приходили ужасные мысли, в которых признаться страшно и стыдно. Видя, что Левочка так ко мне холоден, и так часто стал уходить из дому, я стала думать, не ходит ли он к А [126] . . . Это до того меня мучило целый день, но Сережа отвлекал меня, а теперь как подумаю, сделается ужасно стыдно. Пора бы его знать. Разве могло бы быть это спокойствие и непринужденность и искренность. Как ни рассуждай, а пока мы и она тут, всякое дурное расположение духа, всякая холодность со стороны Левы, все это наво-

дит на эту мучительную мысль. Ну а как вдруг воротится и скажет... я ужасно вру, мне и совестно, и сочла своею обязанностью признаться в дурной мысли, которая хотя и очень смутно и далеко, но пришла мне в голову.

9 марта 1865.

Все та же холодность со стороны Левочки. У меня насморк, я гадка, жалка. Целый день молчу, как будто хочу разучиться говорить, все копаюсь в своих мыслях, любуюсь и чувствую природу, приближающуюся весну,—только через окошко. У детей все еще насморк и кашель, Сережа страшно худ, жалок. К детям у меня такая нежность, что я удерживаюсь даже от нее, и боюсь пошлого выражения ее. Левочка совсем уничтожает меня своим полным равнодушием и отсутствием всякого участия в том, что касается меня. Он только требует участие в своих интересах, которые впрочем и без того всегда мне дороги и милы. Я чувствую себя спокойной и даже кроткой. Это бывает во мне редко. Мысли о моих московских постоянно меня занимают. Левочка не знает этого чувства к родителям. Мне ужасно хочется их видеть. Мне всегда кажется, когда я заговорю о поездке в Москву, что Лева смотрит на это неприязненно. Он старается отыскать в этом выгоду себе, а желанья сделать что-нибудь для моего удовольствия в нем уже нет ни капли. Я думаю сейчас, эгоистка ли я, и кажется нет. Я бы для Левочки сделала все на свете. Он говорил, что я слабохарактерна. Это может быть к лучшему. Я способна, если придется, склоняться перед всякими обстоятельствами и ничего не хотеть. Но я теперь много работаю, чтобы не быть слабохарактерной. Левочка на охоте, я все утро переписывала. Приезда тетеньки [160] я желаю, потому что люблю ее, а жалко, что испортится мое одиночество, в котором я привыкла жить, которое полюбила и в котором я только и бываю совершенно искренна и свободна. Левочку я боюсь. Он так стал часто замечать все, что во мне дурно. Я начинаю думать, что во мне очень мало хорошего.

10 марта 1865.

У Левочки голова болит, поехал верхом в Ясенки. [116] Я тоже все нездорова. Дети ужасно жалки в насморке и кашле. Не знаю, какая сила может исправить Сережу. Он так худ, ни-

чего не ест, скучает, и вечный, вечный понос. От тетеньки сейчас получила письмо, она очень тронута моим письмом, сама кашляет, больна. К Машеньке у меня тихая ненависть, как говорит Левочка. К детям ее отличное чувство немного покровительственной, но очень искренней любви. Левочка нынче стал ласковее. Он целовал меня, а этого давно не было. Все это отравлялось мыслею, что он давно со мной не ж... Я переписываю ему и рада, что полезна чем-нибудь.

14 марта 1865.

Все эти дни ужасная головная боль, только вечером бодра, все хочется сделать, всем пользоваться. Левочка играет прелюды Chopin. Он очень хорош духом, но ко мне все холодность, не то. Дети меня поглощают всю. Они оба в поносе. Это меня просто может доводить до отчаяния. Дьяков [161] был, все тот же неумолкаемый соловей, как говорит Таня. Я его люблю, мне с ним просто, и он симпатичный. Весны нет, все холод, зима, и для меня это важно и в отношении моральном и в отношении здоровья детей. Жду весны, как какой-нибудь благодати, а нынешний год весна опоздает. Левочка стал часто порываться в Тулу, стала являться потребность видеть больше людей. У меня иногда тоже,—но не людей вообще, а Таню, Зефиротов, [162] мама, папа.

15 марта 1865.

Левочка уехал в Тулу; я рада. У Сережи ребенок умирает, и мне ужасно жаль. Голова нынче болит меньше, и я очень бодра, сильна. Дети все еще не совсем хороши, но немного лучше. Солнце на минуту проглянуло и подействовало на меня, как звуки вальса на 16-летнюю девочку. Хочется гулять, хочется весны, природы, лета. Давно нет писем от моих. Что-то моя хорошенькая, поэтическая Таня?—С Левочкой опять хорошо и просто. Он как-то сказал, я такой был дурной эти дни... Я люблю его ужасно. С ним невозможно сделаться гадкой. Своим знанием себя и признанием во всем он унижает меня и заставляет тоже доискиваться до самого малейшего дурного в самой себе.

16 марта 1865.

Голова болит ужасно, дети в неопределенном состоянии, Сережа нынче горел, и я ничего не понимаю, что с ним. Ле-

вочка как встал, все вне дома. Где он? Что он? От Тани вчера получила письмо и ее пожитки. Мне стало весело, что я скоро увижу ее, и с такой радостью, с какой видишь родственника, я увидала ее вещи, в которых есть и мои девичьи вещицы. У Сережи умер сын.[163] Я плакала нынче утром, мне ужасно жаль. Головная боль мешает что-нибудь делать. Это несносный тик.

20 марта 1865.

У меня второй день по утрам лихорадка и ужасная боль в голове. Перед Левочкой чувствую себя как чумная собака. Но я не мешаю ему, потому что он сам не обращает на меня внимания. Мне больно, я пропала для него. А во мне все то же старое, ревнивое, сильное чувство к нему. Я избаловалась. Нынче опять спохватилась, читая критику на „Казаков“[164] и вспоминая роман, что я—граница всему, а жизнь, любовь, молодость, все это было для казачек и других женщин. Дети ужасно меня привязали к себе. Я вся отдалась детям. Чувствую, что им я необходима, и это большое счастие. Когда Таня лежит у груди или Сережа обоймет меня крепко ручками, нет во мне ни ревности, ни горя, ни сожаления о чем-нибудь, ни желаний, ничего. Теперь они больны оба, и ничто меня не радует. Погода чудная, весенняя, но никогда не суждено мне вполне пользоваться природой. Левочкой любуюсь,—он весел, силен умом и здоровьем. Ужасное чувство видеть себя униженной. Мои все рессурсы орудия, чтоб стать с ним наравне,—это дети, энергия, молодость и здоровая, хорошая жена. Теперь я для него—чумная собака.

23 марта.

Лихорадка прошла, а с ней и мое нравственно дурное расположение. Так мучает ужасно. Дети все нездоровы. Левочка поехал к доктору в Тулу. С ним мы очень хороши. Опять мне легко, хорошо с ним, и нет ни сомнений в его любви, ни ревности — ничего. Погода прелестная, ручейки, весна — а я в заперти. Левочка очень занят скотным двором, а роман[165] покуда пишется без особенного увлечения. Все у него мысли, мысли, а когда напишутся они? Он иногда рассказывает мне свои авторские мысли и планы, и я всегда этому ужасно рада. И понимаю его всегда. Но к чему это ведет? Я не напишу их

26 марта.

Как будто в припадке порядка убирала все—такое чувство испытываю, когда вечером уложу спать Сережу и Таню. Они оба почти здоровы. Таня делается мне страшна, я очень к ней привязалась, а вечное несчастие почти всех людей — страх смерти—стал меня часто тревожить. Левочка в желчном расположении духа, и я невольно иногда раздражаюсь им. Нынче вдруг пришла ужасная мысль, что он так мало мной дорожит, так привык к моей привязанности и любви к нему, а вдруг я бы почувствовала охлаждение к нему, что бы он? — Это невозможно, оттого я легко говорю об этом и оттого он всегда будет мало дорожить мной. — Сережа был у нас эти дни. Он жалок очень, и я его очень начинаю любить. Мне с ним просто и хорошо.—Весна пасмурная, скучная; опять начинается во мне пробуждаться детское чувство праздников Завтра вербная суббота, я ее так любила дома. А потом святая, которая ничем решительно не отличится от простого великопостного, будничного дня. Но теперь я спокойнее, а прежде я плакала. Сережа говорит вчера: „Только и хороши соловьи, луна, любовь, музыка". Мы с ним говорили об этом, и мне было с ним не стыдно говорить, а Левочка всегда на меня смотрит, как будто хочет сказать: „Какое право имеешь ты рассуждать об этом, ты ничего не можешь чувствовать". И действительно иногда не смеешь что-нибудь чувствовать. Левочка поэтически любит жить и наслаждаться один; может быть оттого, что в нем поэзия слишком хороша и слишком ее много и он дорожит ею. Это и меня приучило жить своей отдельной, маленькой жизней души. Он что-то пишет, я слышу, верно тоже дневник. Я его уже почти не читаю. Как только читаешь друг у друга, так делаешься неискренен. А я последнее время во всем так стала искренна, что мне хорошо и легко жить на свете. Потом он пишет все мысли о романе— вообще умно, и мне страшна перед ним моя пустота и ничтожество.

1 апреля.

Левочка в Туле, а мне скучно, и какое-то тяжелое чувство отчаяния, потому что Левочка все жалуется на странное состояние здоровья, приливы крови, дурное пищеварение, шум

в ухе. Все это меня ужасно пугает, и теперь в одиночестве, при чудной, ясной, теплой погоде, при весне, одной, мне все еще чувствительнее и страшнее. Дети почти здоровы, я их обоих поодиночке сама выносила гулять. Таня в первый раз в своей шестимесячной жизни увидала свет божий. Я весь день ничего не делала, потому что убегала сама от своих черных мыслей. Он говорит, половины жизни нет от дурного физического состояния. А жизнь его так необходима. Я люблю его ужасно, мне досадно, что я для него мало могу сделать, чтоб ему было вполне хорошо. Нет во мне ни малейшего чувства дурного в отношении к нему, только любовь самая сильная и самая страшная для меня.

3 мая.

Дурная весна, приезд Тани, тяга, охота, верховая езда. Со всеми хорошие отношения, все здоровы. Нынче все опрокинулось. С Левой ссорилась, я зла, не кротка, я исправлюсь. Дети больны. На Таню сердита, она втирается слишком в жизнь Левочки. В Никольское, на охоту, верхом, пешком. Вчера прорвалась в первый раз ревность. Нынче от нее больно. Я ей уступаю лошадь и считаю это хорошо с моей стороны; к себе всегда снисходителен слишком. Они на тяге в лесу, одни. Мне приходит в голову бог знает что.

9 июня 1865.

Третьего дня все решилось у Тани с Сережей. Они женятся.[153] Весело на них смотреть, а на ее счастие я радуюсь больше, чем когда-то радовалась своему. Они в аллеях в саду, я играла роль какой-то покровительницы, что самой было и весело и досадно. Сережа стал мил мне за Таню, да и все это чудесно. Свадьба через 20 дней или больше. Что еще будет? Давно любит она, ужасно мила и чудный у ней характер, и я рада, что мы будем еще ближе. Погода скверная, Лева и Таня в простуде, Сережа[75] с Гришей[166] и Келлером[167] уехали в Пирогово.[168] Что-то пасмурно и тоскливо с нынешнего утра. Вообще ждать чего-нибудь скучно и тяжело. Я бы уж скорей хотела видеть их вместе и счастливыми. Мы поедем скоро в Никольское, там и свадьба будет; нынче читала ее старый журнал. Все ее прошедшие страдания, все горе, так трудно было читать, что я все останавливалась и мне плакать хоте-

лось, а она думала, что я не хочу читать и мне скучно. Лева что-то не очень весел, дети милы, развиваются.

12 июля 1865. Никольское.

Ничего не сделалось. Сережа обманул Таню.[153] Он поступил как самый подлый человек. Вот уже скоро месяц постоянного горя, тяжелого чувства, глядя на Таню. Это милое, поэтическое, талантливое существо и пропадает. Признаки чахотки меня мучают ужасно. Никогда не в состоянии буду описать в своем журнале всю эту грустную историю. Озлоблению моему к Сереже нет границ. Все, что я буду в состоянии мстить ему, я буду стараться. Таня поступала все время удивительно хорошо. Она его очень любила, а он обманывал, что любил. Цыганка была дороже. Но Маша хорошая женщина, ее жалко, и я ничего не имею против нее. Но он отвратителен. Погодите, погодите, говорил он, и все это только с намереньем водить за нос Таню и забавляться ее чувством к нему. Довел ее до того, что она с сожалением к Маше и детям ее, с чувством своего достоинства, а главное с сожалением и любовью к нему, сама отказала ему. А были уже 12 дней жених и невеста, цаловались, и он ее уверял и говорил ей пошлости и строил планы. Кругом подлец. И всем скажу это, и пусть дети мои это знают, и не поступают, как он, когда узнают эту историю. А дома у меня, моя собственно семейная жизнь такая славная, тихая, счастливая. За что мне такое счастие? Дети были здоровы; Лева тоже, и мы были так дружны, а кругом чудесная, летняя, жаркая погода и природа, и все и все так хорошо. Если б только не было замешено в нашу мирную, честную жизнь это подлое и несчастное дело Сережи. Мы тут, в Никольском,[106] уже с 28-го июня, дня рождения Сережи. У нас уже были и Дьяковы,[161] и Машенька с девочками,[169] и вчера опять милый Дьяков, который много рассеял Таню. Утром в первый раз приезжал сосед наш Волков.[170] Робкий, приятный, спокойный, белокурый, курносый. Мне понравился — ничего. А тут все впечатления: река, купанье, горы, жара, спокойствие души, красные ягоды и горе Тани. А утешение дети, и любимый, милый Левочка, в хорошем, поэтическом духе. Мне хорошо, на долго ли?

16 июля.

Поссорилась с няней,[171] непростительно, совестно и мучает, она хорошая. Старалась загладить, почти извинялась, а с ними нельзя расчувствоваться, не поймут. У нас Феты,[172] они хорошие, он немного напыщенный, а она слишком проста, но очень добра. Таня бедная меня страшно беспокоит. То же отупение и все страх чахотки. Таня маленькая больна была, я боялась и очень тревожилась о ней, теперь лучше. А милая, живая, и глазки и улыбка прелесть. Сережа стал капризничать часто, верно от болезни, но характер добрый и милый. Гроза меня нынче пугала. Лева читает военные сцены в романе; я не люблю этого места в романе.

Зачем я с няней ссорилась. Я похожа на мама, и мне нынче страшно стало найти в себе черты, похожие на нее и которые мне в ней были не совсем приятны. А именно, что я хорошая женщина, и за это все должны прощать мои слабости. А я хочу быть хорошей и видеть все свои недостатки, и пусть никто, а главное пусть я сама себе ничего не прощаю. Так и будет.

26 октября 1865.

Весело браться за свой журнал, от того верно, что себя любишь—свою внутреннюю жизнь. А отчего общее правило, что мужья, прежде влюбленные, делаются с годами холодны? Я нынче открыла, что от того, что всякая женщина только тогда настоящая, когда несколько лет замужем, и если из миллиона найдется одна, которая не изменится вследствие замужества и останется хорошая, милая, какая была, тогда муж ее, опять-таки если он хороший, и будет в нее влюблен всю жизнь. Я страшно изменилась, неужели я когда-нибудь притворялась? А я стала много, много хуже, и уже не трогает меня холодность Левы, которую я знаю, что заслужила. Не трогает до слез и отчаяния, как бывало, потому что и в эти бывалые времена я еще была лучше, больше было мягкости и кротости. Теперь отчет жизни для будущего. Мы в Ясной с 12 октября. Таня осталась у Дьяковых.[173] Здоровье ее плохо, впереди это ужасное горе потерять ее, и все стараюсь не думать. Лева был болен, теперь лучше; пишет. Дети хороши, девочку хочу отнимать, ужасно жаль, делается тоска. Лева приучил все приписывать физическому, это грустно, но я теперь почти все так

и сужу. Тетенька слаба, жалка. И с ней я слишком холодна. Неужели во мне нет ни капли нежности? Я кажется беременна, и не радуюсь. Все страшно, на все смотрю неприязненно. Желание какой-то власти, быть выше всех. Это трудно мне самой понять, но это так.

12 марта 1866.

Прожили 6 недель в Москве, 7-го воротились, и опять в Ясной то же спокойное, немного грустное, но невозмутимое счастливое чувство. В Москве было хорошо, своих я так любила, и детей моих любили. Таня быстра, умна, мила и здорова. Сережа окреп, рассудителен, менее кроток, чем был, но добр. Я боюсь быть пристрастна к своим детям, но я ими очень довольна и счастлива. С Левой все было холодно, неловко, в Москве грубое обращение П.[174] вследствие моего неумения вести себя с ним испортило наши отношения. Мне и совестно и гадко, но на душе ни одного пятнышка не было ни минуты в моей замужней жизни, и Лева меня судил слишком строго и резко. Но я и этому рада, он дорожит мной, и я теперь буду во сто раз осторожнее, это только будет приятно. А еще новый, небывалый еще надрез, и это страшно. Все больше хочется гнуться от своего ничтожества, и меньше остается прав на эту счастливую гордость и сознание собственного достоинства, без которого я бы жить не могла.

В Москве больше жили кремлевской жизнью. Утром присылали карету за детьми, уезжали к родителям на весь день.[175] Лева ходил в скульптурный класс и на гимнастику. Больше всех из знакомых видала Перфильевых,[176] Башиловых,[177] Горчакову,[178] познакомились с Оболенской.[179] Была в концертах, очень полюбила классическую музыку. Вся жизнь шла хорошо, я все любила в Москве, даже нашу Дмитровку и нашу душную гостино-спальню и кабинет, где Лева лепил свою красную лошадь и где сидели бывало вдвоем вечера. Петя[41]—милое существо, я его очень полюбила. И теперь иногда вспомню о них и так сердце сожмется, жалко, что не вижу.

22 марта.

Молодые впечатления тем дороги, что их не ищешь и не сознаешь, а их слишком много, а теперь не то, все обдумаешь и все ищешь посерьезнее, подостойнее себя. Так хуже.

28 апреля.

Люди женятся—думают, что вот беру такую-то девушку, с таким-то характером и проч., а не знают того, что все в ней изменится, что тут ломается целый большой механизм, и нельзя сказать: „я с ней счастлив", пока этот механизм не переломается и не перестроится совсем новый. А при этом не столько важен характер женщины, сколько все то, что будет иметь на нее влияние первое время замужества. Нашему счастью все завидуют, это наводит все меня на мысли, отчего мы счастливы и что это собственно значит.

9 июня 1866.

22-го мая неожиданно родился еще сын Илья. Я ждала в середине июня.

19 июля.

У нас новый управляющий с женой.[180] Она молода, хороша, нигилистка. У ней с Левой длинные, оживленные разговоры о литературе, об убеждениях, вообще длинные, неуместные; мучительные для меня и лестные для нее разговоры. Он проповедывал, что в семью, в intimité, не надо вводить постороннее, особенно красивое и молодое существо, а сам первый на это попадается. Я, конечно, не показываю и вида, что мне это неприятно, но уже в жизни моей теперь нет минуты спокойной. С рождения Илюши мы с ним живем по разным комнатам и это не следует, потому, что будь мы вместе, я бы не выдержала и все ему бы высказала нынче же вечером, что во мне накипело, а теперь я не пойду к нему, и также и с его стороны. В детях я так счастлива, столько они мне дают радости, что грешно требовать еще большего счастия, испытавши это. Столько наслаждения в любви к ним. А жаль, что Левочка не помнит своих собственных правил. И зачем он нынче говорил о том, как муж побоится наделать неприятностей жене, если она безупречна. Как будто несчастие только тогда, когда муж уже сделает что-нибудь дурное. Уже несчастие равно велико, если муж хоть на минуту в глубине своей души усумнится в своей любви к жене. Напрасно Левочка так горячо ораторствует с М[арией] И[вановной]. Теперь скоро час ночи, а я спать не могу. Точно предчувствие дурное, что будет эта управительская жена-нигилистка моей bête noire.

22 июля 1866.

Нынче Лева ходил в тот дом под каким-то предлогом. М. И. [180] мне это сказала, и еще разговаривал с ней под ее балконом. Зачем в дождь было ходить в тот дом? Она ему нравится, это очевидно, и это сводит меня с ума. Я желаю ей всевозможного зла, а с ней почему-то особенно ласкова. Скоро ли окажется негоден ее муж, и они уедут отсюда? А покуда ревность измучает меня. Со мной он холоден до крайности. У меня болят груди, я кормлю с страшной болью и страданиями. Нынче позвала Маврушу прикормить, чтобы дать груди поджить. Боли мои всегда действуют на него дурно в отношении ко мне. Он делается холоден, а к моим физическим страданиям прибавляются еще нравственные, гораздо больнее физических. Я сижу у себя запершись, а она в гостиной с детьми. Я ее просто не могу переносить. Мне досадно глядеть на ее красоту, оживленность, особенно в присутствии Левочки.

24 июля.

Нынче Левочка опять был в том доме и вследствие этого пожалел ее, что ей скучно. Потом спросил меня, зачем я не позвала их обедать. Если б я могла, я никогда бы не пустила ее в дом. Эх, Левочка, сам не видит как попадается. Боли грудей отнимают у меня много времени и счастия. Что ужаснее всего, это, что я совсем отступилась от Левочки, и он тем более от меня. Потом я взяла Маврушу прикармливать Илюшу, и он беспокоен, и мне горько, что он вместе с моим сосет чужое молоко. И бог знает когда заживут груди, так все идет плохо. У меня сердце радуется, когда Лева недоволен хозяйством. Авось откажут управляющему, и я избавлюсь от этой мучительной ревности к М. И. Его жаль, а ее я не люблю.

10 августа 1866.

Бывают дни, когда на душе так светло и хорошо, что хочется сделать что-нибудь такое, отчего бы все тебя полюбили и все удивлялись бы тебе. В противуположность тем несчастиям, о которых я слышала, я чувствую себя счастливой. Вчера рассказывал Бибиков [113] ужасную историю. У нас в Ясенках расстреливали писаря-солдата за то, что он прибил в лицо ротного командира. Левочка был защитником, когда его су-

дили гласным, полевым судом, но, конечно, защита была, к несчастию, только формой.[181] Нынче узнала о смерти маленького сына Constance[182] и так ее жалко было.

У нас все гости были. Княжны Горчаковы,[183] в тот же день кн. Львов,[184] симпатичный такой, и толстый Соллогуб[185] с двумя подросточками—сыновьями. Он мне говорил, что я идеал жены писателя, что жена должна быть нянькой таланта. Я ему благодарна и постараюсь быть еще более нянькой таланта Левочки.—Ревность к М. И. ослабла совсем, она была почти неосновательна. У нас все хорошо просто, но немного холодно в наших отношениях с Левой. Дети мои так милы. Сережа стал мне говорить ты. Нынче огорчил меня, что с летом забыл азбуку, которую так хорошо знал зимой.

27 августа.

Я люблю детей своих до страсти, до боли, всякое малейшее страдание приводит меня в отчаяние, всякая улыбочка, всякий взгляд радует до слез. Илюша нездоров, жду Дьяковых, Таню, Машеньку с девочками.[169] Нынче переносились в новый дом, где они будут.[186] Кормить — это большой труд и я часто слабею. Если б я меньше любила детей, было бы легче.

12 ноября.

Лева в Москве,[187] Таню повез. Ее здоровье плохо, и это приводит меня в отчаяние. Я ее люблю ужасно и чем безнадежнее ее здоровье, тем сильнее моя привязанность к ней. Она вероятно поедет с Дьяковыми в Италию. Всю осень я как будто не видала ее дурного состояния. У нас было так весело эти три недели от начала сентября, что не хотелось инстинктивно думать о несчастии. Когда я долго не пишу журнал, мне жалко, что я не записываю свою счастливую жизнь. Эти три недели у нас гостили Дьяковы, Машенька с девочками, Таня, и была такая между нами дружба, такие простые, дружеские, легкие и приятные отношения, что, я думаю, редко можно встретить что-нибудь подобное. Я так радостно вспоминаю и 17 сентября, с музыкой,[188] которая меня так удивила и обрадовала за обедом, и при этом милое любящее выражение Левы, и этот вечер на террасе при свете фонарей и огарочков, и оживленные, молодые фигуры барышень в кисейных

белых платьях, маленький добродушный Колокольцев,[189] а главное, везде и надо всем оживленное, любимое лицо Левочки, который так старался и достигал того, что нам всем было так весело. Я сама удивлялась, что я, солидная, серьезная, танцовала с таким увлечением. Погода была такая чудная, и всем нам было так хорошо. Когда уехали все гости и Таня осталась у нас еще на месяц, ее дурное здоровье стало очевидно. Теперь, особенно без Левочки, я особенно горюю о ней, да и вообще так грустно и пусто без Левы. Мне кажется, нельзя теснее жить нравственно, как я живу с ним. Мы ужасно счастливы во всем. И в наших отношеннях, и в детях, и в жизни. Теперь без него я живу особенно тесно с детьми, но они так малы. Теперь спят, потом едят, потом вечером опять спят, и все, что в них проявляется нравственно, я ловлю и пользуюсь. Теперь я все время и нынче переписываю (не читая прежде) роман Левы.[190] Это мне большое наслаждение. Я нравственно переживаю целый мир впечатлений, мыслей, переписывая роман Левы. Ничто на меня так не действует, как его мысли, его талант. И это сделалось недавно. Сама ли я переменилась, или роман действительно очень хорош — уж этого я не знаю. Я пишу очень скоро и потому слежу за романом достаточно скоро, чтобы уловить весь интерес, и достаточно тихо, чтобы обдумать, прочувствовать и обсудить каждую его мысль. Мы часто с ним говорим о романе, и он почему-то (что составляет мою гордость) очень верит и слушает мои суждения.

12 января 1867.

У меня страшное состояние растерянности, грустной поспешности, как будто скоро должно что-то кончиться. Кончится скоро многое, и так страшно. Дети все были больны, с англичанкой[191] все невесело и неловко. Все еще я смотрю на нее неприязненно. Говорят, что когда скоро умрешь, то бываешь очень озабочен перед смертью. Я так озабочена и так все что-то спешу и столько дела. Левочка всю зиму раздраженно, со слезами и волнением пишет. По-моему, его роман должен быть превосходен. Все, что он читает мне, почти до слез меня тоже волнует, и не знаю, оттого ли, что я жена его, то по сочувствию, или оттого, что действительно хорошо. Я думаю

скорее—последнее. Нам, в семью, он приносит больше только les fatigues du travail, *) со мной у него нетерпеливое раздражение, и я себя стала чувствовать последнее время очень одинокой.

15 марта 1867.

Вчера ночью, часов в 10-ть, загорелись наши оранжереи и сгорели все до тла. Я уже спала, Лева разбудил меня, в окно я увидала яркое пламя. Левочка вытащил детей садовника и их имущество, я бегала на деревню за мужиками. Ничего не помогло, все эти растения, заведенные еще дедом и которые росли и радовали три поколенья,—все сгорело, осталось очень мало и то вероятно померзшее и обгорелое. Ночью не было так жалко, а сегодня целый день у меня одна забота, чтоб не выдать себя и не допустить слезам капать из глаз. Тоска такая, а главное ужасно Левочку жалко, он так на вид огорчен и так всякое малейшее его огорчение мне близко и тяжело. Он так любил и занимался последнее время растениями и цветами и радовался, что все растет заведенное им вновь. Ничем не воротишь и утешишься только с годами.

29 августа.

Мы ссорились, ничего не прошло. „Виновата, что до сих пор не знала, что любит и может выносить муж". И все время ссоры, одно желание—как бы скорее и лучше все кончилось. И все хуже, хуже. Я ужасно колеблюсь, ищу правды, это мука — у меня не было ни одного дурного побуждения. Ревность, страх, что все кончено, пропало, вот что осталось теперь.

12 сентября.

Правда, что все пропало. Такая осталась холодность и такая явная пустота, потеря чего-то, именно искренности и любви. Я это постоянно чувствую, боюсь оставаться одна, боюсь быть наедине с ним, иногда он начнет со мной говорить, а я вздрагиваю, мне кажется, что сейчас он скажет мне, как я ему противна. И ничего, не сердится, не говорит со мной о наших отношениях, но и не любит. Я не думала, чтобы могло дойти

*) [Усталость от работы].

до того, и не думала, чтобы мне это было так невыносимо и тяжело. Иногда на меня находит гордое озлобление, что и не надо, и не люби, если меня не умел любить, а главное озлобление за то, что, за что же я-то так сильно, унизительно и больно люблю. Мама часто хвалится, как ее любит так долго папа. Это не она умела привязать, это он так умел любить. Это особенная способность. Что нужно, чтоб привязать? На это средств нет. Мне внушали, что надо быть честной, надо любить, надо быть хорошей женой и матерью. Это в азбучках написано—и все это пустяки. Надо не любить, надо быть хитрой, надо быть умной и надо уметь скрывать все, что есть дурного в характере, потому что без дурного еще не было и не будет людей. А любить главное не надо. Что я сделала тем, что так сильно любила, и что я могу сделать теперь своею любовью? Только самой больно и унизительно ужасно. И ему-то это кажется так глупо. „Ты говоришь все так, да не так делаешь“. Я так храбрюсь и рассуждаю, а во мне ничего и нет больше как глупой унизительной любви и дурного характера, что вместе сделало мое несчастье, потому что последнее мешало первому. Нужно мне только его любви, его участия ко мне, а этого нет, и вся моя гордость затоптана в грязь, и я жалкая, растоптанная гадина, никому не нужная, никому не милая, ни на что не способная, с тошнотой и испорченными двумя зубами, с брюхом, дурным духом, с бессильной, уничтоженной гордостью, с унизительной любовью, которая никому не нужна и которая убивает и уничтожает меня.

14 сентября.

Все то же, и возможно ли, что все переносится, и даже я нынче решила себе, что и так можно жить; какая-то поэтическая, покорная жизнь без тревог, безо всего, что называется физической, материальной жизнью, с самыми святыми мыслями, с молитвами, тихой затоптанной любовью и постоянной мыслью о совершенствованьи. И пусть никто, даже Левочка, не прикасается к этому моему внутреннему миру, пусть никто меня не любит, а я буду всех любить, и буду сильнее и счастливее всех.

16 сентября 1867.

Невольно весь день думала о прошлогоднем завтрашнем 17-м сентября.[188] Мне не веселья того нужно, ни музыки, ни танцев, сохрани бог, мне ничего этого не хочется—мне только нужно его желание, его радость сделать мне удовольствие видеть меня веселой, как это было тогда; и если б он знал, как за это его побуждение я на всю жизнь осталась благодарна. Тогда мне так сильно казалось, что я счастлива, сильна, красива. Теперь также сильно чувствую, что я нелюбима, ничтожна, дурна и слаба.

Нынче утром говорили о хозяйстве, как будто мы одно, так дружно и согласно, а мы теперь редко говорим о чем бы то ни было. Я вся живу в детях и в ничтожной самой себе. Сейчас Сережа подошел и спрашивает: „Что это вы книжку пишете?“ А я ему ответила, что он, когда будет большой, прочтет ее. Что-то он подумает и как осудит меня? Неужели меня и дети любить не будут. А я так требую и так не умею приобретать чью бы то ни было любовь.

31 июля 1868.

Смешно читать свой журнал. Какие противоречия, какая я будто несчастная женщина. А есть ли счастливее меня? Найдутся ли еще более счастливые, согласные супружества. Иногда останешься одна в комнате и засмеешься своей радости и перекрестишься: дай, бог, долго, долго так. Я пишу журнал всегда, когда мы ссоримся. И теперь бывают дни ссоры; но ссоры происходят от таких тонких, душевных причин, что если б не любили, то так бы и не ссорились. Скоро 6 лет я замужем. И только больше и больше любишь. Он часто говорит, что уж это не любовь, а мы так сжились, что друг без друга не можем быть. А я все так же беспокойно и страстно, и ревниво, и поэтично люблю его, и его спокойствие иногда сердит меня.

Он уехал с Петей на охоту. Летом ему не пишется. Оттуда поедут в Никольское. Я больна, сижу почти весь день дома. Дети гуляют и только приходят кормиться на террасу. Илин чудо как мил. Таня вся поглощена Дашей[192] и редко ходит ко мне и то на минутку. Кузминский что-то ни рыба ни мясо.

5 июня 1870.

Сегодня 4-й день как я отняла Левушку.[193] Мне его было жаль почти больше всех других. Я его благословляла и прощалась с ним, и плакала, и молилась. Это очень тяжело этот первый полный разрыв с своим ребенком. Должно быть, я опять беременна. С каждым ребенком все больше отказываешься от жизни для себя и смиряешься под гнетом забот, тревог, болезней и годов.

18 августа 1871.

Вчера ночью проводила Таню с детьми на Кавказ.[194] В душе пусто, грустно и страх перед жизнью врозь от такого друга. Мы никогда с ней не расставались. Я чувствую, что у меня оторвана часть моей души, и нет возможности утешиться. Нет человека в мире, который бы мог меня оживить более, утешить во всяком горе, поднять, когда опустишься духом. Смотрю на все: на природу, на жизнь свою впереди, и все без Тани грустно, пусто, все мне представляется мертво и безнадежно. Я не найду слов выразить, что чувствую. Что-то во мне умерло, и я знаю это горе, которое не выплачешь сразу, а которое годами продолжается и отзывается при всяком воспоминании нестерпимой болью души. Так отзывается во мне постоянное беспокойство о здоровье Левочки. Кумыс, который он пил два месяца,[195] не поправил его; болезнь в нем сидит; и я это не умом вижу, а вижу чувством по тому безучастию к жизни и всем ее интересам, которое у него появилось с прошлой зимы. И что-то пробежало между нами, какая-то тень, которая разъединила нас. Я чувствую, что если я не найду в себе сил подняться нравственно, т.-е. утешиться отъездом Тани, приняться энергично заниматься детьми и наполнять свою жизнь, не унывая и не скучая,—он не поднимет меня; а чувствую я постоянно, как он меня тянет в то унылое, грустное и безнадежное состояние, в котором сам находится. Он не сознается в нем, но меня чувство никогда не обманывало. Я от этого более всех страдаю—и я не ошибаюсь.

С прошлой зимы, когда и Левочка и я, мы были оба так больны, что-то переломилось в нашей жизни. Я знаю, что во мне переломилась та твердая вера в счастье и жизнь, которая была. Я потеряла твердость, и теперь какой-то постоянный

страх, что что-то случится. И случается действительно. Таня уехала. Левочка нездоров: это два существа, которые я люблю больше всего на свете. Они оба для меня пропали. Левочка потому, что совсем не тот, какой был. Он говорит: „старость“, я говорю: „болезнь“. Но это что-то нас стало разъединять.

1872 года.

Зима была счастливая, мы опять жили душа в душу и здоровье Левочки было не дурно.

[30 марта.]

30-го марта Левочка вернулся из Москвы. Дети приносят желтые и лиловые цветы.

1 апреля 1872.

Говела, приехала из Тулы по машине, потом на катках; снег только в овражках, грязь ужасная, тепло, ясно. Левочка вечером был на тяге, убил вальдшнепа, другого прислал Митрофан.[196]

3 апреля.

Все тепло; убил двух вальдшнепов. Отсылали корректуры азбуки,[197] сидели до 4-го часа ночи.

[5 апреля.]

5-го. Опять убил вальдшнепа; перед обедом ходил с детьми к пчельнику гулять; брод не могли перейти; я вернулась и гуляла с Лелей[198] около дома. Очень тепло и ветер теплый.

6-го.

Утро ясное и ветреное; потом гром и град крупный. У Левочки три предыдущие дня по вечерам озноб и все нездоровится.

8 апреля.

Ночью была сильнейшая гроза и дождь. У Левочки все зябнет спина и все нездоровится. Духом он бодр, говорит, что работы ему на бесконечное число лет хватило бы. Все зелено, листья стали распускаться, медуница цветет, трава уже высокая.

9 апр.

Точно лето.

12 апреля.

Ходили на тягу с Илюшей в срубленный Заказ. Чудный, теплый, ясный вечер. Мы очень наслаждались. Луна полная всходила из-за деревьев.

16-го.

Светлое воскресенье. Ночью—дождь, гроза. Утром завернул холод, пасмурно.

18-го.

Ездил Л. с Бибиковым [113] на тягу, убил 3-х в Засеке. Все холодно.

19-го.

Всю ночь Левочка до рассвета смотрел на звезды.

20-го.

Ездили с детьми и Варей за фиалками; все свежо, у меня что-то вроде лихорадки. Левочка здоров. Вечером приехал Варин жених. [198]

21-го.

Ездили за сморчками с детьми, Варей и Нагорным. [198] Набрали корзинку сморчков. Все не тепло. Левочка, Варя с женихом уехали на тягу. Солнце закатывалось, как ярко-красный огненный шар. Вечер теплый, тихий, 11° тепла. Липа почти развернулась, дуб еще не трогался, остальные деревья все распустились. Левочка утром принес букет из разных древесных веток и цветов.

23-го.

Ночь холодная, утро тихое, ясное, свежее. Небо чисто, вчера Левочка говорил, что некоторые дубы начинают распускаться, липа кое-где совсем развернулась.

С 27-го на 28-е.

Левочка ночью поехал в Москву. Маша [199] очень больна.

30-го

Жара невыносимая и гроза ночь и день.

13 мая.

Принес Левочка шиповник во всем цвету.

14 мая.

Левочка, Степа и Сережа поехали в Никольское.

15-го.

Мы купались и варили кофе и брали грибы в березнике нашем. Жара.

С 16-го на 17-е.

Вернулись из Никольского; холод и пасмурно.

18-го.

Ханна[191] ездила в Тулу за игрушками детям. Мы ездили за грибами; нас застал маленький дождь, и мы озябли. Левочка вчера очень расстроился, что не шлют корректуры, и написал в Москву, чтоб отобрать оригинал у Риса.[200] Сегодня писал Ливену[201] и Саше. На акациях большие стручья. Сухо и ветер и холодно.

26 мая.

Жара ужасная. Левочка с Илюшей ездил в Тулу по машине. Я с детьми купалась. Шиповник весь обсыпался, из саду продали вчера сено.

13 февраля 1873.

Левочка уехал в Москву и без него сегодня весь день сижу в тоске, с остановившимися глазами, с мыслями в голове, которые меня мутят, мучают и не дают мне покоя. И всегда в этом состоянии умственной тревоги берешься за журнал. В него выльешь все свое настроение и отрезвишься. А настроение мое грешное, глупое, не честное и тяжелое. Что бы я была без этой постоянной опоры честной, любимой всеми силами, с самыми лучшими и ясными взглядами на все? И вдруг иногда заглянешь в свою душу во время тревоги и спросишь себя: чего же надо? И ответишь с ужасом: надо веселья, надо пустой болтовни, надо нарядов, надо нравиться, надо чтоб говорили, что я красива, надо, чтоб все это видел и слышал Левочка, надо чтоб он тоже иногда выходил из своей сосредоточенной жизни, которая и его иногда тяготит, и вместе со мною пожил той жизнью, которой живут так много обыкновенных людей. И с криком в душе отрекаюсь я от всего, чем и меня, как Еву, соблазняет дьявол, и только еще хуже кажусь

я сама себе, чем когда-либо. Я ненавижу тех людей, которые мне говорят, что я красива; я этого никогда не думала, а теперь уж поздно. И к чему бы и повела красота, к чему бы она мне была нужна? Мой милый, маленький Петя[202] любит свою старую няню так же, как и любил бы красавицу. Левочка привык бы к самому безобразному лицу, лишь бы жена его была тиха, покорна и жила бы той жизнью, какую он для нее избрал. Мне хочется всю себя вывернуть самой себе и уличить во всем, что гадко и подло и фальшиво во мне. Я сегодня хочу завиваться и с радостью думаю, что хорошо ли это будет, хотя никто меня не увидит, и мне этого и не нужно. Меня радуют бантики, мне хочется кожаный новый пояс и, теперь, когда я это написала, мне хочется плакать...

Наверху дети сидят и ждут, чтобы я их учила музыке, а я пишу весь этот вздор в кабинете внизу.

Сегодня мы катались на коньках; были у мальчиков столкновения с Федором Федоровичем;[88] мне было их жалко, и я с трудом устроила так, чтоб Федор Федорович не обиделся и чтоб дети утешились. Новая англичанка, приехавшая третьего дня утром, мне не вполне симпатична; она слишком commune *) и вяла. Но еще нельзя ее узнать, что будет?

17 апреля 1873.

Снег шел все утро, 5° тепла, ни травы, ни тепла, ни солнца, ни той весенней, светлой и грустной радости, которую так долго ждешь. Так же, как в природе, так и моей душе холодно, мрачно и грустно. Левочка пишет свой роман, и идет дело хорошо.[203]

11 ноября 1873.

9 ноября, в 9 часов утра, умер мой маленький Петюшка болезнью горла. Болел он двое суток, умер тихо. Кормила его год и два с половиной месяца, жил он с 13-го июня 1872-го года. Был здоровый, светлый, веселый мальчик. Милый мой, я его слишком любила, и теперь пустота, вчера его хоронили. И не могу я соединить его живого с ним же мертвым; и то и другое мне близко, но как различно это живое, светлое, любящее

*) [Вульгарна].

существо и это мертвое, спокойное, серьезное и холодное. Он был очень ко мне привязан, жалко ли ему было, что я останусь, а он должен меня оставить?

17 февраля 1874.

Сколько ни думаю о будущем—нет его. И только зазеленеет трава над Петиной ямкой, как ее взроют для меня; это мое постоянное, мрачное предчувствие.

12 октября 1875.

Слишком уединенная деревенская жизнь мне делается наконец несносна. Унылая апатия, равнодушие ко всему, и нынче, завтра, месяцы, годы—все то же и то же. Проснешься утром и не встаешь. Что меня поднимет, что ждет меня? Я знаю, придет повар, потом няня будет жаловаться, что люди недовольны едой и что сахару нет, надо послать, потом я с болью правого плеча сяду молча вышивать дырочки, потом ученье грамматики и гамм, что я делаю хотя с удовольствием, но с грустным сознанием, что делаю не хорошо, не так, как бы хотела. Потом вечером то же вышиванье дырочек и вечное, ненавистное для меня раскладыванье пасьянсов тетеньки с Левочкой. Чтенье доставляет короткое удовольствие—но много ли хороших книг? Во сне иногда, как нынче, живешь. Именно живешь, а не дремлешь. То я иду в какую-то церковь ко всенощной и молюсь, как я никогда не молюсь наяву, то я вижу чудесные, картинные галлереи, то где-то чудесные цветы, то толпу людей, которых я не ненавижу и не чуждаюсь, а всем сочувствую и люблю.

Видит бог, как я нынешний год боролась с этой постыдной скукой, как я одна, в душе, поднимала в себе все хорошее и вооружалась главное мыслью, что для детей, для их нравственного и физического здоровья самое лучшее—деревенская жизнь, и мне удавалось утишать свои личные, эгоистические чувства, но я к ужасу своему вижу, что это переходит в такую страшную апатию и такое животное, тупое равнодушие ко всему, что это пугает меня больше всего и против этого бороться еще труднее. И потом я не одна: я тесно и все теснее с годами связана с Левочкой и я чувствую, что он меня втя-

гивает, главное он, в это тоскливое, апатичное состояние. Мне больно, я не могу видеть его таким, какой он теперь. Унылый, опущенный, сидит без дела, без труда, без энергии, без радости целыми днями и неделями и как будто помирился с этим состоянием. Это какая-то нравственная смерть, а я не хочу ее в нем и он сам так долго жить не может. Может быть, взгляд мой пошл и неверен. Но мне кажется, что обстановка жизни нашей, обстановка, которую сделал он, потому что мне она тяжела,—т.-е. это страшное уединение и однообразие жизни, способствуют этой нашей взаимной апатии. А когда я думаю о будущем, о выросших детях, о их жизни, о том, что у них будут разные потребности, что их всех надо воспитать, и потом подумаю о Левочке, то я вижу, что он с своей апатией и равнодушием, мне не помощник, он к сердцу ничего не может принимать, и вся внутренняя, душевная ответственность, все страдания в неудачах детей—все ляжет на мне, а как я одна сумею вынести все и помочь детям, особенно с этой тоскою видеть в Левочке, что все потухло и ничто его не поднимет. Если бы люди не надеялись—жить бы нельзя, и я надеюсь, что бог еще раз вложит в Левочку тот огонь, которым он жил и будет жить.

15 сентября 1876.

Настало уединение, и вот я опять с моим безмолвным собеседником—журналом. Хочу добросовестно и ежедневно писать журнал. Левочка уехал в Самару и проехал в Оренбург, куда ему очень хотелось.[204] Из Оренбурга получила от него телеграмму. Я очень тоскую и еще больше беспокоюсь. Хочу убедить себя, что я рада, что он себе доставил удовольствие, но не правда, я не рада, я даже оскорбляюсь, что он среди прелестного времени нашей обоюдной любви и дружбы,—как было все это последнее время,—мог оторваться добровольно от меня и нашего счастья и наказать меня мучительной, двухнедельной тревогой и грустью.

Взялась с энергией и очень сильным желанием делать хорошо, за учение детей. Но, боже мой, как я нетерпелива, как я сержусь, кричу, и сегодня, огорченная до последней степени плохим сочинением Сережи о Волге, его орфографическими ошибками и ленью Ильи,—я под конец класса разразилась сле-

зами. Дети удивились, но Сереже стало меня жалко; меня это тронуло; он все потом ходил около меня, был тих и внимателен. Отношения с Таней недружелюбны. Как грустно, что с детьми вечная борьба. Мыслей дурных у меня нет, хотелось бы только больше движения и свободы. Я страшно устаю; здоровье плохо, дыханье трудно, желудок расстроен и болит. От холода точно страдаю и вся сжимаюсь.

17 сентября.

Мои именины. Еще один день прошел, но нет ни Левочки ни известий о нем. Утром встала ленивая, полубольная, озабоченная будничными интересами. Дети с Степой[41] пошли змей пускать, прибегали оживленные, красные, меня звать. Я не пошла. Велела принести из ружейного шкапа все Левочкины бумаги и вся ушла в мир литературных его произведений и дневников. Я с волнением переживала целый ряд впечатлений. Но я не могу писать задуманной мной его биографию, потому что не могу быть беспристрастна. Я жадно отыскиваю те страницы дневника, где какая-нибудь любовь, и мучаю себя ревностью и это мне все затемняет и путает. Но попытаюсь. Боюсь за свое дурное, недоброжелательное чувство к Левочке за то, что он уехал, я так его любила перед его отъездом, а теперь все упрекаю ему в душе, что доставил мне столько тревоги и горя. Странно это сообразить, что он боится моей болезни, и сам своим отъездом, в худшую пору моего здоровья, мучает меня. Теперь я от тревоги не сплю ни одной ночи, не ем почти ничего, глотаю слезы или украдкой плачу несколько раз в день от беспокойства. У меня всякий день лихорадочное состояние, а теперь по вечерам дрожь, нервное возбуждение и точно голова треснуть хочет. Чего я не передумала за эти две недели.—С детьми нынче было хорошо; я боюсь, что злоупотребляю тем, что возбуждаю часто их жалость ко мне. Так радостно видеть их заботливость. Таня делается красива; очень меня смущает своей детской влюбленностью в скрипача Ипполита Нагорного.[205] После завтрака не учила их; вдруг точно упала во мне энергия, и я не могла ничего делать. Боже мой, помоги мне держаться, может быть еще несколько дней; все думаю: „За что, за что я наказана, за то

что так любила“. И теперь надорвалось это счастье, я озлоблена за то, что опять подавлены и мой хороший порыв любви и наслажденье счастьем.

18 сентября 1876.

Получила сегодня телеграмму из Сызрани. После завтра утром приедет. И вдруг сегодня все стало весело, и детей учить легко, и в доме все так светло, хорошо, и дети милы. Но грудь болит, неужели я буду больна, сегодня до слез было обидно и страшно за наше общее спокойствие. Но говорить много—мучительно больно было, когда учила детей и толковала. Нет дыханья свободного. Вечером дети пришли снизу от уроков M. Rey [206] все не в духе; оказалось, что все шалили в классе и всем двойки за поведенье. Я стала говорить, что Сережа себя дурно ведет, и я его на охоту не пущу; что может быть он исправится, если его накажут. Сережа вдруг вспыхнул и говорит: „au contraire“ *). Мне это было очень больно. Но он, прощаясь, спросил, сержусь ли я на него, и я была этому рада и простила его. Степа очень мил, и мне помогает усердно; учит детей, заставляет их повторять уроки. Когда вспомню, что после завтра Левочка приедет, так и прыгнет сердце, точно свет в дом внесет.

27 февраля 1877.

Сегодня, перечитывая дневники старые Левочки, я убедилась, что не могу писать „материалов к биографии“, как хотела. Жизнь его внутренняя так сложна, чтение дневников его так волнует меня, что я путаюсь и в мыслях и в чувствах и не могу на все смотреть разумно. Жаль оставить мечту свою. Могу записывать нашу теперешнюю жизнь и все слова и рассказы его об умственной его деятельности и в этом постараюсь быть добросовестна и неленива. Он в Москве, поехал держать корректуры к февральской книге [207] и видеть Захарьина, [101] чтоб посоветоваться о головных болях и приливу к мозгу.

Когда я просила надняx Левочку что-то рассказать мне о его прошлой жизни, он сказал мне: „Ах, не спрашивай меня пожалуйста, меня слишком волнуют воспоминания, и я стар уж, чтоб переживать в воспоминаниях всю свою жизнь“.

*) [Наоборот].

21 сентября 1878.

Был у нас Николенька Толстой. Делали планы ехать в Москву с ним и его молодой будущей женой.[208] Это звездочка.

22 сентября.

Левочка с Илюшей ездили с борзыми на охоту, привезли 6 зайцев. Андрюше привили оспу.

23 сентября.

Свадебный день, 16 лет. Учила детей по-немецки, очень хорошо, погода тихая, теплая и ясная. Андрюша очень радует.

24 сентября 1878.

Воскресенье. Встала поздно. Левочка ездил к обедне;[209] пили кофе втроем: Левочка, Машенька (сестра) и я. После завтрака дети пошли в Ясенки пешком. Машенька уехала в Тулу с Ульянинским[210] гимназистом, греческим и латинским учителем Сережи; Левочка с Сережей пошли с ружьями и гончими на охоту. Я осталась кроить мальчикам куртки. Потом я поехала с Машей[199] и Анни[211] в катках к детям в Ясенки. Перед отъездом моим приехал кн. Урусов,[212] который тоже с ружьем пошел отыскивать наших охотников. В Ясенках нашла детей в лавочке, они покупали и ели сладости. К обеду все собрались. После обеда сыграли в сумерках игру в крокет. Левочка, Илюша и я, — M. Nief,[213] Леля и Урусов; они выиграли. Левочка и Урусов играли вечер в шахматы, дети ели сладкое и были в распущенном духе; я читала „Journal d'une femme" Octave Feuillet *). Очень хорошо и идеально. Конец не натурален. Но это все написано как будто с намерением в контраст новейшей, слишком реальной литературе. 12 час. ночи, Левочка ужинает, сейчас идем спать.

25 сентября 1878.

Утром учила детей, к обеду приехала Машенька,[14] привезла с собой Антона, Россу и Надю Дельвиг.[214] Дети пришли в восторг. После обеда танцовали 1 кадриль, и я с Лелей, чтоб порядок держать; играли нам Левочка с Александром Гри-

---

*) [Дневник женщины—роман известного французского писателя Октава Фелье (1821—1890)].

горьевичем;[215] потом Машенька играла на фортепиано, Александр Григорьевич на скрипке, шло довольно хорошо. Играли прелестную сонату Моцарта, Andante которой во мне всегда душу переворачивает. Левочка потом играл Вебера сонаты. Но тут скрипка Александра Григорьевича мне показалась уж очень плоха сравнительно с Нагорным.[205] Последнюю играли Бетховена „Крейцеровскую сонату"; шло плохо, но соната—что́ должно это быть, хорошо сыгранное!

Потом дети и я с ними играли в карты, в судьбу. Росса проста и мила, но слишком некрасива. Ночевали все у нас.

На другой день, 26-го.

Встала с головной болью. Левочка уехал с Антоном к обедне. Остальная компания играла очень весело в крокет. Дни стоят ясные; все пожелтело, но листья держатся и красиво все очень. Ночи морозные и лунные. После завтрака играли опять в крокет: Росса, я, Антон и Сережа. Левочка детей уговорил итти с борзыми по полям. Всякий из них взял на свору свою собаку, охотник с верховой лошадью и тоже с сворой и все пошли с Анни, M-lle Gachet[216] и M-r Nief'ом. Картина была очень красивая. Когда кончили крокет, и остальные пошли в поле, а я ушла к Василию Ивановичу.[217] Мне было очень у них неловко и грустно в этот раз. Туда же пришел и возвратившийся Сережа и удивился увидав меня. Сережа любит Василия Ивановича и никогда его не забывает, и мне это приятно. Левочка ходил тоже на охоту и убил в молодой посадке березовой тетерьку. Дети играли до обеда в крокет, а я следила. Сейчас после обеда Дельвиги уехали, дети все столпились в Левочкиной гостиной, болтали, смеялись с нами и играли руками в колотушки. Легли спать рано.

27 сентября.

Все ясно и сухо. Много кроила, шила, учила Лизу[218] по-французски, Машу, Таню—по-немецки. В духе хозяйственном и аккуратном. Андрюше в пятницу привили оспу и он нездоров и беспокоен, а у меня болят соски. Левочка был за Засекой с борзыми и ничего даже не видал; занятия его еще не идут, и у него болит спина. Машенька что-то не в духе, зябнет и недовольна.

1 октября.

(Воскресенье, Покров). Утром Левочка уехал к обедне. Сережа брал греческо-латинский урок у Ульянинского, я долго спала, потому что оспа очень тревожит Андрюшу, и он не спит ночи; дети все с утра нарядились и ждали моего вставанья с волненьем, потому что погода нахмурилась, а они собирались к Дельвиг. Но было тепло, и я их отпустила. Все четверо с M-lle Gachet поехали. Приехал Урусов, пошли с M-r Nief и Левочкой за вальдшнепами. Машенька больна, сидела внизу и лечилась гомеопатией, я осталась совсем одна, потаскалась по воздуху, по крокету, по дому и села шить. Обедали в 7 часов, потом сидели, приятно беседовали о серьезных вещах, Левочка и Урусов играли в шахматы, я вышивала шелками по канве Андрюше платье. Дети веселые, очень довольные днем, вернулись в 10-м часу и рассказывали.

2 октября.

Учила детей, вдруг кто-то подъехал. Оказался Громов [27] с дочерью Надей, [208] невестой Николеньки. [208] Она очень мила, проста, серьезна. Я буду ее любить. Сейчас после обеда они уехали, вечер проработала, вместе с Таней ходила в ванну. Все в доме у нас спокойно, весело и совсем не скучно. Погода все ясная и ночи прелестные лунные. Андрюше лучше.

3 октября.

Просидела дома, несмотря на чудную погоду. Учила детей, бранила и наказала Таню за то, что она не пошла гулять, а убежала от M-lle Gachet. Машенька со мной сидела, была очень в хорошем духе. Левочка ездил на охоту, затравил 5 зайцев; упал вместе с лошадью и, слава богу, убил только руку, хотя на всем скаку через голову перелетел и у лошади подогнулась шея, так что она встать долго не могла. Сережа ставил мушку к боку правому, я все еще о нем не совсем успокоилась. Андрюша необыкновенно мил, ест сам из ручки хлеб и припивал молоком. Завтра приедет Николенька. Дети в свободные часы играли в крокет. Пока Левочка, приехавши с охоты, обедал, я получила письмо от сестры Тани, ужасно обрадовалась, читала всем это письмо вслух и не могла удержать улыбки радости. Когда дошли до места, что она посылает поклон до-

брому, тихому, набожному, белотелому (все это ему выгадали в лубочной книге „Оракул“) вашему папаше, как мы его шутя называли, играя в крокет, то все расхохотались.

4 октября 1878.

Танино рожденье, ей 14 лет. Когда встала, пошла к детям в лес, мелкую посадку. Там у них был устроен пикник. M-r Nief с засученными рукавами делал une omelette *) и варил шоколад. Тлели 4 прогоревшие костра, Сережа жарил шашлык. Все были очень веселы, ели очень много, а главное погода была чудесная. Когда вернулись домой, играли в крокет, смотрим идут по пришпекту ослы и лошади из Самары. [90] Радость была большая, дети сейчас же влезли и поехали на ослах. К обеду приехал Николенька и баронесса Дельвиг [241] с Россой. Пили шампанское за здоровье Тани, она краснела, но была довольна. Вечером провожали на Козловку в катках гостей Таня и я, и легли поздно. Левочка пешком выходил нам навстречу.

6 октября.

Больна, у меня флюс и ломота по всему телу. Утром взошла к Левочке, он сидит внизу за столом и пишет что-то. Это он начал, говорит, в десятый раз начало своего произведенья. Начало—это прямо разбирательство дела, в котором судятся мужики с помещиком. Дело это он вычитал из подлинных документов и даже числа оставил. Из этого дела, как из фонтана разбрызгается действие и в быт крестьян, и помещика, и в Петербург, и в разные места, где будут играть роль разные лица. [219] Мне понравилась эта entrée en matière **). Дети учатся, вялы и придумывают разное себе веселье.

8 октября.

Была Николенькина свадьба. Левочка уехал с утра в Тулу, он был посаженым отцом, мы с Таней вдвоем поехали вечером прямо в церковь, где уже началось венчание. Таню поразило пенье певчих и свадьба. После церемонии мы сейчас же уехали. Сережа был на охоте, затравил двух зайцев. Утром дети ездили в Ясенки [116] на ослах.

---

*) [Яичницу].

**) [Приступ к рассказу].

9 октября.

Приехал Бибиков[220] из Самары, привез дурные вести, доходу опять почти ничего. Я страшно рассердилась, там сняли участок, я ничего об этом не знала, купили скотину, и урожай оказался не хорош. Была страшная ссора с Левочкой. Я себя чувствую несчастной и еще не чувствую себя виноватой, но как я все ненавижу: и себя, и свою жизнь, и мое так называемое счастье. Мне все скучно, все противно...

11 октября.

Приехал утром Д. А. Дьяков. Он ездил искать дочери[221] купить именье. Левочка ходил на охоту, ничего не убил. Вчера он убил 2-х вальдшнепов и зайца, которого разорвали собаки. По вечерам всякий день у нас чтение, M-r Nief читает „Les trois Mousquetaires" Alexandre Dumas.[222] Чтение это очень приятно, дети интересуются и ждут вечера с нетерпением. Левочка много читает матерьялов к новому произведению, но все жалуется на тяжесть и усталость головы и писать еще не может. Мы опять дружны, и я себе сказала, что буду беречь его.

13 октября.

Мы сидели учились с Лелей и Лизой, вдруг дети завизжали от радости. Приехал Сергей Николаевич из Тулы, куда он ездил по делам. Прошел день в разговорах.

14 октября.

Сегодня уехала от нас Машенька. Сергей Николаевич ездил в Ясенки к Хомякову,[223] собирать сведенья о каком-то управляющем. Левочка ходил на охоту и видел 6-ть тетеревей. Сергей Николаевич много раз спрашивал о сестре Тане; он ее не забыл и не забудет; говорит, что ему очень хотелось поговорить с ней, когда он ее встретил на железной дороге. Сережа ударил Лелю, который в него бросил палку. Сережа же хотел и пытался эту палку вырвать у Лели. Я очень сердилась и бранила Сережу. Приехал вечером горбатый учитель рисованья. Учились рисовать Таня, Илья и Леля. Таня серьезно училась, а мальчики хохотали и шалили, Сережа учился по-гречески и латыни с Ульянинским.[210] Потом читали опять вслух

„Les trois Mousquetaires“. Чтение это продолжает интересовать детей. Я в странном духе. Занята очень своей наружностью, начинаю мечтать о иной жизни, чем теперь. Т.-е. мне опять хочется много читать, образовываться, умствовать, хочется быть красивой, думаю о платьях и глупостях. Мечтаю о поездке с детьми в Москву. Андрюшу очень люблю.

15 октября, воскресенье.

Прихожу утром чай пить, сидят в гостиной Левочка, Сережа брат, дети и два учителя—горбатенький рисовальный и гимназист Ульянинский. Немного стесняет присутствие учителей. Левочка ездил к обедне.

Начались сборы на охоту, оседлали 7 лошадей, поехали с борзыми Левочка с Сережей-братом, Сережа-сын, Илюша, M-r Nief и двое людей. Таня, Маша, Леля, M-lle Gachet и Лиза отправились на ослах на Козловку. Я осталась одна, возилась с Андрюшей, но соскучилась, когда он заснул, велела себе заложить тележку и поехала встречать детей. Встретила их у границы, посадила к себе M-lle Gachet, поехали домой, велели себе подать редьки тертой и квасу и ели; решились дожидаться охотников к обеду. Вернулись наши охотники в седьмом часу, веселые и довольные, привезли 6 зайцев, которых нанизали на палку и торжественно нам принесли. Вечером читали Dumas, все устали, Сережа очень любезен, говорит все приятные вещи мне и о детях. Иду спать.

16 октября.

Утром поздно встала, по обыкновению в спальню ко мне вошли дети один за другим, потом Левочка. Андрюшу, спавшего утром у меня, я его кормила, унесли, а я стала мерить новое платье, которое очень хорошо. Потом посидела с Сережей-братом, он не в духе и не весел, потом мы его проводили в Пирогово. Читала по-немецки с Лелей и Илюшей. После обеда Левочка уехал в Тулу на заседание реальной гимназии, где он попечителем. Я взялась составить краткую биографию Левочки для нового издания Русской Библиотеки,[224] кратко составленного из произведений его по выбору Страхова. Издает это Стасюлевич.[225] Оказалось писать биографию

дело не легкое. Я написала немного, но плохо. Мешали дети, кормление, шум и незнание жизни Левочки до моего замужества достаточно подробно для биографии. Взяла в образцы биографии Лермонтова,[226] Пушкина[61] и Гоголя.[227] Увлеклась чтением стихов и с таким наслаждением окунулась в мир поэзии, которую я так люблю. Но жаль, что поэты тоже люди с большими недостатками; биография Лермонтова очень его портит. Читали опять немного Dumas; детей все больше и больше это завлекает. Шила фланелевую фуфаечку Андрюше. Читаю „L'idée de Jean Têterol“ Cherbullier*) и мне очень не нравится. В отсутствие Левочки со мной сидит вечер M-lle Gachet. Левочка не занимался сегодня, только утром мне сказал: „Как у меня это хорошо будет“.[98]

18 октября 1878 г.

Андрюша был нездоров, горел и вздрагивал и желудок расстроен. Встала поздно. Дети ушли — мальчики с собаками в поле мышей травить, девочки и Леля поехали на ослах. Левочка уехал на охоту с борзыми. Я играла в крокет с M-lle Gachet и Василием Ивановичем. Одну партию выиграли мы, другую M-lle Gachet. Ясно и тепло, южный ветер, сухо и красиво. Взялась опять учить Лелю музыке. Обед был очень дурен, картофельная похлебка пахла салом, пирог был сухой, ливашники[228] как подошвы, а зайцев я не ем. Ела один винегрет и после обеда бранила повара. В это время приехал Левочка, он затравил 4-х зайцев и одну лисицу; он вял, молчалив и сосредоточен. Все читает. Сегодня получила с почты шелковую материю с Кавказа от Тани и от Скейлера перевод на английский—„Казаки“,[229] довольно хорошо. Вечер читали вслух Dumas, кроила и слаживала Андрюше белое, кашемировое платьице, хочу вышить красным шелком по канве. Илью и Лелю мыли в ванне внизу; они шалили и смеялись, я вошла посмотреть, когда они легли—такие они веселые, чистенькие, славные. Входила я с предлогом посмотреть ночную рубашку, про которую Илюша сказал, что она коротка. Чувствую себя нравственно тяжелой с желаньем движенья и каких-нибудь émotions.

---

*) [„Идея Жана Тетероля“, Шербюлье].

21 октября.

Андрюша был очень болен вчера: похолодели у него ручки и ножки, сделался сильнейший жар и он во сне тряс головой, рыдал, дергались у него губки и открывались и закатывались глазки. Сегодня жар прошел, сделался понос. Сон такой же беспокойный, я очень беспокоюсь. Приезжал из Петербурга редактор нового журнала „Русская Речь"—Навроцкий.[230] Читал свои стихи и отрывки из драмы—не дурно. Много рассказывали новостей из Петербурга и было не скучно. Учителя опять приехали, сегодня суббота. Были блины. С Сережей было объяснение; вчера я ему упрекала, что он дразнить любит, меня это мучало, я ему сказала, что если упрекаю, то любя, хочу, чтоб мои дети были счастливы, а счастье зависит больше всего от того, чтоб все любили. Думала о том, что жаль, что царей бальзамируют. Надо хоронить всех прямо в землю. „Земля еси и в землю пойдеши". А бальзамирование, склепы—все это божье наказанье. Левочка был на охоте, затравил зайца. Вчера он немного писал что-то, мне еще не показывал. Погода испортилась, идет мелкий дождь. У Сережи 3-й день покалывает опять бок.

22, воскресенье.

Дети ходили или ездили на ослах в Ясенки, брали еще для Маши тележку с Колпиком[231] в упряжи. Покупали и ели там сладкое. Анни и я оставались с Андрюшей. Он все не совсем здоров. Я ему кроила фартучки и проскучала день в одиночестве. Утром горбатый рисовальный учитель интересно рассказывал свою карьеру рисовальную на шелковой фабрике. Левочка был у обедни, потом с гончими ходил с Сережей на охоту. Было неудачно. Няня в Туле, и я с 7 часов утра с Андрюшей и устала. Левочка хотел писать письма, но не пошло, и написал только Тургеневу и Страхову.[232] Дети вечером играли в прятки и разные игры, я читала Cherbullier „L'idée de Jean Têterol". Недурно. Левочка читал и спал.

23 октября 1878.

С утра Левочка, после того как пил со мной кофе, уехал с борзыми за Засеку на охоту. Я учила Машу по-русски, потом Лизу по-французски, потом Лелю по-немецки. К обеду

Левочка приехал, привез 3-х зайцев. Сережа играл сонату Гайдна довольно хорошо со скрипкой. Александр Григорьевич его аккомпанировал. Вечером Левочка играл Вебера и Шуберта сонаты, тоже со скрипкой, я вышивала Андрюше белое кашемировое платьице красным шелком и слушала музыку с удовольствием. Погода ветреная и неприятная. Левочка нынче говорит, что столько читал матерьялов исторических, что пресыщен ими и отдыхает на чтении „Мартин Чеззльвит“ Диккенса. [233] А я знаю, что когда чтение переходит у Левочки в область английских романов—тогда близко к писанью.

Дети здоровы, Леля очень хорошо учится, Илья вышивает что-то с увлечением по канве, Маша все улыбается и очень тиха, покорна, но, как всегда, мне непонятна. Таня сосредоточена и ленива, без энергии, но и без каприза. (Мужик вывел в доме всех крыс и мышей и ему дали 5 рублей).

24 октября.

Когда встали, шел дождь, потом перестал. Мы смотрели, как Мишку спускали в колодезь на шесте и веревке, доставать бадьи и ведра. Достали благополучно две старых, новое ведро не нашли. Ходили в кладовую, вещи пересматривать, которые были уложены в сундуки на зиму. Учила детей, вышивала платьице. Андрюшу носила по комнатам и заметила, что он очень любит картины и портреты, взвизгивает и радуется на них. После обеда был оживленный разговор с детьми, делали планы играть на святках домашний спектакль. Читаем все с пропусками „Les trois Mousquetaires“. Левочка ходил в Заказ с гончими, ничего не убил. Он желчен и вял, но мы дружны и счастливы. Писать еще он не может. Нынче говорит: „Соня, если я что буду писать, то так, что детям можно будет читать все, до последнего слова“.

25 октября.

Учила Лелю музыке, искала Menuetto легкий для него в симфониях Гайдна. С Машей читала, с Лизой училась. Шила Андрюше платьице пике белое. Левочка ездил на охоту с борзыми. Привез одного зайца и белого маленького зверька, вроде ласочки. Вечером вдвоем делали обзор всей Левочкиной жизни для биографического очерка. [224] Он говорил, а я записывала.

Дело это шло весело, дружно, и я так рада, что мы это сделали. Дети много учатся. Погода ветреная, дождь проливной идет. Вечером читали Dumas.

24 *) [27] октября.

Утром отправила Левочкиных 10 писем на почту, встала и вышла к своему вечно одинокому утреннему чаю; было ясно, и я грустная, глотая слезы, выпила свой чай [234] и пошла гулять. Левочка с утра уехал на охоту с борзыми. Поиграв с Андрюшей, я пошла гулять, отыскивать детей. Нашла 3-х мальчиков на гумне, они бегали кругом стогов и M. Nief читал лежа на соломе, а с девочками я разошлась. В саду было чудесно. Перед обедом рассердилась на Илюшу и Лелю, что утащили икры, и побила Илью и очень бранила обоих. Вечером при лунном свете катались в катках и тележке со всеми детьми и гувернерами. Погода чудесная. Потом писала Левочкин биографический очерк. Вчера Андрюша был нездоров, лихорадочное состояние, и приезжал Алексей Алексеевич Бибиков. [220] Иду ужинать, есть щучку вареную, потом кормить и спать.

25 **) [28] октября.

Пила чай одна, потом Таня пришла, у нее горло болело я посмотрела—с одной стороны вроде ноздреватого маленького нароста, покрытого слизью. Я очень встревожилась, велела ей полоскать горло бертолетовой солью, на стакан кипятку чайную ложку соли; общее ее здоровье хорошо, и я успокоилась. Ходила я смотреть в лесу, как делают бочки, мы взялись сделать 6.000 бочек Гилю; [235] шли мы лесной дорожкой, прелесть как было хорошо, ясно, морозно и тихо. Гуляла я с Машей, M-elle Gachet и Анни. Мальчики опять играли в стогах сена на гумне. Опять во время обеда приехали учителя. Таня нарисовала черным карандашом головку довольно хорошо. Шила рубашечку крестильную Парашиному [236] мальчику, мыла, в первый раз после прививанья оспы, Андрюшу. Левочка ходил с гончими, убил зайца.

---

*) Цифры могут быть прочтены и „24“ и „27“, вернее на основании предшествующей записи „27“. Но сама Софья Андреевна, надо думать, прочла „24“, чем и объясняется дата следующей записи „25“.

**) См. примечание к предшествующей записи.

29 октября.

В доме гадость и суета. Отравленные крысы подохли под полами, и запах ужасный, пришлось ломать все полы. Шел снег, стало грязно и тепло. Дети бегали, играли в прятки и шумели, но им было весело. Весь день по случаю погоды все сидели дома. Левочка пытался заниматься, а я кончила сегодня биографический очерк жизни его; писала весь день. Вечером было чтение, и я дошила крестильную рубашечку.

Среда 1 ноября 1878.

Вчера утром Левочка мне читал свое начало нового произведения. Он очень обширно, интересно и серьезно задумал. Начинается с дела крестьян с помещиком о спорной земле, с приезда князя Чернышева с семейством в Москву, закладка Храма Спасителя, богомолка баба старушка и т. д.[219] К обеду приехал Дьяков. Левочка убил зайца; вечером сидели, разговаривали об именьях, которые Дьяков все осматривает для Маши.[221] В понедельник крестили Парашиного мальчика, Сережа с Таней; очень серьезно себя вели, но Илюша очень смеялся и Лелю смешил. Сегодня я ездила в Тулу с Дмитрием Алексеевичем, Сережей и Таней. Было морозное, ясное утро. В Туле мы покупали на шубу Тане, Сереже полушубок (12 р. с.), заказали Сереже пальто теплое (65 р. с.), Тане ботинки, мне кофточку на лисьем меху из своих лисиц и многое другое. Левочка занимался дома, когда мы возвращались, он вышел нам навстречу; всегда такая радость, когда едешь домой, увидать его серое пальто издалека. Андрюша не скучал и здоров. Привезла мальчикам волчки по 10 к. с. каждый, Маше наперсточек и куклам бусы, серьги и брошку, всем теплые перчатки и разные мелочи. Устала я ужасно, мы ничего не ели весь день, кроме сладких пирожков, да хлеб ситний. Вечером мыла Андрюшу, у него очень велико незаросшее темечко, и меня очень беспокоит. Дочли нынче с большим интересом „Les trois Mousquetaires“; Левочка сидел вечером долго за фортепиано и что-то импровизировал, у него и на это есть способность. Получила письмо от Тани, у ней отказалась Miss Maccarthy,[237] и она желает взять Анни,[211] а я не могу еще ее отпустить, не знаю, что делать.

4 ноября.

Вчера не писала журнал, расстроена была, потому что Левочка с Сережей ездили на охоту, был туман, они заблудились верхами, потеряли дорогу и не возвращались до 9-го часа вечера, что меня очень встревожило. Протравили трех лисиц и привезли 1 зайца. Сегодня я ходила гулять, провожала Левочку на охоту с гончими. Девочки ездили на ослах. Приехали учителя; читали вслух немного скучную вещь. Левочка не пишет почти и упал духом. Шила фланелевые панталоны Тане, метила шелком красным платки Андрюше. Учила детей, спорила с Левочкой о французском для Сережи, я считаю нужным учить литературу французскую, а он нет. Маше продела Андрюшина няня дырочки в ушах для серег.

5 ноября.

Длинное, скучное, туманное и одинокое воскресенье! Левочка с Сережей были на охоте с борзыми, Сережа затравил зайца. Остальные дети с Анни, M-lle Gachet и M. Nief'ом отправились с ослами и тележкой в Ясенки, где накупили разных сластей. Я много работала и возилась с Андрюшей. Меня все тревожит его большое, незаросшее темя и большая голова. Вечером играли в 4 руки трио Моцарта; Левочка ужинал и, по обыкновению своему, во время ужина или утреннего кофе—читал. Я пила чай, ела кислую капусту. Дочла „Les deux Barbeaux" в „Revue des deux Mondes" и нашла, что довольно интересно. Утром Таня, Илья и Леля рисовали с учителем, а Сережа учился по-гречески и латыни с Ульянинским. Таня стала довольно хорошо тушевать, т.-е. класть тени. Начало мое, я вижу, было хорошо; с учителем только 4-й урок, а со мной было 3 года.

6 ноября.

Туман, тяжелый воздух. Читала по-немецки с Лелей и вечером с Илюшей. Учила Машу по-русски; она мне сказала стихи Пушкина: „Буря мглою небо кроет..." довольно хорошо, но дурно переписала, я ей вырвала лист из тетради. Был Александр Григорьевич[215], он учит дурно Илью и Лелю. Левочка ездил на охоту, привез двух зайцев. Скучает, что не может писать; вечером читал Диккенса „Domby and Son",[233]

и вдруг мне говорит: „Ах, какая мысль мне блеснула!“ Я спросила что, а он не хотел сказать, потом говорит: „Я занят старухой, какой у ней вид, какая фигура, о чем она думает, а надо главное ей вложить чувство. Чувство, что старик ее Герасимович сидит безвинно в остроге, с половиной головы обритой, и это чувство ее не оставляет ни на минуту“.—Потом он сел за фортепиано и играл импровизируя. Я читала в „Revue des deux Mondes“ о живописцах и живописи. Стегала сегодня одеяльце Андрюше. У детей был вечером разговор об аффектации, нападали на Таню, как она себя вела у Дельвиг,[214] когда туда ездила. Все здоровы у нас.

7 ноября.

Кроила Левочке рубашки, учила Лизу, была неприятная история: мне казалось, что у меня отрезали от куска полотна, я была несправедлива; смеривши полотно и посмотрев счет, оказалось число аршин верно. Левочка ходил вечером с Илюшей и Лелей в баню; он повеселел, и мысли его для писанья уясняются. Я все тревожусь о голове Андрюши. У Тани немного болит горло; спрашивала ее урок истории об Александре Невском, она знала не совсем хорошо. С Лелей была священная история о казнях египетских и Моисее.

10 ноября 1878.

Не писала журнал, потому что у самой голова болела, Андрюша вчера захворал, был насморк и сделался сухой, хриплый кашель, сегодня ему получше. Левочка тоже не в пример прочих дней сидит сегодня дома, у него насморк и простудное состояние. Учила Лелю, он делал перевод с английского, рассказывал об исходе евреев из Египта и играл со мной на фортепиано; мы разучиваем с ним Менует Haydn'a в 4 руки. Маша писала сочинение—описание их комнаты, учила стихи: „Раз в Крещенский вечерок девушки гадали“ и читала вслух. Сегодня у ней был первый урок арифметики с отцом, она только едва понимала, что такое 20, 40, 50 и т. д. На Таню мы сегодня ворчали, учится лениво. С Левочкой играла в 4 руки вечером, шила небеленого полотна фартучки Маше,

читаю „Le roman d'un peintre“ *)—довольно скучно. Сейчас пили чай, ужинали соленую рыбу, сегодня пятница—Левочка ест постное. Акульку,[238] нянину внучку, приняли по моей просьбе в приют, и завтра ее везет ее дядя Сергей[239] в Тулу. Налаживаем коньки, небо серо, тучи ходят, морозно и похоже на снег, пора бы! Чувствую себя работающей машиной, хотелось бы жизни немного для себя, да нет ее... И об этом ничего... ничего... молчание.

11 ноября.

Жаль, что журнал пишешь всегда вечером, усталая. Ночью сегодня Андрюша вдруг захрипел, стал со свистом кашлять и это продолжалось от 4—8 часов утра. Я очень испугалась. Потом стало легче, но и теперь все кашляет очень резко с хрипотой и у него понос. Я ему только дала 3 антимониальные капли и привязала к горлу мыло с салом, маслом и камфорой, натертое все это на новую фланельку. Левочка сегодня говорил, что у него в голове стало ясно, типы все оживают, он нынче работал и весел, верит в свою работу. Но у него голова болит и он покашливает.

Приехали опять учитель рисованья и гимназист Ульянинский. Таня рисует головку пастушка довольно хорошо, а Илья и Леля только для удовольствия рисуют. Я много очень работала, сшила фланелевую фуфайку Андрюше, подушку и 2 наволочки ему же. Получила письмо от мама.

14 ноября.

В воскресенье, третьего дня мы ездили в Тулу, Сережа, Таня, Илюша, Леля и я. Было темно, тепло и грязно. Дети очень радовались, приехали к Дельвиг в 6-м часу, Сережа был уже там, он уехал раньше с учителями. Дети играли в разные игры и танцовали, а я на них радовалась. Утром в воскресенье был у нас Оболенский,[240] Левочка пробыл вечер дома, потом вечером пошел к нам навстречу; у него болела голова. От Дельвиг я привезла водевили Соллогуба,[185] чтоб выбрать пьесу детям играть на святках. Вчера мы пьесу одну читали: „Мастерская русского живописца“, кажется будет подходящая, но приготовления и планы всегда весело. Вчера же вечером Ле-

*) [Роман художника].

вочка играл с Александром Григорьевичем на фортепиано с скрипкой. Сегодня утром, после дурной ночи с кошмарами и снами, пила чай с Левочкой, это так редко бывает, и мы затеяли длинный, философский разговор о значении жизни, о смерти, о религии и т. д. На меня подобные разговоры с Левочкой действуют всегда нравственно успокоительно. Я по своему пойму его мудрость в этих вопросах и найду такие точки, на которых остановлюсь и утешусь во всех сомнениях. Я бы изложила его взгляды, но не могу, особенно теперь, устала и голова болит.

Всякий день Левочка на охоте. Вчера он затравил с борзыми 6 зайцев, сегодня с гончими ходил и застрелил лисицу. Опять приезжал Оболенский, Дмитрий Дмитрич, его дела плохи, и он точно душу отводит у нас. [240] Левочке все нездоровится, Андрюша нездоров—у него понос, но он весел.

16 ноября 1878 г.

Левочка говорит: „Все мысли, типы, события—все готово в голове". Но ему все нездоровится и он писать не может. Начал есть вчера постное, против чего я очень восстаю для его здоровья. Сегодня сидел дома, вчера был на охоте с борзыми, затравил 3 зайцев и лисицу. Учила сегодня Лелю, было чтение русское и грамматический разбор, потом Таня очень плохо отвечала свой урок из русской истории Иоанна III. Маша читала и переписывала. Достала вышивать свой ковер. Сережа и Таня все мечтают о веселье, и мне жаль, что я им его так мало могу доставить, но буду стараться всей душой. Собрались мы сегодня вечером в балконной комнате, Левочка, я и все 6 детей, и мне вдруг грустно стало, что когда-нибудь все мы будем разбросаны и вспомним об этом времени. Получила сегодня письмо от Тани, а вчера от Страхова и Лизы Оболенской. [169] Все пристаю к Левочке поправить написанный мной его биографический очерк и не допрошусь.

19 ноября 1878. Воскресенье.

Вчера Левочка опять затравил 4 зайцев и 1 лисицу, а сегодня был у обедни и занимался утром. Слава богу, я его уговорила бросить есть постное, а то он совсем было

разболелся желудком. Он перечел свою биографию и сказал, что не совсем плохо, но еще не поправил. Сережа, Илюша и M. Nief ездили верхом в Ясенки смотреть, как будет проезжать государь,[241] но видели только поезд „et le marmiton“, как шутил M. Nief. Таня и Леля тоже ездили верхом к их большой радости, а Маша в тележке с M-lle Gachet. Таня с большим наслаждением смотрела на шлейф моей черной юбки, которую она надела. В пятницу у нас была большая история с Илюшей. Он не учился, не слушался и был груб с M. Nief, бросался в него мокрой губкой, и отец решил оставить его без обеда. Когда я вошла в их детскую вниз, он лежал на постели своей вниз головой и животом и рыдал. Мне очень его было жаль, мы его утешали с M. Nief'ом и утешили, но обедать не дали; зато с каким аппетитом он, бедный, ел ростбиф за вечерним чаем!—Сегодня вечером я играла детям кадриль, и они очень весело плясали, сначала большие, потом маленькие.

Я наконец дожила до своей осенней, болезненной тоски. Молча, упорно вышиваю ковер или читаю; ко всему равнодушна и холодна, скучно, уныло и впереди темнота. Я знаю, с зимой это пройдет, а пока несносно. У нас в зале окно открыто, на дворе постоянный туман и тепло.

Вторник. 21 ноября 1878. (Введение).

Разные неприятности: няня оказалась беременна и через два месяца уйдет. Бедному Андрюше придется взять новую няню. Григорий[242] отказался. Левочка нынче был на охоте и затравил 6 зайцев, брал Илюшу, Сережа кашляет, и они с Таней весь день играли вальсы, а Сережа еще сонату Бетховена Fantasia. Вечером дети плясали кадриль и разные танцы. У Андрюши понос, и он очень ослабел в один день. На дворе тепло и дети принесли распустившуюся вербу.

Пятница. 24 ноября 1878.

Три дня я нездорова, лихорадка, насморк, кашель и зубы болят. Все тепло и снегу нет как нет. Ушел Григорий. У Андрюши все понос, он учится ползать. Леля учил со мной вечером странствованье евреев по пустыне, вдруг замялся рассказывать, видит, что надо перечитывать еще раз, а час прошел,

принялся рыдать, кричит: „Не могу, не могу, пусть единица будет!“. Так и оставила ученье, но я с ним, слава богу, обошлась терпеливо и мягко и оставила урок до завтра.

Мне все мрачно на душе. Стали бродить страшные и ревнивые мысли и подозренья насчет Левочки. Я иногда чувствую, что это вроде сумасшествия, и все шепчу себе: помоги, господи! Да я и сошла бы с ума, если б случилось что-либо подобное.

Ночью кормлю, сижу, Андрюшу, тихо, темно, чуть лампада светит; няня пошла пеленки вешать, [29]. Я прикрыла одеялами раскрывшихся во сне девочек Таню и Машу и пошла спать. Меня трепала лихорадка, и я не спала всю ночь. Привезли нынче шубку Тане и кофточку и шапку. Моя лисья кофта узка в спине и рукава коротки.

Левочка сидит два дня дома, он был в среду в Туле, обедал у Самариных.[243] Я написала в этот день новый биографический очерк, но длинно и опять потому не годится.

18 декабря 1879 года.

Прошло еще больше года. Сижу и жду каждую минуту родов, которые запоздали. Новый ребенок наводит уныние, весь горизонт сдвинулся, стало тёмно, тесно жить на свете. Дети и весь дом в напряженном состоянии: и праздники близко и роды неопределенны. Страшные морозы, было более 20-ти градусов. Маша болела неделю горлом с жаром. Сегодня встала. Левочка уехал в Тулу послать Бибикова[220] в Москву по делам печатанья нового издания,[244] и обещался купить кое-что к елке. Он много пишет о религиозном. Андрюша освещает мне всю жизнь, чудо как мил.

Через 2 дня после этого родился Миша в 6 часов утра 20-го декабря в 1879 году.

11 февраля 1880.

Дневник маленьких, их физическое развитие.

Андрюше 2 года и 2 месяца. Мише $7^1/_2$ недель.

Андрюша встал в 7 часов, пил желудовый кофе с молоком, ночью раз обмочился, оделся в открытую рубашку, тонкую фуфайку канифасовую, лифчик, панталоны, чулки на подвязках сбоку, и платье утром фланелевое, днем белое. В 11 часов ел

яйцо, попросил белый сухарик и лег спать. Говорит он мало, но может иногда сказать трудное слово как „апельтин“, „потайте“ (прощайте). Миша сосет каждые 2—3 часа, у него часто запоры. Он еще пеленается, моется всякий день, сосет резиновый, пустой сосок, обмоченный в сахарную воду и начал сознательно улыбаться. Когда спать, его завертывают в ваточное или вязаное одеяло с чистой простынкой, а под задок кладут внутрь одеяла в несколько раз сложенную фланель. Ротик промываю водой с вином 2 раза в день и чаще.

Андрюша обедает в 4 часа (спит от 12 до 2-х), ест суп, котлетку и печеные яблоки, или кисель, или смоквы кусочек. В 6-м часу ему дают еще поесть мяса холодного, в 8 молоко и спать.

12-го, 1880.

Андрюша спал ночь лучше, но просыпался и два раза обмочился, что бывает не всякую ночь. Утром пил желудевый кофе с молоком, а завтракал в 11-м часу холодную индейку. После спал с 12 до $1^1/_2$. Встал, и ему промывали на коленке золотушные болячки зеленым мылом из аптеки с теплой водой, а мазали глицерином. У него насморк небольшой; играл он в куклы, качал и кормил их, плясал. Обедал овсяный наш суп и кусочек ростбифу, потом сырое крымское яблоко и компот из черносливу с шепталой. Вечером он пьет чай из листу черной смородины с молоком, и ложится спать в 8 часов. Его умывают и укачивают еще на руках, припевая. Ночи он спит довольно беспокойно; бредит иногда и стонет.

19-го, 1880.

Миша здоров, его пеленают, но гуляет он в фуфаечке фланелевой, чепчике и баветке. Его поднимают иногда, и он любит тетёшкаться. Кормлю его только грудью, каждые 2 часа, редко 3. День и ночь одинаково. Когда беспокоится, даем сосок гуттаперчевый, обмоченный в сахарную воду, но пустой. Спеленав с головкой, завертываем в теплое одеяло с простыней. Моем всякий день, кроме воскресенья, градусов в воде 30. У него часто запоры, и приходится ставить клистиры из теплой воды с миндальным маслом.

25 февраля.

У Андрюши расстроен желудок, Миша кашляет по ночам. Андрюшу купали в субботу и в среду в ванне, чему он всегда очень радуется, Мишу не купаем уже несколько дней. Андрюше готовим куриный суп и котлетку и печеные яблоки, но он почти ничего не ел, а все просит сладкого и ходит искать у меня в тумбочке угощения, говоря, что то, что на туалете, то папи, а что в тумбочке то наши. Он играет с Васей Матрениным, пляшет под гармонию и строит дома из плэдов и одеял. У Андрюши большое пристрастие к губкам, он их целует, сосет и грызет. Он часто кусается без сердца, а по каким-то порывам азарта. Миша нынче в первый раз громко засмеялся, глядя на пузырек с о-де-колонь. Его держат на руках в чепчике, фланелевой фуфайке и баветке, когда он не спит. Гулял он так сегодня два раза. Эти три дня Андрюша по ночам и днем не мочился в постель и панталоны. У Андрюши все болячки на коленке.

1 марта.

У Андрюши кашель и насморк и его слабит по 3 раза в день. Он бледен и слаб, и спит плохо. У Миши все запоры, ставила ему клистир.

Марта 1 1880.

Мальчики мои здоровы. Вчера отпустила Матрену от Миши и взяла Варю[245] к Андрюше, а няня[246] осталась с Мишей. Мишу начала припаивать молоком, немного воды и кусочек сахару. Пьет он в 5-м часу маленький стаканчик через резиновый сосок. Пою его уже дней пять; запоры от этого прошли, но стало слишком слабить.

Марта 15.

У Андрюши кашель с хрипом второй день; он потеет и слаб, но играет и довольно весел. Ест порядочно.

Марта 24.

Миша ест кашу из сухарей на молоке: две ложечки сухарей на чашку молока с третью воды. По утрам выпивает через рожок чашку молока кипяченого с третью воды кипяченой. Желудок 2 дня был расстроен, теперь в порядке. Андрюша все покашливает. По ночам иногда выпивает по целому жел-

тому кувшину кипяченого молока, днем, когда спит, тоже пьет молоко. Завтракает яйцо или мясо или суп в 11-м часу утра. Обед в 5-м—суп и мясо, иногда кисель. В 8-м опять съест кусочек мяса и пьет чай из листу черной смородины пополам с молоком. Молока моего для Миши мало.

Мая 19.

У Миши прорезывается второй зубок. Его слабит зелено, до 4-х и 5 раз в день. Он весел и толст. Пьет через рожок утром и вечером молоко с сахаром и водой, в 4 часа кашу. Приехала новая англичанка, Miss Ford. Андрюша с Варей (девочка 15-ти лет) гуляет весь день; она за ним смотрит хорошо. Его образ жизни все тот же. Миша иногда давится при сосаньи; это сделалось недели за три.

27 января 1881.

В этот день я ездила с Таней на любительский спектакль, обедать и одеваться у Хомяковых[247] и с этого дня я отняла Мишу. Ему был год 20-го декабря. Он стоит один.

29 января.

Миша стал ходить, сделал три шага.

8 февраля 1881.

Миша по всей зале ходит очень быстро. У него прорезываются два нижние, коренные зуба. У него уже есть десять зубов: 8 передних и 2 коренных, верхних. Андрюша гуляет со мной всякий день и немного катаемся в розвальнях. Он решительно все говорит. Андрюша теперь спит ночь, почти не просыпаясь, и молока по ночам не пьет. Днем он совсем отвык спать. Ест завтрак в 11 часов утра, потом у меня в 12 выпивает чашку чаю с молоком. В 4 он обедает, в 8 пьет чашку молока с чаем и сейчас же умывается и засыпает в кроватке. Одевается он еще в женские платьица; Миша одевается так же.

28 февраля 1882 года.

Мы в Москве с 15-го сентября 1881 года. Живем близ Пречистенки, Денежный переулок, дом кн. Волконского.[248] Сережа ходит в университет, Таня ездит на Мясницкую в рисовальную школу, Илья и Леля ходят в гимназию Поливанова, почти ря-

дом с нами. Жизнь наша в Москве была бы очень хороша, если б Левочка не был так несчастлив в Москве. Он слишком впечатлителен, чтоб вынести городскую жизнь и, кроме того, его христианское настроение слишком не уживается с условиями роскоши, тунеядства, борьбы городской жизни. Он уехал в Ясную вчера с Ильей заняться и отдохнуть.

26 августа 1882.

20 лет тому назад, счастливая, молодая, я начала писать эту книгу, всю историю любви моей к Левочке. В ней почти ничего больше нет, как любовь. И вот теперь через 20 лет, сижу всю ночь одна и читаю и оплакиваю свою любовь. В первый раз в жизни Левочка убежал от меня и остался ночевать в кабинете. Мы поссорились о пустяках, я напала на него за то, что он не заботится о детях, что не помогает ходить за больным Илюшей и шить им курточки. Но дело не в курточках, дело в охлаждении его ко мне и детям. Он сегодня громко вскрикнул, что самая страстная мысль его о том, чтоб уйти от семьи. Умирать буду я—а не забуду этот искренний его возглас, но он как бы отрезал от меня сердце. Молю бога о смерти, мне без любви его жить ужасно, я это тогда ясно почувствовала, когда эта любовь ушла от меня. Я не могу ему показывать, до какой степени я его сильно, по старому, 20 лет люблю. Это унижает меня и надоедает ему. Он проникся христианством и мыслями о самосовершенствованьи. Я ревную его... Илюша болен, лежит в гостиной в жару, у него тиф; я слежу за тем, чтобы дать ему хинин в промежуток, который очень короток, и я боюсь пропустить. Я не лягу сегодня спать на брошенную моим мужем постель. Помоги, господи! Я хочу лишить себя жизни, у меня мысли путаются. Бьет 4 часа.

Я загадала—если он не придет, он любит другую. Он не пришел. Долг, я прежде так знала, что мой долг, а теперь?

Он пришел, но мы помирились только через сутки. Мы оба плакали, и я с радостью увидала, что не умерла та любовь, которую я оплакивала в эту страшную ночь. Никогда не забуду того прелестного утра, ясного, холодного, с блестящей, серебристой росой, когда я вышла после бессонной ночи по лесной дороге в купальню. Давно я не видала такой торжествующей красы природы. Я долго сидела в ледяной воде с мыслью

простудиться и умереть. Но я не простудилась, вернулась домой и взяла кормить обрадовавшегося мне и улыбающегося Алешу.[249]

10 сентября 1882.

Уехала тетя Таня с семьей в Петербург[250] и Левочка с Лелей в Москву.[251] Последний теплый день. Я купалась.

Москва 1883, 5 марта.

Как всегда сильно действует на меня весеннее солнце. Оно так ярко светит в мой кабинетик наверху. В голове моей, теперь в тишине первой недели поста, проходит вся моя только что прошедшая зимняя жизнь. Я немного ездила в свет, забавляясь успехами Тани, успехами моей моложавости, весельем; всем, что дает свет. Но никто не поверит как иногда, и даже чаще чем веселье, на меня находили минуты отчаяния, и я говорила себя: „не то, не то я делаю". Но я не могла и не умела остановиться. Мне так ясно, что я не по своей воле живу и действую, а по воле бога или судьбы—как кто хочет назвать эту высшую волю, даже в мелких делах.

Третьего дня, т.-е. 2-го, я отняла Алешу и опять переживаю эту душевную боль первого разрыва с любимым ребенком. И опять и опять она повторяется, и никуда от нее не уйдешь.

Наша жизнь в своем доме,[252] довольно отдаленном от городского шума, гораздо легче и лучше прошлогодней. Левочка спокоен и добр, иногда прорываются прежние упреки и горечь, но реже и короче. Он делается все добрее и добрее.

Но, видит бог и больше никто не узнает, что делалось в душе моей, но я летом и осенью не хотела ехать в Москву, я не чувствовала в себе сил одна нести всю тяжесть и ответственность городской жизни. А в Ясной я оставляла все, что любила и к чему привыкла. И как я оценила все, когда уехала, а возврат был возможен еще в прошлом году... Но этот переезд вторичный—это дело детей с отцом, но не мое. И он был нужен, и это было божье дело для счастья семьи... А почему? Пишет Левочка все еще в духе христианства,[253] и эта работа нескончаемая, потому что не может быть напечатана. И это нужно, и это воля божья, и, может быть, для великих целей.

Марта 24, 1885.

Светло-Христово воскресение. Вчера Левочка вернулся из Крыма, куда ездил провожать больного Урусова.[254] В Крыму вспоминал Севастопольскую войну и много ходил по горам и любовался морем. Когда они ехали с Урусовым по дороге в Симеиз, они проезжали то место, где Левочка стоял во время войны с своим орудием; и в том самом месте он сам, и только один раз, выстрелил. Тому почти 30 лет.[255] Едут они с Урусовым, а он вышел вдруг из ландо и пошел что-то искать. Оказалось, что он увидал вблизи дороги ядро горного орудия. Не то ли это ядро, которым выстрелил Левочка во время Севастопольской войны? Никто, никогда другой там не мог стрелять.—Орудие горное было одно. Теперь вечер; дети старшие собрались с Олсуфьевыми,[256] и Лопатин[257] поет.

Октябрь 25, 1886 г. Ясная Поляна.

Все в доме—особенно Лев Николаевич, а за ним, как стадо баранов, все дети,—навязывают мне роль бича. Свалив всю тяжесть и ответственность детей, хозяйства, всех денежных дел, воспитанья, всего хозяйства и всего материального, пользуясь всем этим больше, чем я сама, одетые в добродетель, приходят ко мне с казенным, холодным, уже вперед взятым на себя видом, просить лошадь для мужика, денег, муки и т. п. Я не занимаюсь хозяйством сельским—у меня нехватает ни времени, ни уменья—я не могу распоряжаться, не зная, нужны ли лошади в хозяйстве в данный момент, и эти казенные спросы с незнанием положения дел меня смущают и сердят.

Как я хотела и хочу часто, бросить все, уйти из жизни так или иначе. Боже мой, как я устала жить, бороться и страдать. Как велика бессознательная злоба самых близких людей и как велик эгоизм!—Зачем я все-таки делаю все? Я не знаю; думаю, что так надо. То, чего хочет (на словах) муж, того я исполнить не могу, не выйдя прежде сама из тех семейных деловых и сердечных оков, в которых нахожусь. И вот уйти, уйти, так или иначе, из дому или из жизни, уйти от этой жестокости, непосильных требований—это одно, что день и ночь у меня на уме. Я стала любить темноту. Как тёмно, я вдруг веселею; я вызываю воображением все то, что в жизни любила,

и окружаю себя этими призраками. Вчера вечером я застала себя говорящей вслух. Я испугалась: не схожу ли я с ума? И вот эта темнота теперь мне мила, а ведь это смерть, стало быть, мне мила?

Последние два месяца—болезнь Льва Николаевича [258]—было последнее мое (странно сказать), с одной стороны, мучительное, а с другой—счастливое время. Я день и ночь ходила за ним; у меня было такое счастливое, несомненное дело—единственное, которое я могу делать хорошо—это личное самоотвержение для человека, которого любишь. Чем мне было труднее, тем я была счастливее. Теперь он ходит, он почти здоров. Он дал мне почувствовать, что я не нужна ему больше, и вот я опять отброшена, как ненужная вещь, от которой одной ждут и требуют, как и всегда это было в жизни и в семье, того неопределенного, непосильного отречения от собственности, от убеждений, от образования и благосостояния детей, которого не в состоянии исполнить не только я, хотя и не лишенная энергии женщина, но и тысячи людей даже убежденных в истинности этих убеждений. [259]

Мы живем в Ясной дольше обыкновенного. Сил нет предпринимать что-нибудь. Но совесть не спит и упрекает за то, что энергия падает. Надо твердо итти по пути, который считаешь правильным; и вот я по инерции иду. Я еду (кажется) опять в Москву, я соединяю семью, я веду книжные дела и добываю те деньги, которые с напущенным на себя равнодушием и недоброжелательством ко мне, у меня же требует со всех сторон Лев Николаевич для тех фаворитов и бедных, которые не действительно бедны, но которые более наглы и лучше поняли, ка̀к относиться к нему, чтоб выпросить, как: Константин, [260] Ганя, [261] Александр Петрович [262] и другие. Дети, которые, нападая на меня за разногласие с отцом, требуют все, что могут... Уйти, уйти—и я уйду так или иначе. Нет ни сил довольно, ни любви достаточной к труду, борьбе и терпенью. Буду писать свой журнал пока. Добрее буду и молчаливее, а волненье все—сюда.

Сырая, скучная осень. Андрюша и Миша катались на коньках на Нижнем пруду. У Тани и Маши зубы болят. Лев Николаевич затевает писать драму из крестьянского быта, [263]

Дай-то бог, чтоб он взялся опять за такого рода работу. У него болит рука—ревматизм. M-me Seuron[264] очень приятна, весела и с детьми хороша.

Мальчики: Сережа, Илья и Лева, таинственно живут в Москве, и о них я очень тревожусь. Какое-то у них странное отношение к человеческим и своим слабостям и страстям: что все это естественно и должно быть, а если мы боремся и побороли, то мы молодцы. Зачем же должны быть слабости? Они бывают, это правда, и их поборешь, но не всякий же день, а раз в жизни, и борьба эта стоит того, чтоб бороться, и часто она сломит и жизнь и сердце. Но не борьба же из-за Стрельны,[265] вина, карт и т. п. пошлых, противных страстишек.

Я часто думаю, отчего Левочка поставил меня в положение вечной виноватости без вины? Оттого, что он хочет, чтоб я не жила, а постоянно страдала, глядя на бедность, болезни и несчастия людей и чтоб я их искала, если они не попадаются в жизни. То же он требует и от детей. Нужно ли это? Нужно ли то, чтобы здоровый человек ходил постоянно в больницы и смотрел на корчи и страдания людей и слушал их стоны? Если случится на пути жизни такой больной, то пожалей и помоги ему, но зачем искать его?

Читаю жизнь философов. Ужасно интересно. Но трудно читать спокойно и разумно. Ищешь в учении и словах всякого философа то, что подходит к своему убеждению и своим взглядам, и обходишь все несочувственное. И вследствие этого поучаться трудно. Стараюсь быть менее пристрастна.

Приехал Бутурлин.[266] Этот—настоящий, и путаницы в нем мало.

26 октября.

Левочка написал 1-е действие драмы.[263] Я буду переписывать. Отчего я перестала слепо верить в его даже авторскую силу? Он пошел гулять с Бутурлиным. Темно, сыро.

Слишком много болтала с Бутурлиным. Забыла правило (слова Епиктета): „Garde le silence le plus souvent, ne dis que les choses nécéssaires et toujours en peu de mots". *) Но он умен и все понимает, этот Бутурлин.

*) [Как можно чаще соблюдай молчание, говори только то, что необходимо и в немногих словах].

Дети, Андрюша и Миша, играют с крестьянскими мальчиками Митрошей и Илюхой, и мне это неприятно, не знаю отчего. Думаю оттого, что это их приучает властвовать и подчинять себе этих детей, а это дурно и безнравственно.

Перечитывала вчера письма Урусова[212], и больно ужасно, что его нет. Доискивалась в них того, что и при жизни его хотелось всегда знать: как он относился ко мне? Знаю одно, что с ним всегда было хорошо и счастливо, а чем это давалось—не знаю.

Думаю о старших мальчиках, как будто они отдалены ужасно, и мне это больно. Отчего отцам не больно бывает все, что касается детей. И за что женщинам и эта тяжесть в жизни? Только путает жизнь.

27 октября.

Переписала 1-е действие новой драмы Левочки. Очень хорошо. Характеры очерчены удивительно, и завязка полная и интересная. Что-то дальше будет. Левочка читал вслух вечером Бутурлину свою Критику Богословия.[267] Я прислушивалась и тотчас же думала о другом. Не забирает меня или сердце мое зачерствело, или не то. От Ильи письмо о женитьбе. Не увлеченье ли это только что проснувшегося физического чувства, направленного на первую женщину, с которой пришел в более близкие отношения? Не знаю, желать ли этого брака или нет, и прямо, не прилагая к этому моей руки—во всем полагаюсь на бога.—Учила не усердно и не плодотворно Андрюшу и Мишу. Они мне оба очень дороги. Поправляла корректуру для дешевого издания[268] и очень устала. Жалею уезжать из Ясной особенно потому, что боюсь прервать работу, начатую Левочкой. Маша бегает без ученья, мальчики мучают, дела не идут. Если Левочка в Москве будет работать, я успокоюсь. Буду с ним осторожна, внимательна, чтоб беречь его для любимой мной работы его.

30 октября.

Написано еще 2-е действие драмы.[263] Встала рано и переписала. Вечером переписала вторично. Хорошо, но слишком ровно; нужно бы было больше театрального эффекта, что я и сказала Левочке. Учила Андрюшу и Мишу. Поправляла корректуру. День прошел весь в занятиях. Читала малышам „Род-

ник“[269] и „Родные Отголоски“.[270] Стихи и картинки им нравились, и они оживились. Девочки обе все внизу сидят, пишут, читают. Были днем минуты тоски, старой, знакомой, что тесно как-то. Приходила Аниска[271], говорила о болезни матери; поленилась пойти проведать, завтра пойду непременно. Когда села обедать, у меня спросили денег для какой-то старухи и для Гани-воровки. Спрашивал Левочка через девочек. Мне хотелось есть, досадно было, что все опоздали и не хотелось давать денег Гане-воровке. Я солгала, что денег нет, а было еще несколько рублей. Но устыдилась и достала деньги, съев прежде весь суп (это я после вспомнила). Потом я молчала и думала, возможно ли вызвать в сердце ту требуемую Левочкой любовь всех ко всем и вот, например, к этой женщине, воровке Гане, которая не оставила ни одной души в деревне, у которой бы что ни украла, у которой дурная болезнь и которая лично страшно антипатична. Что-то шевельнулось похожее на чувство жалости, но оно скоро прошло. Приходил Фейнерман.[272] Его присутствие меня стало меньше тревожить. От старика Ге[273] были письма. И опять недоверие к нему, что-то напускное, фальшивое.

Бутурлин уехал, и не жаль. А пока был тут, интересовал. Таня неприятно упрекнула, что я не дала денег отцу. И мне странно вдруг показалось, что действительно я **ему** не дала, так как он просил. Но в минуту мысль о Левочке была так далека. Ведь не для **него** нужны были деньги, и эту мысль отказа в чем-нибудь **ему** я так и не могла связать с отказом Гане. Это часто со мной бывает.

3 марта 1887 г. Москва.

Встревожило известие о бомбах,[274] найденных в Петербурге у 4-х студентов, которые хотели их бросить государю проездом с панихиды его отца. Так встревожило — что весь день не опомнюсь. Это зло породит целый ряд зол. А как мне теперь тревожно всякое зло! Левочка уныло и молчаливо принял это известие. У него это уже прежде переболело.

Успех драмы огромный,[275] и мы оба с Левочкой спокойно относимся к нему. Писала мой дневник, когда она была начата, и потом так много пришлось переписывать ее, что дневник прекратила. 11-го ноября умерла моя мать[4] в Ялте (там

и похоронена). 21-го я переехала с семьей в Москву. Левочка написал повесть из времен первых христиан,[276] теперь работает над статьей „О жизни и смерти“.[277] Он жалуется часто на боль под ложечкой. Мы мирно и счастливо прожили зиму.— Вышло новое дешевое издание.[268] Интерес мой к этому делу совсем пропал. Деньги радости не дали никакой—да я это и знала.—Поступила новая англичанка, Miss Fewson, Маша больна. Я читала ей „Короля Лира“ вслух. Я люблю Шекспира, хотя он часто необуздан и границ не знает, например, в бесчисленных убийствах и смертях.

6 марта.

Переписала „О жизни и смерти“ и сейчас перечла внимательно. С напряжением искала нового, находила меткие выражения, красивые сравнения, но основная мысль для меня вечно несомненная—все та же. То-есть отречение от материальной, личной жизни для жизни духа. Одно для меня невозможно и несправедливо—это то, что отречение от личной жизни должно быть во имя любви всего мира,—а я думаю, что есть обязанности несомненные, вложенные богом—и от них отречься не вправе никто, и для жизни духа они не помеха, а даже помощь.

На душе уныло. Илья очень огорчает своей таинственной и нехорошей жизнью. Праздность, водка, часто ложь, дурное общество и главное—отсутствие всякой духовной жизни. Сережа уехал опять в Тулу, завтра заседание в их крестьянском банке.[278] Таня и Лева огорчительно играют в винт. С меньшими детьми я потеряла всякую способность воспитывать. Мне их всегда ужасно жаль, и я боюсь их избаловать. У меня старческий страх за них и старческая нежность к ним. Желание же и важность образования их—остались все так же сильны. Точки опоры в жизни у меня теперь нет никакой; но есть прекрасные минуты одинокого созерцания смерти и иногда ясное понимание того раздвоения материального и духовного сознания, себя и несомненность вечной жизни того и другого.

Левочка иногда собирается в деревню, но опять остается. Я всегда молчу и не считаю себя вправе вмешивать свою волю в его действия. Он очень переменился; спокойно и добродушно смотрит на все, принимает участие в игре в винт, садится опять

за фортепиано и не приходит в отчаяние от городской жизни. Было письмо от Черткова.[279] Не люблю я его: не умен, хитер, односторонен и не добр. Л. Н. пристрастен к нему за его поклонение. Дело же Черткова в народном чтении, начатое по внушению Л. Н., я очень уважаю и не могу не отдать ему в этом справедливости.[280] Фейнерман опять в Ясной. Он бросил где-то жену беременную с ребенком—без средств и пришел жить к нам. Я за семейный принцип, и потому для меня он не человек и хуже животного. Как бы фанатичен он ни был, какие бы мысли и прекрасные слова он ни говорил—факт оставления им семьи и питанья на счет дающих ему—остается несомненен и чудовищен.

9 марта 1887 *).

Левочка пишет статью „О жизни и смерти“ новую для чтения в Университете в Психологическом обществе.[281] Вот уже неделя как он опять вегетарианец[282], и это уже сказывается в его расположении духа. Он сегодня нарочно начинает с кем-нибудь при мне заговаривать о зле денег и состояния, намекая на мое желание сохранить его для детей. Я молчала, но потом вышла из терпения и сказала: „Я продаю 12 частей за 8 р.,[283] а ты одну „Войну и мир“ продавал за 10 р.“[284] Он рассердился и замолчал. Так называемые друзья новые христиане страшно восстанавливают Л. Н. против меня и не всегда безуспешно.—Перечла я письмо Черткова о его счастьи в духовном общении с женою и соболезнование, что Л. Н. не имеет этого счастья и как ему жаль, что он, столь достойный этого,—лишен этого общения,—намекая на меня.—Я прочла, и мне больно стало. Этот тупой, хитрый и не правдивый человек, лестью опутавший Л. Н., хочет (вероятно, это по-христиански) разрушить ту связь, которая скоро 25 лет нас так тесно связывала всячески! Когда Лев Николаевич был болен, эти два месяца мы жили по-старому. Я видела, как он отдохнул душой и как в нем проснулось это старое творчество. И он написал драму.[263]—Путы его притворно-слащавых новых христиан снова опутывают его, и он уже порывался в деревню, и я видела, как потухал этот огонь и как это действовало на его душу.

---

*) [„1887“ приписано карандашом].

Отношения с Чертковым надо прекратить. Там все ложь и зло, а от этого подальше.

Сегодня гости—молодежь. Обедали, а потом винт. Какое грустное явление этот всемирный винт! Холодно, до 14° мороза по ночам.

14 марта 1887 г. Москва.

Сижу совсем одна, кругом тихо и мне очень хорошо. Трое маленьких спят. Таня, Маша и Лева в гостях у Татищевых.[285] Илья сидит три дня наказан в казармах за то, что опоздал на учение.[286] А Лев Николаевич уехал с Н. Н. Ге (сыном)[287] в университет, в Психологическое Общество, будет читать свою новую статью „О жизни и смерти". Мы с Ге спешили ее переписывать, и я весь день сегодня писала. Л. Н. нездоров, боли и нытье в желудке, расстройство пищеварения—и при этом самое бестолковое питание, то жирное, то вегетарианское, то ром с водой и проч. В духе он унылом, но добром. Был посланный из Петербурга господин за костюмами в Ясную Поляну для драмы нашей.[288] Вчера получила письмо от Потехина[289], что не наверное еще пропустят ее на сцене. Но репетируют и все готовят. Колеблюсь, ехать ли на генеральную репетицию! И хочется и страшно дом оставить. Еще не решила. Как будет здоровье Левочки.—Была с детьми на коньках—не каталась. Все молодые радости отпадают понемногу. Левочка много работал над этой статьей, и она очень мне нравится. Он второй раз уже в университете—стал делать отступления от разных предвзятых правил: комнату часто убирает Григорий[290], пищу, когда нездоров, ест и мясную; когда мы играем в винт, присаживается и он. Пропало упорство и пропало и дурное расположение духа, стал веселее и добрее. За продажу книг тоже не сердится, рад, что 8 р. издание.[268]

30 марта 1887 г.

Здоровье Левочки все нехорошо. Боль под ложечкой продолжается 3-й месяц. Я решилась пригласить Захарьина[101] и написала ему. Но Л. Н. предупредил приезд Захарьина и вчера вечером пошел к нему. Захарьин нашел катар желчного пузыря и вот, что предписал; записываю для памяти:

1) Ходить в теплом.

2) Фланель не мытую на весь живот.

3) Масла совершенно избегать.

4) Кушать часто и понемногу.

5) Эмс Кренхен или Кесельбрунн свежего привоза по пол- ($^1/_2$) стакана три или четыре раза в день подогретый: 1) на тощак, 2) $^1/_4$ часа спустя и час до завтрака и 3-й—за час до обеда. Три недели под-ряд. Потом перестать и позднее повторить, если нужно. Пить так тепло, как можно сразу, чтоб не обжечься, теплей парного молока.

6) Бороться с слабостью куренья.

18 июня 1887 г.

Мне упрекают многие, что я не пишу своего журнала и записок, так как судьба поставила меня в столкновение с таким знаменитым человеком, как Лев Николаевич. Но как трудно отрешиться от личного отношения к нему, как трудно быть беспристрастной и, наконец, как страшно занято все мое время— и всю жизнь так. Думала, буду свободна это лето и займусь перепиской и разборкой рукописей Льва Николаевича. А вот больше месяца, что я тут, и Лев Николаевич всецело занял меня переписываньем для него статьи его „О жизни и смерти", над которой он усиленно трудится уж так давно. Только что перепишешь все—опять перемарает, и опять снова. Какое терпение и последовательность. А нужно бы писать записки, хотя бы для того, чтоб многое непонятное в его жизни объяснять. Например, было написано письмо к Энгельгардту,[291] оно ходит в рукописи к N. N., Лев Николаевич никогда не видал молодого Энгельгардта, который, как и многие другие, написал письмо Льву Николаевичу как известному писателю. Но Л. Н. был мрачно настроен. Проводя мысли свои в писании, он хотел и не мог провести их в жизни, он чувствовал себя одиноким и несчастным, и он излил, как бы в дневник, мысли свои в письме к незнакомому человеку.

Еще странны его отношения и переписка с людьми, которых репутация ужасна, которых просто считают бесчестными— как Озмидов,[292] например. Я надняx, увидав на конверте адрес Озмидову, спросила Льва Николаевича, почему он продолжает свои отношения и переписку, зная, что это дурной человек? Он мне ответил: „Если он дурной, то я ему более, чем дру-

гим, могу быть нужен и полезен". Этим объясняются его сношения с многими нехорошими, неясными и часто совсем незнакомыми (темными) людьми, которые бывают у нас в огромном количестве.[293] Вчера еще приходил студент-медик IV курса, отчаянный революционер, которому Л. Н. внушал заблуждение революции, вред и несостоятельность ее. Убедил ли он его — не знаю. Этого я не видала.—Сегодня получено много писем из Америки, статья Кеннана в Century о посещении его Ясной Поляны[294] и о разговорах Льва Николаевича и еще печатный отзыв о переведенных произведениях Л. Н. Все очень лестное и симпатизирующее. Ужасно странно и приятно в такой дали находить такое верное понимание и сочувствие.

Левочка ушел в Ясенки пешком с двумя дочерьми и двумя Кузминскими девочками.[295] Идет дождь, я послала за ними катки и платья. Левочка без окружавших его апостолов, Черткова,[270] Фейнермана[272] и др., стал тем же милым, веселым семейным человеком, каким был прежде. Надиях он с увлечением проиграл на фортепиано весь вечер: Моцарта, Вебера, Гайдна, со скрипкой. Он, видимо, наслаждался. На скрипке играл юноша 18 лет, которого я взяла для Левы учителем игры на скрипке, по его желанию. Юноша этот, Ляссота,[296] из Московской консерватории.

Приехавши из Москвы 11-го мая, я настояла, чтоб Левочка пил воды по предписанию Захарьина, и он повиновался. Я подносила ему молча стакан подогретого Эмса, и он молча выпивал. Когда бывал не в духе, говорил: „Тебе скажут, что нужно вливать что-то, ты и веришь. Я это делаю, потому что вред будет небольшой".—Но он пропил все три недели и к вегетарианству не возвратился. Но на мой взгляд, здоровье его очень поправилось: он много ходит, стал сильнее и только спит недостаточно, часов 7; я думаю, это от слишком усидчивой умственной работы.

Его радует его успех или, скорее, сочувствие в Америке, но успех и слава вообще влияют на него мало. Вид у него теперь счастливый и бодрый, и он часто говорит: „Как хороша жизнь!".

Скучаю об Ильюше и мучаюсь, что до сих пор его не навестила.[297] Но он последний год этот показывал так мало по-

требности сношений с семьей, так далек был от всех нас, что не думается, что мы нужны ему. Бедный он, сбился как-то, нравственно опустился, и оттого такой подавленный и жалкий. Поеду на этих днях к нему.

Ко мне приходят ежедневно пропасть больных. С помощью книги Флоринского[298] я лечу всех; но что за нравственное мучение—это бессилие иногда понять, узнать, в чем болезнь и как помочь! Иногда мне поэтому хочется бросить это дело, но выйдешь, видишь это трогательное доверие, эти больные умоляющие глаза, и станет жалко, и с упреком совести, что делаешь, может быть, совсем не то, даешь лекарства и стараешься не вспоминать об этих несчастных. А надняx у меня не было того средства, которое было нужно; я даю записку в аптеку и деньги на лекарство. Больная вдруг заплакала, отдала деньги и говорит: „Я, видно, помру, а деньги возьмите, дайте кому победнее меня, спасибо, а мне не надо".

21 июня.

Наконец жара, и купалась в первый раз. Вчера вечером приезжал познакомиться с Львом Николаевичем актер Андреев-Бурлак.[299] Он рассказывал вроде рассказов Горбунова[300], из крестьянского быта. Все разошлись, остались мы с Львом Николаевичем и Лева и сидели до 2-го часа ночи. Рассказы были удивительно хороши, и Левочка так смеялся, что нам с Левой стало жутко. Сегодня он все переправлял свою статью „О жизни и смерти" и все после обеда косил в клинах, в саду. Я читала Страхова книгу против спиритизма,[301] тяжело читается и увы! не убедительно—или я плохо понимаю. Днем до купанья, собрала молодых своих и читала им „Герой нашего времени". Какие там есть замечательные и уже созревшие мысли. Очень люблю Лермонтова. Если, по преданию, он и был желчный и неприятный человек, то ведь он был так умен и так выше уровня людей. Его не понимали, а он видел всех и все насквозь.

Чувствую себя слабой и физически и нравственно. Подавлена наплывшими на меня воспоминаниями и сожалениями. Это хуже всего.

2 июля 1887.

Была в Москве, поехала к Илье и так рада была увидать его добродушное лицо. Он видно было, что обрадовался мне тоже. Живет он в избе, хозяева его любят, но живет как-то бестолково. Мне, как матери, которая когда-то кормила его грудью, стало его жаль, что он, платя долги деньгами, которые я ему даю, ест в долг закуски и сладости и никогда не обедает. Но он этим не тяготится. Весь интерес его жизни — это Соня Философова;[302] он живет воспоминаниями, перепиской и будущим. Теперь он тут, был на охоте, убил 3-х бекасов и завтра уезжает. Мне очень грустно, но надо привыкать, что птенцы из гнезда улетели.

Страхов у нас; как умен, тих и приятен! Левочка занимается покосом и 3 часа в день пишет статью.[303] Дело к концу. Надиях Сережа играл вальс, пришел Левочка вечером, говорит: „Пройдемся вальс". И мы протанцовали к общему восторгу молодежи. Он очень весел и оживлен, но стал слабее и устает более прежнего от покоса и прогулок. У него длинные разговоры с Страховым о науке, искусстве, музыке; сегодня о фотографии говорили, потому что я привезла и буду заниматься фотографией, снимать виды и всю семью нашу. Таня, дочь, в Пирогове.

3 июля.

Сережа играет сонату Бетховена Крейцеровскую с скрипкой (Ляссоты),[296] что за сила и выражение всех на свете чувств!— На столе у меня розы и резеда, сейчас мы будем обедать чудесный обед, погода мягкая, теплая, после грозы,—кругом дети милые—сейчас Андрюша старательно обивал свои стулья в детскую, потом придет ласковый и любимый Левочка— и вот моя жизнь, в которой я наслаждаюсь сознательно и за которую благодарю бога. Во всем этом я нашла благо и счастье. И вот я переписываю статью Левочки „О жизни и смерти",[277] и он указывает совсем на иное благо. Когда я была молода, очень молода, еще до замужества—я помню, что я стремилась всей душой к тому благу—самоотречения полнейшего и жизни для других, стремилась даже к аскетизму. Но судьба мне послала семью—я жила для нее и вдруг теперь

я должна признаться, что это было что-то не то, что это не была жизнь. Додумаюсь ли я когда до этого?

Вчера уехал Страхов, сегодня Илья. Вчера делали с Сережей опыты с фотографией, которую я купила.

19 июля 1887.

Прошло несколько бестолковых дней. Сережа ездил в Самару[304] и вернулся, не устроив там ничего. Был Голохвастов, П. Дм.,[305] крайне православный и славянофил; были у него разговоры с Львом Николаевичем о религии и церкви. Очень было неприятно. Голохвастов рассказывал с пафосом о прекрасном соборе в Новом Иерусалиме (Воскресенске),[306] что там бывает до 10000 человек богомольцев и о красоте постройки. Л. Н. слушал, слушал и сказал: „И все они приходят смеяться над богом“. Сказано это было с иронией и даже злобой. Я вступилась, говорила, что это гордость говорит, что 10000 человек смеются, а он один прав, исповедуя свою веру, а что надо же допустить, что какой-нибудь более высокий мотив заставил этих людей собраться в этом храме. После обеда Голохвастов заговорил о патриархе Никоне,[307] как интересна его жизнь и личность. Лев Николаевич читал газету, а потом вдруг высказал опять тем же тоном: „Он был мужик, мордвин, и если ему было что сказать, то что же он говорил“. Тогда Голохвастов вспыхнул и сказал: „Или вы смеетесь надо мной, или—я привык уважать слова других—и тогда я, может-быть, и задумался бы об этом вопросе“. Вообще было тяжело.

Был Буткевич,[308] бывший революционер, сидевший в первый раз в тюрьме по политическим делам и второй раз по подозрению. Он молодой человек, сын тульского помещика, писал Льву Николаевичу, что, когда он вышел из острога, одна его знакомая дама сделала вид на улице, что его не узнала, и ему это было больно. Прежде, когда он приходил к Льву Николаевичу, я его не звала, и он сидел внизу; теперь же мне его стало жаль, и я позвала его чай пить. Потом он жил тут два дня и очень мне не понравился. Упорно молчит, неподвижное лицо, очень черный брюнет, синие очки и кривой глаз. Из немногих слов ничего нельзя извлечь, никакого взгляда его на что бы то ни было. Теперь он один из толстоистов. Как

мало симпатичны все типы, приверженные учению Льва Николаевича! Ни одного нормального человека. Женщины тоже большей частью истерические. Вот сейчас уехала Мария Александровна Шмидт.[309] В старину это была бы монахиня, теперь это восторженная поклонница идей Льва Николаевича. Она была классная дама Николаевского института, вышла потому, что отпала от церкви и теперь живет в деревне, и только перепиской сочинений, запрещенных, Льва Николаевича. Когда она встречает или расстается с Л. Н., она истерически рыдает. Павел Иванович Бирюков[310] тоже тут: он из лучших, смирный, умный и тоже исповедующий толстоизм. Еще приехала Голохвастова[305] с воспитанницей и племянник Андрюша[311] с учителем.

Очень шумно, тяжело и скучно. Хотелось бы семейного одиночества и больше серьезности жизни и досуга. Гости отняли и отнимают все время. Были еще Абамалек,[312] привозили Helbig[313]—мать с дочерью; она, рожд. кн. Шаховская, замужем за профессором немецким, тоже приезжали смотреть знаменитость русскую—Толстого. Хотя они оказались очень приятные и хорошие очень музыкантши, но повинность тяжелая никогда не выбирать людей и друзей и принимать всех и вся. Жара утром, свежесть ночью. Купаемся, изобилие плодов.

4 августа 1887.

Сегодня уехала гр. Александра Андреевна Толстая[100], гостила с 25 июля. У Левочки был сильный желчный пароксизм. Начался 16-го июля, до сих пор не совсем здоров. Были боли под ложечкой, распространявшиеся под ребра, запор и густота м... Вчера вечером повез П. И. Бирюков статью „О жизни“ в печать.[277] Слова: о смерти выкинул. Когда он кончил статью, он решил, что смерти нет*). Были дожди, теперь прояснилось немного.

19 августа 1887.

Был художник Репин,[314] приехал 9-го, уехал 16-го в ночь. Он написал два портрета Льва Николаевича; первый он начал в кабинете, внизу, остался им недоволен и начал другой наверху, в зале, на светлом фоне. Портрет удивительно хорош.

*) [Начиная со слов: „Когда он...“ приписано карандашом].

Он пока у нас, сохнет. Первый он кончил на скорую руку и подарил мне. Начали печатать статью, но шрифт нехорош, будут перебирать набор. Здоровье Левочки удовлетворительно, но иногда жалуется на боль печени. Погода ясная, чудесная. Илья приезжал на 15 и 16-е, здоров и весел бесконечно—и то хорошо. А то бывает, что плох человек да мрачен и болен. Меня мучает беременность и физически и нравственно. Левочка здоровьем пошел под гору, а жизнь семейная усложняется; и своих сил нравственных все меньше. Приехал Степа, брат, с женой; [315] вчера он поехал в Петербург хлопотать о переводе его в Россию, а она тут. Не поймешь, какая она, очень сдержана и старательна. У Левочки темные люди: Буткевич, Рахманов [316] и студент Киевский. Народ все несимпатичный и чуждый, тяжелый в семейной жизни. И сколько их бывает! Повинность ради Левочкиной известности и новых его идей.

По вечерам читает нам всем вслух сам Левочка „Мертвые души" Гоголя. У меня невралгия.

25 августа.

Весь день отбирала и разбирала рукописи Левочки, хочу свезти их в Румянцевский музей на хранение. Мучительно разбирать путаницу, которую, наверное, ни разобрать, ни наполнить нельзя. Хочу еще отвезти туда же письма, дневники, портреты и все, что касается Льва Николаевича. Я поступаю благоразумно, но мне почему-то грустно это делать. Или я умру, что привожу все в порядок?

У нас гостит Степа с женой и милый Страхов. [72] Жара ужасная, у меня болит горло. Левочка слаб и начал 20-го опять пить Эмс. Приехала Верочка Толстая и Маша [317] за деньгами для брата Сережи. [53] Левочка все сидит над статьей, но энергия его как будто упала для этой работы.

Лев Николаевич начал пить воды 17-го июня 1888 г. Эмс Кессельбрунн.

Пил те же воды четыре недели в июне 1889 г. и четыре недели в мае 8-го 1890 и кумыс все лето.

Принес этот цветок*) мне Левочка
в октябре 1890 года, в Ясной Поляне.

---

*) [Приклеен засушенный цветочек].

20 ноября 1890 г. Ясная Поляна.

Переписываю дневники Левочки за всю его жизнь и решила, что буду опять писать свой дневник: тем более, что никогда я не была более одинока в семье своей, как теперь. Сыновья все врозь: Сережа—в Никольском,[106] Илья с семьей—в Гриневке[318], Лева — в Москве, и Таня туда заехала на время. Живу с маленькими и воспитываю их. С Машей[199] никогда у нас связи настоящей не было, кто виноват—не знаю. Вероятно, я сама. А Левочка порвал со мной всякое общение. За что? Почему? — совсем не понимаю. Когда он нездоров, он принимает мой уход за ним как должное, но грубо, чуждо, ровно настолько, насколько нужны припарки, клистиры и пр. Всеми силами старалась и так сильно желала я взойти, хотя немного, с ним в общение внутреннее, духовное. Я читала тихонько дневники его, и мне хотелось понять, узнать—ка̀к могу я внести в его жизнь и сама получить от него что-нибудь, что могло бы нас соединить опять. Но дневники его вносили в мою душу еще больше отчаяния; он узнал, верно, что я их читала, и стал теперь куда-то прятать. Но мне ничего не сказал.

Бывало, я переписывала, что он писал, и мне это было радостно. Теперь он дает все дочерям и от меня тщательно скрывает. Он убивает меня очень систематично и выживает из своей личной жизни, и это невыносимо больно. Бывает так, что в этой безучастной жизни на меня находит бешеное отчаяние. Мне хочется убить себя, бежать куда-нибудь, полюбить кого-нибудь—все, только не жить с человеком, которого, несмотря ни на что, всю жизнь за что-то я любила, хотя теперь я вижу, ка̀к я его идеализировала, ка̀к я долго не хотела понять, что в нем была одна чувственность [65]... А мне теперь открылись глаза, и я вижу, что моя жизнь убита. С какой я завистью смотрю даже на Нагорновых[319] каких-нибудь, что они вместе, что есть что-то связывающее супругов, помимо связи физической. И многие так живут. А мы? Боже мой, что за тон—чуждый, брюзгливый, даже притворный! И это я-то, веселая, откровенная и так жаждущая ласкового общения!

Завтра еду в Москву по делам. Мне это всегда трудно и беспокойно, но на этот раз я рада. Как волны подступают и опять

отхлынивают эти тяжелые времена, когда я уясняю себе свое одиночество, и все плакать хочется, надо отрезать как-нибудь, чтоб было легче. Взяла привычку всякий вечер долго молиться, и это очень хорошо кончать так день. Учила сегодня музыке Андрюшу и Мишу и сердилась. Андрюша брюзгливо относится к моей горячности, а Миша всегда жалок. Я очень их люблю, и воспитывать их считаю отрадным долгом, который, верно, как всегда, исполняю неумело и дурно. У нас Вера Кузминская,[205] и она мне стала родная по чувству, верно, оттого, что на Таню-сестру[17] похожа. Живу в деревне охотно, всегда радуюсь на тишину, природу и досуг. Только бы кто-нибудь, кто относился бы ко мне поучастливее! Проходят дни, недели, месяцы—мы слова друг другу не скажем. По старой памяти я разбегусь с своими интересами, мыслями—о детях, о книге, о чем-нибудь—и вижу удивленный, суровый отпор, как будто он хочет сказать: „а ты еще надеешься и лезешь ко мне с своими глупостями?"

Возможна ли еще эта жизнь вместе душой между нами? Или все убито? А кажется так бы и взошла попрежнему к нему, перебрала бы его бумаги, дневники, все перечитала бы, обо всем пересудила бы, он бы мне помог жить; хотя бы только говорил непритворно, а во-всю, как прежде, и то бы хорошо. А теперь я, невинная, ничем его не оскорбившая в жизни, любящая его,—боюсь его страшно, как преступница. Боюсь того отпора, который больнее всяких побоев и слов, молчаливого, безучастного, сурового и нелюбящего. Он не умел любить,—и не привык смолоду.

5 декабря 1890.

Продолжаю дневник. Была в Москве, видела много людей и много приветливости. И за то спасибо судьбе. Таня была там же, с ней всегда мне хорошо, и я дорожу ее близостью. Лева весь дергается нравственно, и как подойдешь к нему—подпадаешь под его толчки, и больно бывает. Но он всегда чует, когда толкнул, и это хорошо. Как-то он выберется из своего тревожного и пессимистического состояния. — Вернулась 25 утром. Левочка собирался в Крапивну с Машей, Верой Толстой и Верой Кузминской. Была метель и холод. Но удержать их я была не в силах. Там был суд, и, благодаря влиянию

Левочки, преступников-убийц приговорили к очень легким наказаниям: поселению, вместо каторги. Вернулись поэтому все очень довольные.—[320] Болел Миша, 5 дней горел, что-то желудочное. Пришлось за ним очень ухаживать, утомилась я, не отдохнувши от Москвы.—Теперь гости: больной Русанов,[321] Буланже, Буткевич,[308] Петя Раевский.[323] Кроме последнего, все люди чуждые, и скучно с ними. С Левочкой менее чуждо, но у него все зависит от настроения. — Играла сегодня одна Бетховена сонату (una fantasia) и Аделаиду и Шуберта разбирала. Вечером читала стихи Фета, вслух, чтоб гостей занять. Но и музыка и стихи мне доставили удовольствие. Таня и Маша провожали Веру Кузминскую и вернулись из Тулы к обеду.— Вчера была и я в Туле: продажа дров, раздел с священником Овсянникова,[324] деньги в банк, покупки. Истратив энергию на практические дела, мне делается тоскливо всегда и досадно. На лучшее могла бы тратиться эта энергия.

6 декабря.

Праздник, рождение Андрюши — ему 13 лет. Ходили все на гору и на коньках кататься. Ребята, девки — все нарядные и веселые. Дети очень веселились. Я каталась на коньках вяло, и не веселит больше. Таня уехала в Тулу к Зиновьевым[325] и Давыдовым—[326] на именины. Гости те же: Русанов, Буланже, Буткевич и Петя Раевский, уехавший с Таней.—Чувствую свое физическое потухание, грудь болит, дыханье тяжко, женское состояние тоже тревожное и болезненное. Порадовало письмо Соф. Алекс. Философовой[327] о старших сыновьях. У матерей одно желанье — чтоб счастливы были дети. А у них там пока, повидимому, все счастливо. — Левочка все также держит себя отчужденно и холодно ко всем, но мне это чувствительней других.—Мало делала дела: писала немного дневники Льва Николаевича, гостей занимала, с детьми возилась. Ваничка много времени берет.

7 декабря.

Писала весь день, нездоровится. Был Давыдов с следователем, проездом в Крапивну. Читала сказку Лескова[328] „Один час божий". Талантливо, но ненатурально. Не люблю ни в чем фальши. Левочка весел и как будто здоров.

8 декабря.

Все переписываю дневник Левочки. Отчего я его никогда прежде не переписывала и не читала? Он давно у меня в комоде. Я думаю, что тот ужас, который я испытала, читая дневники Левочки, когда я была невестой, та резкая боль ревности, растерянности какой-то перед ужасом мужского разврата—никогда не зажила. Спаси бог все молодые души от таких ран—они никогда не закроются.—Учила музыке Андрюшу и Мишу. Андрюша был так зло-упрям, что терпенья нехватало. Но я решилась быть сдержанна. И не рассердилась, но вдруг разрыдалась. Он тоже заплакал и начал слабо обещать хорошо учиться, и сейчас же справился. Мне было стыдно, но, может быть, к лучшему. — Читала глупую повесть в Revue d. d. M, и вечером Таня читала по указанию Левочки скучную повесть шведскую, в переводе.—Хочется читать что-нибудь серьезное, мыслителя какого-нибудь, да не приберу что.—Настроена я хорошо теперь, кротко, и думать все хочется о хорошем. Но сны у меня грешные и спокойствия мало, особенно временами.

9 декабря, воскресенье.

Опять с тяжелым чувством кончаю день. Все — тревожно, Переписывала молодой дневник Левочки [320] [28]. Сегодня гуляла и думала — день удивительно красивый. Морозно, 14°, ясно; на деревьях, кустах, на всякой травке тяжело повис снег. Шла я мимо гумна, по дороге в посадку, налево солнце было уже низко, направо всходил месяц. Белые макушки дерев были освещены, и все покрылось светло-розовым оттенком, а небо было сине, и дальше на полянке, пушистый, белый, белый снег. Вот где чистота. Как она красива везде, во всем. Эта белизна и чистота в природе, в душе, в нравах, в совести, в жизни матерьяльной—везде она прекрасна.—И как я ее старалась блюсти и зачем? Не лучше ли бы были воспоминанья любви—хотя и преступной—теперешней пустоты и белизны совести?

Играла на фортепиано сначала с Таней симфонию Моцарта, потом с Левочкой. Сначала с ним не пошло, и он брюзгливо и недовольный на меня напал; хотя это было коротко и почти незаметно, но у меня тàк наболел в душе этот его тон со

мной, что все удовольствие игры в 4 руки пропало и стало грустно, грустно—ужасно.—Прервал нашу игру приход Бирюкова. Девочки взволновались — Таня за Машу, Маша за себя. Все стали ненатуральны, говорили много и тоже натянуто, вообще неприятно. Надеюсь, что он скоро уедет и что Маша успокоится. Раз затеянная глупая история не скоро уляжется.[330] Читала роман в Revue des deux Mondes. Там девушка в гостях у человека, которого она любит, и как ей радостно быть окруженной той обстановкой, теми вещами, среди которых он живет. Как это верно!

Но если это вещи: сапожные инструменты, сапоги, судно, грязь... тогда как быть? Нет, никогда к этому не привыкну.[331]

10 декабря.

Тяжелое время пришлось переживать на старости лет. Левочка завел себе круг самых странных знакомых, которые называют себя его последователями. И вот утром сегодня приехал один из таких, Буткевич, бывший в Сибири за революционные идеи, в черных очках, сам черный и таинственный, — и привез с собой еврейку-любовницу, которую назвал своей женой только потому, что с ней живет. Так как тут Бирюков, то и Маша пошла вертеться там же, внизу, и любезничала с этой еврейкой.— Меня взорвало, что порядочная девушка, моя дочь, водится с всякой дрянью и что отец этому как будто сочувствует. И я рассердилась, раскричалась; и, вспомнив по дневникам Льва Николаевича [4] все то, что меня терзает при переписке его дневников, я ему зло сказала: „Ты привык всю жизнь водиться с подобной дрянью, но я не привыкла и не хочу, чтоб дочери мои водились с ними“. Он, конечно, ахал, рассердился молча и ушел.— Присутствие Бирюкова тоже тяжело, жду не дождусь, что он уедет. Вечером Маша осталась с ним в зале последняя, и мне показалось, что он целует ей руку. Я ей это сказала; она рассердилась и отрицала. Верно, она права, но кто разберет их в этой фальшивой, лживой и скрытной среде. — Измучили они меня, и иногда мне хочется избавиться от Маши, и я думаю: „Что я ее держу, пусть идет за Бирюкова, и тогда я займу свое место при Левочке, буду ему переписывать, приводить в порядок его дела и переписку и тихонько, но поне-

многу отведу от него весь этот ненавистный мир „темных“. 293

Лева что-то не едет, здоров ли он.—С Андрюшей и Мишей мечтали играть на святках пьесу, переделанную из японской сказки. Вязала Мише одеяло, переписывала, учила детей 2 часа закону божьему и теперь буду читать.

11 декабря.

С утра все писала дневник Левочки, и это вызывает всегда целый ряд мыслей. Думала, между прочим, что не любишь того человека, который лучше других тебя знает, со всеми слабостями, и которому уж нельзя показаться одной стороной. Вот отчего так часто супруги к старости именно расходятся, т.-е. тогда, когда все разоблачится и разъяснится, и ясность эта не в пользу того или другого. — Учила музыке хорошо и терпеливо. Бирюков еще остался на день. Маша приходила объясняться о вчерашнем, и я ей сказала, что жалею, если напрасно ее оскорбила. Между прочим, она сегодня говорит легкомысленно и смеясь: „Отдайте меня за него замуж и делу конец. Вы ведь считаете его хорошим человеком“. Будто этого довольно.—Я замечала, что матери испытывают почти влюбленное чувство к женихам дочерей, и тогда симпатия будущих супругов обеспечена [25]. — Приехал Лева, мне стало как-то празднично весело, но он невеселый и, как отец,—эгоистично занят собой больше всего.—Ваничка так трогательно ему обрадовался и так любовно смотрел на него, а он сурово отнесся к нему. Вот так забивают в детях и людях любовность и ласковость. Так и сам Лёва плакал, когда его маленького и нежного отдали от англичанки вниз к гувернеру, и он говорил, что он испортится внизу, и я хотела его взять обратно.—Но отец сурово отнесся к Леве, оставил его у учителя — и бог знает, не имело ли это дурное влияние на Леву в смысле меньшей нежности, радостности и крепости нерв. — Вечером сидели все вместе, у Тани болит спина, и она странна и невесела. Вот кому нужна новая жизнь, нужно замужество. Всякий день молюсь об этом.—Думала нынче, что грех мне роптать на судьбу; если отнята одна сторона счастья,—то так много других, и говорю совершенно искренно: „Благодарю, тебя, боже“.

Во время обеда Левочка мне сказал, что меня ждут те мужики, которые срубили на посадке 30 берез и которых вызывают на суд.[332] Всякий раз как мне говорят, что меня ждут, что *я* должна что-то решать, на меня находит ужас, мне хочется плакать, и точно я в тиски попадаю, некуда выскочить, это навязанное мне по христианству хозяйство, дела, это самый большой крест, который мне послан богом. — И если спасение человека, спасение его духовной жизни состоит в том, чтобы убить жизнь ближнего, то Левочка спасся. — Но не погибель ли это двум?

13 декабря.

Вчера не писала дневника, весь день была расстроена мыслью о мужиках, которых судили, и так до вечера не узнала. Уехал Бирюков, приехал Диллон, англичанин,[333] переводчик: „Ходите в свете“ и т. д. Переписывала вчера весь день дневники Левочки, и были моменты, в которые мне жаль его было: какой он был одинокий и беспомощный! А путь его всегда был тот же, как и всю жизнь, на пути мысли. — Сегодня узнала, что мужиков присудили 6 недель острога и 27 р. штрафа. — И опять спазмы в горле, и весь день плакать хочется; главное себя жалко; зачем это моим именем надо делать зло людям, когда я не чувствую, не желаю и не могу любить никакого зла. — Даже с практической точки зрения—ничто не мое, а я какой-то бич!—Три часа учила детей под ряд и была терпелива. Вчера с Левой говорили о Тане и Маше, и оба желаем их замужества, но, конечно, не за Бирюкова. Левочку почти не вижу, он точно рад и успокоился в этой отчужденности, а мне так грустно и тяжело это, что подчас и вовсе жить не хочется.

Ходили вечером поздно гулять и на ледяную гору: Таня, Маша, Лева, Лиззи, Андрюша и Миша. Дети все катались, а я так прохаживалась. Лунная ночь удивительная, мороз 15°; так красива эта чистая, яркая белизна снега, деревьев, лунного освещения, что уйти невозможно, все бы любовался.—Я говорю Леве: „И ничего больше не надо, только смотреть на это“. А он говорит: „А мне этого мало“.

14 декабря.

Дописала сегодня в дневниках Левочки до места, где он говорит: „Любви нет, есть плотская потребность со-

общения и разумная потребность в подруге жизни". Да, если б я это его убеждение прочла 29 лет тому назад, я ни за что не вышла бы за него замуж.—[28]. День провела обычно: учила Мишу, возилась с Ваничкой, разговорилась с Диллоном; приехал А. В. Цингер,[334] студент. Учила Сашу „отче наш"; переписывала мало. С Машей говорила о Бирюкове. Она уверяет, что выйдет или за него или, если я не хочу—за никого. Но прибавила: „Да что вы беспокоитесь, мало ли что может случиться!" И мне показалось, что она сама ждет избавления от этих случайно спутавших ее уз. Таня о чем-то таинственно переговаривается с Машей, и как будто весело. Написала письма: Тане сестре и письмо во французскую газету по поводу статьи „Figaro" 21 ноября 1890 г. о выгоде, которую я извлекаю от заграничных изданий соч. Льва Николаевича, письмо Дунаеву[335] и Берсу, Ал. Алекс.

15 декабря.

День прошел бестолково. Уроку музыки помешал земский ачальник Сытин,[336] приехавший по желанию Тани поговорить о школе в Ясной. К обеду приехал Булыгин.[337] Два раза ходила гулять с детьми. Второй раз—с Сашей, которая плакала вечером, что скучно. У нас и в доме-то какой-то на всех и на всем тяжелый нравственный гнет.

Левочка еще более мрачен и не в духе от приговора ясенских мужиков в арестантские роты за срубленные в Посадке деревья. Но когда это случилось и приехал урядник, я спросила Левочку, что делать, составлять ли акт? Он задумался и сказал: „Пугнуть надо, а потом простить". Теперь оказалось, то дело уголовное и простить нельзя, и, конечно, опять я виновата. Он сердит и молчалив, не знаю, что́ он предпримет. А мне тоскливо, больно и, как говорится: вот как дошло—думала нынче поехать к Илье, проститься со всеми и спокойно лечь где-нибудь на рельсы—как Агафья Михайловна[338] часто грозила. А страшно—потому что легко исполнимо.

Уехал утром Диллон, вечером Булыгин и Цингер. Гостей нет.

16 декабря 1890.

Да, я совершенно потеряла всякую способность сосредоточиться на чем-нибудь, на какой-нибудь мысли, чувстве или деле.

Этот хаос бесчисленных забот, перебивающих одна другую, меня часто приводит в ошалелое состояние, и я теряю равновесие. Ведь легко сказать, но во всякую данную минуту меня озабочивают: учащиеся и болящие дети, гигиеническое и, главное, духовное состояние мужа, большие дети с их делами, долгами, детьми и службой, продажа и планы Самарского именья— их надо достать и копировать для покупателей, издание новое и 13 часть с запрещенной „Крейцер. сонатой", [339] прошение о разделе с Овсянниковским попом, корректуры 13 тома, ночные рубашки Миши, простыни и сапоги Андрюше; не просрочить платежи по дому, страхование, повинности по именью, паспорты людей, вести счеты, переписывать и пр. и пр.—и все это непременно непосредственно должно коснуться меня. И вот, когда случится такая история, как в прошлую ночь—я вижу, что я ошиблась, потеряла какую-то центральность и сделала больно Левочке совсем нечаянно. История эта, как и надо было ожидать, вышла из-за осужденных на 6-тинедельный арест мужиков за срубленные в Посадке деревья. Когда мы подавали жалобу земскому начальнику, мы думали простить после приговора. Оказалось уголовное дело—отменить наказание нельзя, и Левочка пришел в отчаяние, что из-за его собственности посадят мужиков Ясенских. Ночью он не мог спать, вскочил, ходил по зале, задыхался; упрекал, конечно, меня и упрекал страшно жестоко. Я не рассердилась, слава богу, я помнила все время, что он больной; меня ужасно удивляло, что он все время старался разжалобить меня по отношению к себе, и как ни пытался, но ни разу не было настоящего сердечного движенья, хотя бы краткого,—перенестись в меня и понять, что я совсем не хотела сделать больно ему и даже мужикам-ворам.

Это самообожание проглядывает во всех его дневниках. Поразительно, как для него люди существовали только настолько, насколько касались его. А женщины! Сегодня я себя поймала на очень дурном чувстве. Я, как пьяница, запоем переписываю его дневники, и пьянство мое состоит в волнении ревнивом там, где дело идет о женщинах [32]. Я еще не спокойна и не могу отделаться от воспоминаний. На все время. Сегодня еще поразило меня в дневнике его, что рядом с развратом Левочка всякий день идет искать случая сделать доброе

дело. И теперь как часто он идет гулять на шоссе, и то лошадь направит пьяному, то поможет запрячь, то воз поднять — прямо ищет делать доброе дело.

Сегодня воскресенье. После тяжелой ночи, упреков и разговоров, весь день камень на душе и тоска. День прошел вяло. Метель, и никто не гулял, кроме мальчиков. Лева хотел ехать к Илье, но воротился, проехав деревню. Читали вечером французский перевод Китайских сказок. Очень странно. Играла немного на фортепиано. Вечером Ваня и Саша плясали и вообще прояснилось немного общее настроение.

17 декабря.

Вся холодность и строгость растаяла и свелось все к тому же—как и всегда [46].

Левочка начинает тревожиться, что я пишу, переписываю его дневники [9]. Ему хотелось бы старые дневники уничтожить и выступить перед детьми и публикой только в своем патриархальном виде. И теперь все тщеславие!

Приехали темные: глупый Попов, [340] восточный, ленивый, слабый человек, и глупый толстый Хохлов, [341] из купцов. И это последователи великого человека! Жалкое отродье человеческого общества, говоруны без дела, лентяи без образования. Таня и Лева уехали к Ильюше и Сереже. Сидела дома, нездоровится, ночь не спала. Детей учить помешал Э. Э. Керн, [342] бывший лесничий в казенной Засеке, теперь помещик, и очень полезен мне был разными советами и сведениями по лесной и садовой части [32].

19 декабря 1891 *). [1890].

Вчера, с утра, была в Туле с Андрюшей и M. Borel. [343] Было холодно, и я все боялась за Андрюшу. Бегали за покупками и заказами. Заехали на минуту к Раевским [344]—там одни мальчики. Вернулись почти к обеду. Вечером читал Александр Митрофанович о немецких колониях, вслух—скучно, и смотрели Review of Reviews. Устала, была неспокойна, Попов и Хохлов раздражают своей молчаливостью и бесцветностью [35].

Сегодня встала поздно, ночь не спала, вышла в залу, там офицер Жиркевич, [345] молодой, аккуратный, приехал познакомиться с Левочкой, сам пишет стихи и прозу. Видно, очень

*) Явная описка.

довольный и собой и судьбой, но не глупый и понятный, не то, что „темные". Водила гулять Ваничку[346]—в первый раз зимой. Саша ходила с нами. Учила Мишу Новый завет и молитвы, и вот пишу дневник свой, а Левочкиного переписала только две страницы, а урок мой ежедневный—десять. С Андрюшей было неприятно, он часто нарочно не понимает и не хочет сделать ни малейшего усилия мысли или памяти. Вечером буду помогать с гостем, читать—и ванна.

20 декабря 1890.

Ночь не спала, встала поздно. Мучает отвратительное физическое состояние возбуждения и боли в спине. Ходила с детьми кататься на коньках, боялась упасть, лед плохой; разметала снег с садовником и крестьянскими девочками и своими 3 детьми, учила Сашу в первый раз кататься на коньках. Вернувшись, учила 3 часа детей: Андрюшу — богослужение и обоих—музыке. Рождение Миши—ему 11 лет. Вернулся Лева от Ильи, привез Сашу Философову.[347] Уехала Маша с кучером Филиппом[348] в Пирогово. Туда же уехала Таня, Наташа[349] и Илья, завтра вернутся. Лева[193] брюзжал и на все ворчал, рассказал грустную историю ссоры Сережи с Илюшей о пустяках—о лошади.

Вечером переписывала немного для Левочки о церкви статью.[350]

Церкви отрицать нельзя, как идею, как то, что должно блюсти собранием верующих—истинную религию. Но церковь с ее обрядами, как она есть—невозможна. Зачем протыкать палочкой кусочек хлеба, а не просто прочесть, что воин проткнул ребро Христа? И таких диких обрядов множество, и они убили церковь. 10 часов, будем пить чай и читать. Дневника Левочки не переписывала, чувствую себя потому спокойнее и чище.

23 декабря.

Эти дни полны событий. Третьего дня утром, в 6 часов, нас разбудили, в 6 часов—две телеграммы. Одна,—что Соня нездорова, другая,—что Соня родила сына.[351] Меня взволновало это известие и обрадовало, но не надолго, ввиду неосновательного, хотя доброго и хорошего отца— Илюши. К Соне всегда чувствую нежность за то главное, что она совершенно противоположна

нашим всем нервным, беспокойным и горячим натурам, дергающим друг друга—она спокойная и кроткая. С курским поездом приехали Илья, Таня, Наташа Философова. С Ильей, как всегда,—неприятный денежный и имущественный разговор. Вечером он уехал. Вчера весь день была в Туле, обедала у Давыдовых, тоскливо покупала все для елки. Прежде это было весело, теперь же устала. Сегодня девочки Философовы уехали, приехала Маша Кузминская с Эрделли, мне неприятно было, что с ним,—и я не скрыла. День делали цветы на елку, золотили орехи, и как-то невесело и бестолково прошел день. Получила очень льстивое и почти влюбленное письмо от Фета, и мне это было приятно, хотя никогда ни крошечки не любила его, и он был мне скорее неприятен.

24 декабря.

Встала поздно, вошел Ваничка, играла с ним час целый Потом вышла—Сережа приехал, играл на фортепиано. Он очень приятен и добродушен, как человек, который делал дело положительное, и теперь может отдохнуть. Маша Кузминская с Эрделли не особенно приятны: ни то ни сё, объявить женихами не велят, а ведут себя так. Моя Маша жалка своей худобой и грустью. Делали пуддинг, все дети, Таня, Lizzie и я. Обедали весело, потом Левочка читал Библию, и смеялись многому. Вырезала куклы картонные, готовлю детям представление. Глупо. Приехал сейчас Дунаев. Поздно.

25 декабря 1890.

Рождество: с утра у всех праздничное настроение. Весь день провозилась с елкой. Утром за кофе у Левочки с Левой был горячий разговор о счастьи, о цели жизни, а началось с того, что Лева говорил о перемене часов еды и вообще о недовольствие форм нашей жизни. Левочка ему очень умно и хорошо говорил, что все зависит от себя, от жизни изнутри, а не извне. Это было хорошо, но когда он начинает ставить в пример своих последователей, то делается досадно [37]. Страшно забеременеть, и стыд этот узнают все и будут повторять с злорадством выдуманную теперь в московском свете шутку: „Voila le véritable „Послесловие“ de la sonate de Kreutzer *)

*) [Вот настоящее послесловие к „Крейцеровой сонате“].

Елка прошла весело; было 80 человек слишком ребят из деревни: мы усердно их оделяли, и наши были довольны и веселы. С Эрделли в первый раз говорила откровенно об его отношениях к Маше Кузминской и об его свадьбе будущей. Они жалки с Машей; им так хочется соединиться, и все что-то мешает. Левочка весел и здоров, хотя жалуется, что пищеваренис не всегда хорошо.

27 декабря.

Вчера журнала не писала. Не люблю праздников с их бездельем, суетой и стремлением всех—веселиться. Весь день рисовала и клеила кукол, хочу устроить театр кукольный—для маленьких. К вечеру сделалась тоска от глупо и бездельно проведенного дня. Болели зубы, и ночь не спала. Сегодня с утра взяла „Le Sens de la Vie Rod'a *), и весь день не могла оторваться от чтения этой книги. Какое тонкое, умное, искреннее отношение ко всем вопросам жизни! Как правдиво, просто, без ломания говорится о всех серьезных и сложных положениях нашего ежедневного существования! И язык прекрасный.— Во мне эта книга подняла давно заснувший интерес ко всему живому и духовному. Я вдруг почувствовала возможность, помимо подавляющей проповеди Левочки, — воспрянуть духом и создать свой собственный духовный мир.

Вечером пришли дворовые и прислуга наша ряженые и плясали под гармонию и фортепиано. Это Таня все хлопотала и самой ей хотелось глупого веселья. Она тоже и Маша нарядились. Но как только Маша вошла, мы с Левой ахнули. Она обтянула себе панталонами совсем зад—оделась мальчиком—и стыда ни капли. Чуждое, глупое и бестолковое создание.

Эти шумные явления действуют на меня всегда тоскливо. Я ушла в свою комнату, отворила форточку и взглянула на ясное, морозное, звездное небо и неожиданно вдруг вспомнила покойного У.[212] Так мне стало грустно, невыносимо грустно, что он умер, что я навсегда, наверное, лишилась тех утонченных, чистых, умалчивающих, но, несомненно, более, чем дружеских отношений, не оставивших ни тени укора совести и на-

---

*) [„Смысл жизни", роман французского беллетриста Эдуарда Рода].

полнявших столько лет жизнь тем, что делало ее счастливой. А теперь—кому нужна моя жизнь, откуда ласковость, заботливость —разве только от Ванички. И то хорошо, благодарю бога.

28 декабря 1890 г.

Rod'а книга в конце испортилась. Главá „Religion“ неясна и выхода, т.-е. того Sens de la Vie, которого он искал, не веришь, чтоб он его нашел. И все мы не нашли и никогда не найдем его. В искании—и жизнь. А там—поглотит нас опять то начало - бог, от которого мы и изошли. Да, без этого постоянного сознания в себе божества нельзя жить. Я так привыкла ни одного шага во дне не сделать, чтоб не сказать в душе: помоги, господи, прости, господи, помилуй, господи... Но жизнь моя—она совсем не божья, я это знаю, и все мне кажется: вот, вот начну я; буду добра, ласкова ко всем, будет свет добра вокруг меня, в котором всем будет хорошо. И не могу. Присматриваюсь все к Леве: в нем много содержания, ума и талантливости, но в нем мало чувства внутреннего самосохранения, его все суетит, беспокоит, интересует, волнует и даже мучает. Это молодость. Левочка—муж, умел блюсти свой внутренний мир, но у него семьи не было, и привычка отсутствия этой заботы осталась навсегда.

Вчера справки надо было сделать для Al. Толстой, [100] и я перечитывала его письма ко мне. Было же время, когда он так сильно любил меня, когда для меня в нем был весь мир, в каждом ребенке я искала его же, сходство с ним. Неужели с его стороны это было только отношение физическое, которое, исчезнув с годами, оголило ту пустоту, которая осталась?— Вчера он говорил в зале с Левой о форме рассказа, которую искал и хотел создать, когда задумал писать „Крейцерову сонату“. Мысль создать настоящий рассказ была ему внушена Андреевым-Бурлаком, [209] актером и удивительным рассказчиком. Он же рассказал ему, что раз, на железной дороге, один господин сообщил ему свое несчастие от измены жены, и этим-то сюжетом и воспользовался Левочка. — Сегодня он не совсем здоров, болит подложечкой и пищеварение дурно.

Весь день переписывала дневники Левочки; вечером так хорошо, семейно разговаривали все вместе. Гостей ждали из

Тулы: Давыдова, Лопухиных [352] и Писаревых [353] — никто не приехал. Холодно и ветер, 12°.

29 декабря.

Чудный, ясный, красивый, морозный день. Синее небо, иней на деревьях и неподвижная тишина. Мы все были на воздухе почти весь день. Дети и девочки катались на скамейках, а Эрделли, Маша К.[295], Лева и я—на коньках. Катаюсь я робко и плохо; но такое успокоительное и вместе упоительное чувство в этом движении. К обеду приехали Зиновьевы и m-me Жулиани [354] с мальчиком. Зиновьевы понятные, приятные, люди. Люба играла, и хорошо, но по-ученически, ничего не дает ее игра. M-me Жулиани пела с Надей и одна. У Жулиани в пении много страстности и в натуре, верно, тоже.—Левочке не совсем здоровится, он тих и необщителен. Сережа уезжает к Олсуфьевым. Таня нервно весела.

30 декабря.

С утра до обеда возилась с Ваничкой, няня уезжала к матери. Дочитали Rod'a, и молитва его опять понятна и искренна. После обеда с Андрюшей и Мишей готовили театр. Умственно сплю. Вечер все провели вместе, говорили о музыке спокойно, дружно. Лева ходил на деревню, вечеринка там.

31 декабря.

Я так привыкла жить не своей жизнью, а жизнью Левочки и детей, что тот день, когда не сделала ничего, что для них, или касается их—мне неловко и пусто. Опять принялась переписывать Левочкины дневники.—А жаль, что этой вечной сердечной зависимостью от любимого человека я убила в себе разные способности и энергию; а последней много было.

Привела в порядок денежные счеты, хотя за 20 месяцев, итоги прихода и расхода не сошлись. Но меня это не огорчает, я так плохо записываю расходы. Телеграмма от Ильи, зовет крестить. Софья Алексеевна [327] отказалась, Таня тоже, и теперь я faute de mieux*). Но я не обижаюсь; мое дело с крошкой-внуком, а не с окружающими, и я рада его окрестить. Еду сегодня в ночь—под Новый Год, в 5 час. утра.—

*) [За неимением лучшего].

День переписывала и с детьми сидела. Все спокойны и дружны.— Будем встречать Новый Год тихо, одни.

2 января 1891 год.

Вернулась от Илюши, окрестила маленького. [351] Обряд с отречением от сатаны и проч. был привычно равнодушный. Но младенец, с закрытыми глазками и трогательно спокойным выражением красного личика, с тайной его души и его жизни— всегда трогателен и вызывает молитву о нем.—В Гриневке много, много Философовых, все такие большие, толстые, но удивительно добродушные и в обращении и в жизни. У них много простоты настоящей, не деланной и отсутствие всякой злобности. И это очень хорошо.—Илья какой-то растерянный, и точно нарочно, ни о чем не задумывается, а весь разбрасывается по мелочам.—Домой приехать было грустно; видно, никому дела не было ни до меня ни до моего приезда. Я часто думаю, почему меня не любят, когда я их всех так сильно люблю. Верно, за те вспышки мои горячие, когда я бываю резка и говорю крайности.—Потом все собрались, но даже поесть ничего не приготовили, что, впрочем, меня не огорчило. Один Ваничка и немножко Саша показали—первый восторг шумный, вторая тихую радость.—Застала приехавшего Количку Ге и Пастухова. [355] Первому я обрадовалась; люблю его доброе радостное лицо и такую же душу. Миша не совсем здоров. Приехали Давыдовы, [326] старались их развлекать, но боюсь, что им было скучно. Он сам очень симпатичен, и я ему всегда рада.

Сейчас, вечером, была опять вспышка между мной и Машей за Бирюкова. Она всячески старается вступить опять с ним в общение, а я взгляда своего переменить не могу. Если она выйдет за него замуж,—она погибла. Я была резка и несправедлива, но я не могу спокойно рассуждать об этом, и Маша, вообще,—это крест, посланный богом. Кроме муки со дня ее рождения, ничего она мне не дала. В семье чуждая, в вере чуждая, в любви к Бирюкову, любви воображаемой — совсем непонятная.

3 января.

Весь день провозилась с кукольным театром. Нашла ребят полна зала, и вышло плохо. Огорчительно, что Петрушка

понравился особенно в те минуты, когда он дрался. Грубые, противные нравы! Устала и скучно.—Посетители Пастухов, Ге молодой. Левочка весел; много писал утром, о церкви. Не могу полюбить его религиозно-философские статьи, и всегда буду любить его как художника.—Метель. 7-градусный мороз.

4 января 1891 г.

Метель страшная с утра и 10° мороза. Ветер воет во все печи, замело все вокруг дома. С утра неприятное известие: лесной приказчик, Роман, пьяный, заехал на болото (озеро) ночью, сам намок, его привез яснополянский мужик, Курносенков, Яков, а лошадь утопла и издохла. Лошадь молодая, жаль и досадно. Сам Роман убежал домой в большом волнении.—Бергер [356] тоже пропал, он всегда лжет, и ленив ужасно, я им очень недовольна. — Маша купила корыто и сама стирает белье. Я сердито ей говорила, что она все здоровье погубит, что она меня измучила. Она отнеслась к этому равнодушно - спокойно. Все четверо меньших в насморке и кашле, но все веселы и на ногах.—Где-то Сережа в эту метель? Он уехал к Олсуфьевым, как бы ни выехал.—Левочка жаловался, что ему не пишется.—Сегодня весь день убирала все: вещи, тряпки, бумаги; сортировала письма, и теперь хоть умирать можно, так все в порядке.—Очень нездоровится; сердцебиение, дурнота, дыханья нет и спина болит.

Ужас берет, что все это признаки беременности.—И не мудрено бы было [8]. Левочка нежен и все меня помнит, где я и что делаю. Ах, если б без э т о г о были бы те же отношения! но у него это редко бывает!

Лева ездил с приказчиком искать лошадь, и они заблудились, лошадь не нашли и вернулись. Лева очень мне дорог и только огорчает его невеселость и худоба. Теперь, впрочем, он имеет спокойный вид, и я рада этому.

5 января.

Плохо себя чувствую, спина болит, кровь носом идет, зуб передний болит и смущает тем, что упадет и придется вставлять, а мне это противно. С утра переписываю дневник Левочки, потом чисто, чисто убрала его кабинет и вещи и белье; взяла чинить носки, о которых он упомянул, что плохи, и так про-

возилась до обеда. Потом с Ваничкой поиграла. Левочка ездил с Н. Н. Ге (сыном) к Булыгину, а к нам приехали Ваня и Петя Раевские. [357] Сидела все чинила носки, скучно, но нужно, пока другие не куплю. Вечером рассердилась на Мишу, что он бил Сашу. Рассердилась слишком, толкнула его в спину и при всех на колени поставила. Он плакал и убежал к себе. Мне жаль было и его и наших с ним хороших отношений. Все скоро обошлось. Маша Кузминская читала мне письмо Эрдели. У них там все сплетни и неприятности; бедные, молодые, все это терзанье напрасное.

Второй час, а спать не хочется.— Левочка со мной очень добр, и мне это так радостно. Я замечаю, что я эти дни раздражительна и легко сержусь на всех. Это от болезни, но это не надо, буду осторожнее.

6 января.

Все нездорова: голова и спина болят, и ночь не спала. День тупо чинила Левочке носки, не сходя с места. Прислали мне Спинозу, читать не могу, жду просветления головы и глаз, а то все черные круги в глазах.—Гости: Булыгин и Количка Ге. Приехал с курьерским Сережа, веселый, добрый; поговорили о фривольном и о его пребывании у Олсуфьевых и о делах. Ночью он едет в Никольское.

Андрюша и Миша ходили на деревню смотреть вечеринку. Но у них, кажется, ничего не вышло веселого: ребята стеснялись, не играли, и мне жаль было, что мальчики не повеселились. С Машей все тяжело: она ездит одна с девчонкой к тифозным; я боюсь и за нее и за заразу, и ей это высказала. Хорошо, что она помогает больным, я сама всегда это делала, но она меры не знает ни в чем. Впрочем, сегодня говорила я с ней кротко, и мне так ее жаль было, и жаль, что мы непоправимо чужды друг другу.—Левочка читал нынче свою статью о церкви—Ге, Булыгину и Леве. Я переписывала часть этой статьи и часть читала. Но я не могу полюбить эти не художественные, а тенденциозные и религиозные статьи: они меня оскорбляют и разрушают во мне что-то, производя бесплодную тревогу.

7 января 1891 г.

С утра меня мутила вчерашняя фраза Маши, что она на будущий год выйдет за Бирюкова весной: „К картошкам уйду“,

были ее слова, т.-е. к посадке картофеля. Я теперь взяла повадку смолчать и высказаться только на другой день. И вот сегодня я послала Бирюкову деньги за книгу, которую он купил и прислал Маше, и написала ему свое нежеланье отдать за него Машу, прося не приезжать и не переписываться с ней. Маша услыхала, что я говорила об этом письме Левочке, сердилась, говорила, что берет все свои обещания мне назад, я тоже взволновалась до слез. Вообще мучительна Маша ужасно, и вся ее жизнь, и вся ее скрытность, и мнимая любовь к Б. [310]

Лева с утра уехал в Пирогово с Митрохой. [358] Таня ездила в Тулу, и у ней украли деньги. А у нас ночью увезли 2 воза дров с отвода.—С утра переписывала дневники Л. Потом учила детей, чинила носки и больше не могу,—что за адская работа! Вечером читали вслух два отвратительных и скучных рассказа, присланных глупым и без всякого чутья—Чертковым. Количка Ге, уехавший с Булыгиным вчера вечером, не возвращался. Какой он светлый, умный и добрый человек. Какая-то радостность в нем и спокойствие. Он, видно, много перемучился, пока начал жить так, как теперь, он не лгал, что эта жизнь хороша, но теперь успокоился и говорит: „Поворота назад из этой жизни быть не может". И правда.— Маша Кузминская совсем безлична: она вся в своей любви к Эрдели, и весь мир для нее перестал существовать.

Сегодня думала, что в мире совершается $^9/_{10}$ событий, выдающихся по поводу какого-нибудь рода любви или проявления ее; но все люди это тщательно скрывают потому, что пришлось бы выворачивать все самые тайники людских дум, страстей и сердец. И теперь я много могла бы назвать таких явлений, но страшно, как страшна нагота на людях. В дневниках Левочки любви, как я ее понимаю, совсем не было; он, видно, не знал этого чувства. Только похоть [14]. Это, впрочем, на Кавказе.—А противно ужасно! О любви, как двигателе, я выразилась неясно. Я хотела сказать, что если любовь овладела человеком, то он ее вкладывает во все: в дела, в жизнь, в отношение к другим людям, в книгу, во все влагая такую энергию и радость, что она делается двигателем не одного человека, а всей окружающей его среды. Потому я не

понимаю любовь Маши Кузминской. Она точно подавлена. Или это слишком долго продолжается.

8 января.

С утра подавлена делами. Перечитывала и разбирала конторские книги по Ясной Поляне и по сведеному лесу. Потом читала с Н. Н. Ге (сын) корректуру 13-го тома Полного собрания сочинений нового издания. Потом учила Андрюшу и Мишу музыке два часа. После обеда писала для детей аккорды, потом учитывала расход масла и яиц. Еще писала черновые прошения по поводу раздела с Овсянниковским священником и ввода во владение Гриневки. Вообще, у меня теперь во всем большой порядок—уж не перед смертью ли? Надо бы ехать в Москву для 13-го тома, да не хочется. На душе уныло, хотя грех; все здоровы и благополучны, благодарю бога. С Сашей и Ваничкой молились богу вместе.—Таня и Маша с Количкой Ге уехали на Козловку. Левочку мало видела: он все внизу сидит и читает и пишет. Вижу я его только, когда он ест или спит. Он здоров и весел.

9 января.

Сегодня была менее деятельна, хотя встала опять в 10-м часу. Переписывала лениво, урок был один с Мишей. Потом показывала Андрюше, как играть в 4 руки; потом обедали; после обеда писала немного, читала повесть Заседомского *) [359]. „У пылающего камелька", довольно хорошо, искренно написано, и трогало меня даже до слез. Играла с Таней в 4 руки „Крейцерову сонату",—плохо; очень уж трудно без предварительного учения ее играть. Вечер у Андрюши зубы болели; Ваничку на руках поносила, он охрип; такой он нежный, ласковый, тоненький, умненький мальчик! Я слишком его люблю и боюсь, что он жив не будет.—Во сне все вижу, что у меня еще мальчик родился и очень беспокоюсь о беременности.—Мое письмо в „Figaro" переведено и перепечатано в „Русских Ведомостях", но не верно с оригиналом, так что вышло как-то неловко слово репутация. Писала письма Тане-сестре и Гестарику. Иду спать. Сейчас приготовляла документы, планы, деньги и завтра еду в Тулу по делам.

*) [Явная описка—вместо Засодимского].

10 января.

Встала в 10-м часу, в Тулу не поехала: страшный ветер. Кроила утром белье Саше. Немного переписывала. С успехом и очень старательно учила детей музыке и Андрюшу богослужение. Он упрям, рассеян и точно нарочно не слушает и не понимает. Чем больше души своей полагаешь на дело, тем грубее и невнимательнее он. И как он меня мучает! Бедный мальчик, ему плохо будет с таким характером!—После обеда все три девочки ездили в Ясенки и привезли с курьерского поезда Эрдели: он едет к матери. — Как птицы, парочкой сидят и что-то щебечут они с Машей весь вечер.—Читали вслух критику Соловьева [360] на Фета и на Лирическую поэзию; довольно умно, но неполно. Еще пустой рассказ читали. Потом Левочка и Николай Николаевич [273] играли в шахматы с Алексеем Митрофанычем [361], который играл, не глядя на игру, и всех нас этим удивлял.—Написала письмо брату Вячеславу [41], Левочка здоров и очень весел и оживлен [36].—Говорили о том, что цензура всегда мешает писателям высказать именно то, что важнее всего, а я доказывала, что, помимо ее, есть чисто художественные, свободные произведения, которые цензура не может уязвить—хотя бы—„Война и Мир". И Левочка начал с досадой говорить, что он отрекся от этих сочинений [362], и видно, что задор в нем сидит именно за то, что запретили „Крейцерову сонату". Он упомянул о ней.

12 января.

Вчера ездила в Тулу, продала купоны, подала прошение о вводе во владение Гриневкой, уплатила по книгам деньги, а главное измучалась с делом по разделу земли в Овсянникове с женой священника, находящейся у нас с ней в общем владении. Четыре раза я переходила из окружного суда в губернское правление, и меня одно учреждение отсылало в другое, говоря, что оно не подлежит их обсуждению. Так и уехала, не сделав ничего. Давно я не испытывала такой тоски, как вчера, сидя в камере прокурора (Давыдова) [226] и дожидаясь присяжного поверенного, который долго не шел. Трудно и тоскливо делать д е л а, легче сказать: я христианин и ничего делать не могу, это не в моих правилах!—Теперь возьму настоящего дельца,

а сама ездить беспрестанно в Тулу не могу. Устала, ветер был страшный, просто буря [4]. Была у Давыдовых на минутку, там Челокаева [363] приятна своей жизненностью и умом.—Дома, вечером, именинник Миша,—Ваничка так обрадовался, обедать меня ждали. Ночью Ваничка в 3 часа горел и сильно кашлял, не хотелось вставать, но пошла, походила с ним, успокоила его. Сегодня встала поздно, именины Тани, но мы учили детей, Андрюша играл порядочно, Миша насупил брови и был упрям. Приехал Лева с Верой Толстой из Пирогова. Приехали Ваня и Петя Раевские во время обеда. Немножко похоже на именины; играли в игры с детьми, и Ваничка был в восторге. Он с рук не сходит весь день; горит и кашляет, но не унывает.— Потом все поехали на Козловку провожать Количку Ге. Привезли письмо от Вари Нагорновой и корректуру „Крейцеровой сонаты". Дело идет к развязке, что-то будет? Запретят или нет, и что я буду делать?

Времени ни на что не хватает: ни читать ни работать; завтра корректуру и белье кроить. На душе пусто и одиноко.

13 января.

Ваничка болен; в полдень уже не встал и к 2 часам было 39 и 4. Вечером, в 9 час., опять то же. Ночью кашель, мокрота клейкая залепила горлышко, и он задыхался и горел. Насморк все время, и сегодня ушко стреляло. Так его жаль и утомительно. В свободное отВанички время очень много поправила корректур 13-й части, в том числе „Крейцеровой сонаты". Маша Кузминская помогла. Уехала Вера Толстая, и девочки ее проводили. Левочка с Левой ездили вечером на Козловку. 24° мороза. Прошлую ночь, когда Ваничку душило, я побежала спросить Машу, нет ли рвотного. Она спала и мгновенно проснулась. С добротой и готовностью она вскочила, чтоб найти ипекакуану, и когда она, вставая, повернула ко мне свое лицо, оно показалось мне такое тоненькое, доброе, трогательное, что первое мое движение было ее обнять и поцеловать. Как она удивилась бы! Сегодня я весь день вижу в ней это доброе выражение и люблю ее. Если б я могла навсегда поддержать в себе это чувство к ней, как я была бы счастлива! Я постараюсь.

14 января.

Ваничке лучше; температура поднялась днем до 38 и 5, но потом спала, и кашель мягкий, и он повеселел. Уехал Лева в Москву. Приехал Клопский [364]. Он противен ужасно, какой-то темный. Написала письмо Мише Стаховичу, [365] в ответ на его, и Варе Нагорновой, тоже ответ. Немного переписывала, учила Андрюшу (литургия) и Мишу (тайная вечеря). После обеда с Ваничкой, потом переписывала дневник Левочки, уже перешла на 1854 год, сидела внизу с девочками. Ум мой совсем спит. Вечером снаряжали Митроху в Москву, и Андрюша с Мишей очень хлопотали, дали ему своих денег по 50 к. и пальто. Морозы страшные.—Левочка что-то недобр и раздражителен. Как я боюсь всегда его беспощадной язвительности. Она наболела у меня до самой крайней чувствительности.

15 января.

Какая подчас идет тяжелая борьба. Сегодня утром дети учатся внизу, а там этот Клопский. И говорит он Андрюше: „Зачем вы учитесь, губите свою душу? Ведь отец ваш этого не желает?“ Девочки сейчас же подхватили, что готовы пожать его благородную руку за эти речи. Мальчики прибежали и мне все рассказали. Пришлось горячо им внушать, что умственный труд всегда оправдывает нашу барскую жизнь, что если не труд настоящий мужика, то останется без умственного труда одна голая праздность; что воспитываю их я одна, и вот если они будут плохи, то стыд падет весь на меня, и мне будет больно, что труды мои пропадут.

16 января.

Была в Туле опять по делам; бегала, хлопотала ужасно, видела много народа и очень много говорила. Дела: ввод во владение Гриневкой, раздел с женой священника в Овсянникове, продажа дров; выправила, кстати, паспорт Петра Васильевича [366]. Была у Раевской, у Зиновьевой — обедала. Маленькая Маня похожа на Ваничку, сидела у меня на коленах и целовала меня в щеку.

Домой ехала, все молилась и вспоминала своих врагов. Решила написать Бирюкову доброе письмо—и написала. Решила миролюбиво делиться с женой священника—и тоже написала.

Еще ответила Бар. Икскуль [367] на ее просьбу печатать „Холстомера“ и „Поликушку“ для народа. Первое отказала, на второе согласилась. Писала Сереже и послала исполнительный лист на ввод во владение Гриневкой. Дома все были веселы, все по обычному порядку.—Еще решила помогать через Машу семейству тех мужиков, которых посадят за порубку.

17 января.

Встала поздно и лениво. Вчерашняя поездка утомила. Писала Леве письмо, переписывала дневник Левочки и кончила тетрадь Кавказских дневников. Учила Андрюшу богослужение, и два часа музыке обоих. Учились хорошо и дружно. После обеда опять переписывала, занималась с Ваничкой, у него ухо стреляло, он плакал. Читали вслух французский роман, довольно скучный. За обедом был шуточный разговор о том, чтоб господам всем поменяться на неделю положением с прислугой. Левочка нахмурился, ушел вниз; я пошла к нему и спросила, что с ним? Он говорил: „Глупый разговор о священном деле; мне и так мучительно, что мы окружены прислугой, а из этого делают шутки, и мне это больно, особенно при детях“.—Я старалась его успокоить. А сейчас он раздражительно спорил с Алексеем Митрофановичем, защищая Страхова.

18 января.

Нездорова; все мускулы живота внутри и снаружи сильно болят и маленький жар. Была страшная неприятность с няней; она грубит со вчерашнего дня, ребенком не занимается совсем, и сегодня довела меня до крайности, так как я сама больна, и я ей сказала, что не позволю всякой развратной женщине мне грубить. Тут она разразилась такой ужасной грубостью, что, не имей я глупой, слабой привязанности к Ваничке, я ее отпустила бы немедленно. А он, бедненький, почувствовал, что что-то неладно, взялся за ее юбку и не отходил от нее, а про меня говорил: „Мама пай“.—Если б все были как дети!—Учила Мишу, переписывала, охала, ничего не ела, но не слегла. Дневники Левочки очень интересны, время войны и Севастополя. Один вырванный листок меня поразил грубым цинизмом разврата. Да, никак не могут ужиться эти два понятия: брак женщины и разврат мужчины. И брак не может быть счастлив после

разврата мужа.—Еще удивительно, как это мы прожили такую брачную жизнь! Помогло нашему счастью мое детское неведение и чувство самосохранения. Я инстинктивно закрыла глаза на его прошедшее и умышленно, бережа себя, не читала всех его дневников и не расспрашивала о прошедшем. А то погибли бы мы оба. И он не знает того, что погибли бы и что моя чистота спасла нас. А это наверное так. Этот спокойный разврат и точка зрения на него, и картины этой сладострастной жизни заражают как яд, и могли бы вредно повлиять на женщину, немного увлеченную кем-нибудь. „Ты такой был и ты осквернил меня своим прошедшим, так вот же тебе за это!" Вот что могло возбудиться в женщине чтением этих дневников.

19 января.

Все больна: живот и лихорадочное состояние. Едва, как во сне, учила детей 2 часа музыке и поправляла длинную корректуру „Крейцеровой сонаты". Как я могу много и хорошо работать! Как жаль, что этой способности не пришлось приложить к чему-нибудь более возвышенному и достойному, чем механический труд. Если б я могла писать — повести или картины—как я была бы счастлива! — От Левы было прекрасное письмо; но, боже мой, какой он впечатлительный и мрачный! Нет жизнерадостности—не будет цельности, гармонии ни в жизни его ни в трудах, а жаль!

Какая видимая нить связывает старые дневники Левочки с его „Крейцеровой сонатой". А я в этой паутине жужжащая муха, случайно попавшая, из которой паук сосал кровь.

20 января.

Здоровье лучше, но насморк. Миша заболел гриппом, а Саше и Ване получше. Приехал Эрдели; его мать не соглашается на его брак с Машей еще почти на 3 года. Маша ужасно расстроена, он, повидимому, тоже. Все мы плакали, очень их жаль, но не договорились ни до чего. Он жалкий, слабый мальчик. Дети играли, девочки писали и я тоже—все после обеда. До обеда читала Спинозу, но я еще не вникла и не полюбила его, хотя объяснение бога у него вполне удовлетворяет меня и согласно с моим пониманием. Читали немного французский ро-

ман. Привезли корректуру конца „Крейцеровой сонаты“, и я прочла, слава богу, без прежнего волнения—один раз и поправила.—Левочка плохо спит, писать не может. Утром было теплее, $1^1/_2{}^\circ$ мороза, теперь опять 7.

23 января 1891 г.

Три дня не писала журнал. Были третьего дня гости: Раевская, Эрдели, Александр Александрович Берс. День прошел пусто, и я была глупо оживлена. Вчера Левочка ушел в Тулу пешком; было тепло, Раевский утром дошел до нас пешком, встречая жену, и это соблазнило Левочку. Он обедал у Зиновьевых (его нет), а вечер провел у Раевских. Вернулся с поездом вместе с Алексеем Митрофановичем. В Туле был и Сережа, приехал сегодня к нам; друг другу все рассказывали, сидели втроем: он, Таня и я, и о многом рассуждали: дела, супружеская жизнь, дело Маши Кузминской с Эрдели. После обеда он уехал, я шила на машине белье. Глаза, голова—все болит от страшного насморка. Грипп у всех поголовно. Я тупа на все от нездоровья.

ПРИМЕЧАНИЯ

Рукопись „Поездка к Троице“ представляет собою десять согнутых пополам и сшитых листков размером в четвертку (т.-е. сорок ненумерованных страниц в восьмую долю листа). Текст, написанный карандашом, занимает первые девятнадцать страниц; остальные страницы чистые.

Текст „Женитьба Л. Н. Толстого“ воспроизводит текст „Русского Слова“. См. прим. 10-е.

„Мои записи разные для справок“ — тетрадь в четвертку, в бумажном черном переплете, в 158 ненумерованных страниц. На переднем форзаце: „Графиня С. Толстая. (Мои записи разные для справок) Гр. С. Толстая“. Тут же семь „переводных“ картинок, у которых рукой С. А.: „Наклеили дети“.

Страницы с 1-й по 14-ю заняты текстом, напечатанным на страницах 32—39 (кончая словами: „и приезд Анны в Петербург“) настоящей книги.

Стр. 15—„Программа из 3-го в 4-й класс гимназии“.

Стр. 16—„1876. Январь. Адресы:“ [ряд адресов родных и близких знакомых].

Стр. 17—„Фамильные портреты у нас в зале“.

Стр. 18—43—Материалы для биографии Л. Н. Толстого [приготовлены к печати].

Стр. 44 и 45—чистые.

Стр. 46—55—„Список рукописей, наскоро составленный, свезенных в Румянцевский Музей в Москве“.

Стр. 56—113—чистые.

Стр. 114—126—„Краткий биографический очерк, написанный со слов гр. Л. Н. Толстого женой его гр. С. А. Толстой. 25 окт. 1878 г.“ См. прим. 244-е.

Стр. 126—127—„Семейство Толстых“ [даты рождений и смертей детей Софьи Андреевны].

Стр. 128—129—чистые.

Стр. 130—131—„Примирение гр. Льва Николаевича с Иваном Сергеевичем Тургеневым“.

Стр. 132—„Почему Каренина Анна“.

Стр. 133—136—„Ссора Л. Н. Толстого с И. С. Тургеневым“.

Стр. 137—146—„Записки о словах, сказанных Л. Н. Толстым во время писания“.

Стр. 147—Добавление к материалам для биографии Л. Н. Толстого.

Стр. 148—151—Продолжение „Записок о словах“.

Стр. 152—158—чистые.

Рукопись дневника представляет собою тетрадь размером в лист почтовой бумаги „конторского“ формата, в бумажном темно-коричневом переплете в 162 ненумерованных страницы. На внутренней стороне передней крышки переплета „переводная“ картинка (девочка с собакой), приклеенная, вероятно, Софьей Андреевной. 16-я и 17-я страницы — чистые: вероятно, пропущены по ошибке. На 123 странице приклеен засушенный цветок махрового левкоя.

1. Троице-Сергиева Лавра—знаменитая русская обитель Московской губ., Дмитровского уезда, в 68 верстах от Москвы, основанная около 1335 года преподобным Сергием Радонежским. Среди 11 церквей монастыря особенно замечательны Успенский и Троицкий соборы и ризница. Троицкая Лавра была местом богомолья русских царей и русского народа. Для стекавшихся в нее богомольцев построены гостиницы, и Лавра разрослась в целый город.

2. Из девичьих дневников Софьи Андреевны Толстой сохранилась лишь печатаемая запись 1860 года о „Поездке к Троице“. Все дневники, писанные ею с 11-летнего возраста до замужества и среди них повесть (см. далее в „Женитьбе Л. Н. Толстого“ главу „Последние девичьи дни и повесть“), Софья Андреевна перед свадьбой сожгла, о чем она говорит в своей „Автобиографии“ (стр. 142), написанной в 1913 г. и напечатанной в журнале „Начала“, 1921, № 1.

3. Любовь Александровна Берс (1842—1920)—двоюродная сестра Софьи Андреевны, дочь Александра Евстафьевича (1807—1871) брата ее отца и Ревекки, рожд. Пинкертон (1811—1857).

4. Любовь Александровна Берс, рожд. Иславина (1826—1886)—мать автора записок, дочь Александра Михайловича Исленьева и кн. Софьи Петровны Козловской, рожд. гр. Завадовской. Замужем за Андреем Евстафьевичем Берс с 1842 г.

5. Две Лизы это: Елизавета Андреевна Берс (1843 — 1919), старшая сестра Софьи Андреевны, вышедшая замуж за флигель-адъютанта Гавриила Емельяновича Павленкова, разведшаяся с ним и вторично вышедшая за своего двоюродного брата Александра Александровича Берс, и

Елизавета Александровна Берс (1835—1899)—двоюродная сестра автора дневника, дочь Александра Евстафьевича Берс, брата отца Софьи Андреевны и Ревекки, рожд. Пинкертон, бывшая замужем за доктором медицины Генрихом Цорн (1837—1879).

6. Александр Андреевич Берс (1845—1918)—брат Софьи Андреевны. Воспитывался в кадетском корпусе в Москве, служил в Преображенском полку, затем был градоначальником Батума. В 1890-х г.г. Орловский вице-губернатор, затем член Совета Московск. Земельного Банка. Был женат на княгине Пати (Матроне) Дмитриевне Эристовой, с которой развелся и женился вторично на Анне Александровне Митрофановой.

7. Мытищи Большие—село Московской губ. и уезда и ст. Сев. ж. д., в 17 верстах от Москвы. Вода богатых мытищенских ключей в 1779—1805 г.г. была проведена, для снабжения населения, в Москву.

8. Братовщина—село Московской губ., Дмитровского у. и ст. Северной жел. дор., лежащее на пути в Троице-Сергиеву Лавру, место отдыха богомольцев.

9. Дмитрий Владимирович Головин (1841—1920)—председатель Александровской Земской Управы. Его имение Никульское находилось в Александровском уезде, Ярославской губ. Женат был на Софье Дмитриевне, рожд. Зайковской, подруге С. А. Толстой.

10. Эти воспоминания Софьи Андреевны Толстой, под названием: „Женитьба Л. Н. Толстого. Из записок графини С. А. Толстой под заглавием „Моя жизнь" (7 книг) (В память пятидесятилетия со дня свадьбы, 23 сентября 1862 г.)" были напечатаны в газете „Русское Слово" от 23 сентября 1912 г., № 219.

11. Владимир Андреевич Берс (1853—1874)—брат Софьи Андреевны, гусар, умерший от перитонита.

12. Александр Михайлович Исленьев (1794—1882)—дед Софьи Андреевны по матери, сын поручика Михаила Васильевича Исленьева и Дарьи Михайловны, рожд. Камыниной; прапорщик л.-гв. Литовского полка 1813; подпоручик л.-гв. Московского полка, адъютант генерал-майора М. Ф. Орлова 1817; в 1818 г. поручик, в 1819 г. при отставке капитан. Был женат первым браком на Софье Петровне Козловской, рожд. гр. Завадовской (ум. 1830 г.); вторым на Софье Александровне, рожд. Ждановой (1812—1880-е г.г.).

Об А. М. Исленьеве см. гл. III первой части, стр. 21—25, воспоминаний Т. А. Кузминской „Моя жизнь дома и в Ясной Поляне". М., 1927, 2-е изд. Сабашниковых.

13. Дочери А. М. Исленьева от второго брака: Аглая (Адель) Александровна Исленьева (1844—ум. молодой).

Ольга Александровна Исленьева (1845—1909) была замужем за Михаилом Михайловичем Кириаковым.

Наталья Александровна Исленьева (р. 1847 г.)—замужем за Анатолием Николаевичем Ждановым.

Софья Андреевна была дружна с Ольгой Александровной.

14. Мария Николаевна Толстая (1830 — 1912)—единственная сестра Л. Н. Толстого, с 1847 г. была замужем за своим троюродным братом Валерианом Петровичем Толстым; в 1857 году разошлась с мужем и уехала заграницу. Две зимы (1861—62 и 1862—63) провела в Алжире. В 1861 г. вступила в гражданский брак со шведом виконтом Гектором-Виктором де-Клеен (1831?—1874). Впоследствии Мария Николаевна поселилась в Шамординском монастыре, где постриглась в монахини. Лев Николаевич был дружен с своей сестрой, несмотря на разногласие между ними в религиозных вопросах. К ней в Шамордино он прежде всего направился, когда уехал 28 октября 1910 г. из Ясной Поляны. См. о ней воспоминания Т. А. Кузминской „Мои воспоминания о гр. Марии Николаевне Толстой", иллюстр. приложение к „Новому Времени" 1913 г., №№ 13543 и 13550. Воспоминания ее дочери Елизаветы Валериановны Оболенской вскоре появятся в свет.

15. Отец матери Софьи Андреевны, Александр Михайлович Исленьев был близким другом отца Л. Н. Толстого, Николая Ильича Толстого (был с ним на „ты"). Ясная Поляна Толстых от Красного Исленьевых находилась в 35 верстах. Николай Ильич один и с детьми часто бывал у Исленьева, а Исленьев с семьей бывал в Ясной Поляне у Николая Ильича. Дружили между собой и их дети. Любочка (Любовь Александровна Иславина, в за-

мужестве Берс, о ней прим. 4) и Костенька (Константин Александрович Иславин, о нем прим. 89)—дети А. М. Исленьева от первого брака — были сверстниками Льва Николаевича и Марьи Николаевны Толстых.

16. Ясная Поляна, Крапивенского у. Тульской губ.—в 14 верстах к югу от Тулы. Устроителем ее был дед Л. Н. Толстого со стороны матери, кн. Николай Сергеевич Волконский. Принадлежала матери Толстого Марье Николаевне, после смерти ее и Николая Ильича (отца Л. Н.) по разделу братьев Толстых досталась Льву Николаевичу.

17. Татьяна Андреевна Берс (1846—1925)—младшая сестра Софьи Андреевны. С 1867 г. замужем за Александром Михайловичем Кузминским. Л. Н. Толстой очень любил Татьяну Андреевну, она послужила ему натурою для образа Наташи Ростовой в „Войне и Мире". Почти ежегодно втечение 25 лет Татьяна Андреевна, сначала девушкой, а потом с мужем и детьми, проводила лета в Ясной Поляне у Толстых. Ее воспоминания „Моя жизнь дома и в Ясной Поляне" в трех частях изданы М. В. Сабашниковым. М. 1925—26 г.г. Второе издание М. 1927—28 г.г.

18. В то время между Москвой и Тулой железной дороги не было и поездки совершались на лошадях: От Москвы до Тулы по железной дороге 182 версты.

19. Надежда Александровна Карнович, рожд. Иславина (ум. 1900 г.)—тетка Софьи Андреевны, дочь Александра Михайловича Исленьева и Софьи Петровны, рожд гр. Завадовской. Замужем была за Владимиром Ксенофонтовичем Карнович.

20. Засека, соседний с Ясной Поляной, большой казенный лиственный лес (32.000 десятин), тянется полосой шириной от двух до пяти верст через всю Тульскую губ. В XVI и XVII столетиях деревья в Засеке засекались, что служило заграждением от набегов татар. Отсюда название леса. Железнодорожная станция, ближайшая к Ясной Поляне, расположена среди этого леса и называлась Козлова Засека. Так называемое киевское шоссе (между Москвой и Киевом) пересекает Засеку и проходит вблизи Ясной Поляны.

21. Татьяна Александровна Ергольская (1795—1874)—троюродная сестра отца Л. Н. и воспитательница Толстого, жившая в Ясной Поляне. Рано осиротев, Татьяна Александровна была воспитана бабкой Л. Толстого, Пелагеей Николаевной Толстой, рожд. княж. Горчаковой (1731—1811). После смерти матери Льва Николаевича посвятила себя воспитанию ее детей. По словам Толстого, Татьяна Александровна после отца и матери была самым важным лицом в смысле влияния на его жизнь. В „Воспоминаниях детства" Толстой посвятил Ергольской VI главу.

22. Наталья Петровна Охотницкая,—бедная дворянка, жившая в Ясной Поляне у Толстых в качестве не то подруги, не то приживалки Татьяны Александровны Ергольской. После смерти последней перешла в богадельню, учрежденную в Спасском И. С. Тургеневым, где и умерла, впавши в слабоумие.

23. Одно время эта комната служила кабинетом Л. Толстого. Картина Репина „Толстой за писаньем" изображает его в этой комнате со сводами.

24. Кн. Николай Сергевич Волконский (1753—1821)—сын кн. Сергея Федоровича Волконского (1715—1784) и Марии Дмитриевны, рожд. Чаадаевой, дед Л. Н. Толстого со стороны матери. Генерал-аншеф в отставке. Устроитель

Ясной Поляны. Был женат на Екатерине Дмитриевне, рожд. княжне Трубецкой (1749—1792).

Николай Сергеевич выведен Толстым в „Войне и мире“ в лице Николая Андреевича Болконского.

О нем см. „Воспоминания детства“ Л. Толстого и в книге Н. Н. Гусева „Толстой в молодости“. М. 1927.

25. Евдокия Николаевна Орехова (Дуняша) (ум. 1879)—горничная у Толстых, дочь дядьки братьев Толстых, Николая Дмитриевича Банникова (?), замужем была за камердинером Л. Толстого, Алексеем Степановичем Ореховым.

26. Алексей Степанович Орехов (ум. в 1880-х г.г.)—был одним из тех мальчиков, о которых Л. Толстой пишет в своих „Воспоминаниях детства“: „Очень глупая мысль была у опекунши-тетушки дать нам [т.-е. четырем братьям Толстым] каждому по мальчику с тем, чтобы потом это был наш преданный слуга“. А. С. Орехов был вместе с Л. Толстым на Кавказе и в Севастополе; позднее он был приказчиком в Ясной Поляне.

27. Елизавета Николаевна Громова, рожд. Карпова—жена тульского архитектора Федора Васильевича Громова. На их дочери женился племянник Л. Н. Толстого, сын Марьи Николаевны, Николай Валерьянович Толстой.

28. Софья Павловна Берхольц (р. в 1844 г.), вышедшая замуж за своего двоюродного брата, горного инженера Александра Андреевича Ауэрбах. Знакомые Толстых, бывавшие в Ясной Поляне. Жила у тетки своей Юлии Федоровны Ауэрбах в Горячкине. См. след. примечание.

29. Юлия Федоровна Ауэрбах, рожд. Берхольц, была замужем за Германом Андреевичем Ауэрбах; жили близ Тулы в своем имении Горячкине. У них был свеклосахарный завод. Знакомые Толстых. Юлия Федоровна была начальницей Тульской женской гимназии.

30. Козлова Засека—станция Моск. Курск. ж. д. в $3^1/_2$ верстах от Ясной Поляны. Теперь называется ст. „Ясная Поляна“. См. примечание 20.

31. Красное—Тульской губ., верстах в 35 от Ясной Поляны—имение Александра Михайловича Исленьева, деда Софьи Андреевны, в котором он жил, сойдясь с Софьей Петровной Козловской и которое впоследствии, после смерти жены, проиграл в карты. См. воспом. Т. А. Кузминской, ч. I.

32. Кн. Софья Петровна Козловская, рожд. гр. Завадовская (ум. в 1830 г.),—мать матери Софьи Андреевны, первая жена Александра Михайловича Исленьева.

33. Кн. Владимир Николаевич Козловский (род. 1790 г.)—сын кн. Николая Михайловича Козловского и Анны Леонтьевны, рожд. Карабановой.

34. У Александра Михайловича Исленьева от сожительства с кн. Софьей Петровной Козловской было 6 человек детей. Как незаконнорожденные (Софья Петровна была не разведена со своим первым мужем, кн. В. Н. Козловским (см. предыдущее прим.), они носили вымышленную фамилию Иславиных.

35. Ивицы—имение Александра Михайловича Исленьева, Тульской губ. Одоевского у., в 50 верстах от Ясной Поляны.

36. В Московском Толстовском Музее есть портрет Александра Михайловича Исленьева, изображающий его именно таким, как его описывает Софья Андреевна. Портрет этот воспроизведен в № 3 „Огонька“ за 1928 г.

37. Гр. Николай Ильич Толстой (1795—1837)—отец Л. Н. Толстого, сын гр. Ильи Андреевича Толстого (1757—1820) и Пелагеи Николаевны, рожд. кн. Горчаковой (1762—1838). Женат был с 1822 года на Марье Николаевне, рожд. кн. Волконской (1790—1830). В 1800 г. Николай Ильич был зачислен на службу губернским регистратором. В 1812 г. поступил корнетом в 3-й Украинский казачий регулярный полк, участвовал в кампании 1812 года, совершил в рядах действующей армии поход 1813 года. В этом году произведен в поручики, а затем в штабс-ротмистры, в 1814 г. в этом чине был переведен в Кавалергардский полк; посланный в Петербург курьером, он на обратном пути был взят в плен французами, из которого освобожден при вступлении русских войск в Париж. В 1817 г. майор Белорусского гусар. (пр. Оранского) полка. 14 марта 1819 г. вышел в отставку в чине подполковника. Умер скоропостижно в Туле летом 1837 г.

Николай Ильич и Мария Николаевна изображены Толстым в „Войне и мире“ в образах Николая Ростова и Мари Болконской.

38. Валериан Петрович Толстой (1813—1865)—сын гр. Петра Ивановича Толстого (1785—1834) и Елизаветы Александровны, рожд. Ергольской (1790—1851), муж сестры Л. Н. Толстого—Марьи Николаевны, с которым она разошлась в 1857 году.

39. Покровское-Стрешнево, в 12 верстах от центра Москвы, по Виндавской ж. д. первая станция. Уже в 60 годах было дачным местом. В Покровском из года в год Берсы жили на даче.

40. Андрей Евстафьевич Берс (1808—1868)—отец Софьи Андреевны. Врач Московской дворцовой конторы, 1842 коллежский асессор, 1864 действ ст. сов. По окончании Моск. Университета Андрей Евстафьевич в 1822 году с семьей Тургеневых (родителей Ивана Сергеевича Тургенева) поехал в Париж. Вернувшись из Парижа, где он пробыл два года, Андрей Евстафьевич поступил на службу в сенат. В кремлевском дворце ему была предоставлена казенная квартира. При Николае I Берс получил звание гоф-медика. (См. воспом. Т. А. Кузминской „Моя жизнь дома и в Ясной Поляне“, ч. I., М. 1927, изд. 2-е Сабашникова).

41. У Софьи Андреевны были следующие братья:

Александр Андреевич Берс; о нем см. прим. 6.

Петр Андреевич Берс (1849—1910). В 1881—1882 г.г. был ред.-изд. журнала „Детский отдых“. В 1883 г. с кн. Л. Д. Оболенской издал сборник рассказов „Рассказы для детей И. С. Тургенева и гр. Л. Н. Толстого“ с рисунками Васнецова, Репина, Маковского, Сурикова (2 изд. 1886 г.). Был Клинским исправником. Женат на Ольге Дмитриевне, рожд. Постниковой (с 1874 г.)

Владимир Андреевич Берс. О нем примеч. 11.

Степан Андреевич Берс (1855—1909)—автор „Воспоминаний о гр. Л. Н Толстом“, Смоленск 1894, относящихся к 1866—1878 г.г. Воспитывался в Училище Правоведения, затем служил судебным следователем.

Вячеслав Андреевич Берс (1861—1907)—инженер путей сообщения, один из строителей Сибирской магистрали и Троицкого моста в Петербурге.

42. Из Ясной Поляны Лев Николаевич с Марьей Николаевной и Берсами выехали 17 августа (1862 г.)

43. В 1859 г. Л. Н. Толстой учредил школы для крестьянских детей Ясной Поляны и нескольких соседних деревень. Яснополянская школа помещалась во флигеле усадьбы, называвшемся впоследствии „домом Кузминских“, так как в нем втечение 25 лет, по летам жила свояченица Л. Н. Т. А. Кузминская с мужем и детьми. Школы этого периода существовали до начала 1863 г., когда увлечение Толстого педагогическими занятиями сменилось увлечением художественным творчеством. С 1863 года наступила эпоха писания „Войны и мира“.

44. Журнал назывался: „Ясная Поляна. Школа. Журнал педагогический, издаваемый гр. Л. Н. Толстым“. Журнал издавался всего один (1862) год, в Москве. Вышли №№ 1—12.

45. Обыск в Ясной Поляне происходил 6—7 июля 1862 г., в отсутствие Л. Н., бывшего с 20 мая по 31 июля в Самарской губернии, на кумысе. Причиною обыска было подозрение, что студенты-учителя Яснополянской школы устроили тайную типографию и печатали запрещенные книги. При обыске ничего не было обнаружено.

Письмо Александру II было написано Толстым 22 августа 1862 года. Напечатано в книге „Дело III Отд. 1862 г. о Льве Толстом“. Изд. журнала „Всемирный Вестник“, 1906, стр. 62—63.

46. Письмо-предложение Л. Н. Толстого Софье Андреевне, переданное им ей 16 сентября 1862 г., напечатано в „Письмах Л. Н. Толстого к жене“ М. 1915 г., изд. 2, стр. 1—2. О романе между Львом Николаевичем и Софьей Андреевной, а также о недоразумении при предложении Толстого, когда все думали, что он ухаживает и должен жениться на старшей из сестер Берс— Елизавете Андреевне (о ней прим. 5), подробно рассказано Т. А. Кузминской в воспоминаниях: „Моя жизнь дома и в Ясной Поляне“. М. 1927 г., ч. I, изд. 2-е.

47. Кн. Екатерина Алексеевна Оболенская (р. 1850 г.) дочь кн. Алексея Васильевича Оболенского и Зои Сергеевны Сумароковой. Первым браком была за Мордвиновым, вторым за знаменитым доктором терапевтом С. П. Боткиным.

48. Ольридж (Айра О.) (1804 или 1810—1867)—знаменитый актер негр. Выступал в роли Отелло Шекспира в Лондоне, объехав затем всю Европу. Впервые в России выступал в 1858 году, в Петербурге, позднее на многих провинциальных сценах.

49. Ольга Дмитриевна Зайковская—дочь инспектора студентов Московского Университета, подруга Софьи Андреевны. В архиве Софьи Андреевны, находящемся в Ясной Поляне, есть письма Ольги Дмитриевны к Софье Андреевне.

50. Федор Тимофеевич Стелловский (ум. 1875 г.)—книгоиздатель и владелец типографии, литографии и нотного магазина; в 1864 г. издал „Сочинения графа Л. Н. Толстого в двух частях“.

51. Василий Степанович Перфильев (1826—1890)—сын Степана Васильевича Перфильева (1796—1878), жандармского генерала в Москве от его первого брака. В 1857—1860 г.г. был Кирсановским уездным предводителем дворянства, в 1878—1887 г.г.—Московским губернатором. Приятель Толстого, посаженый отец на его свадьбе.

Прасковья Федоровна Перфильева, рожд. гр. Толстая (1831—1887)—жена Василия Степановича, дочь гр. Федора Ивановича Толстого („Американца“) (1787—1846) и Евдокии Максимовны Тугаевой (1796—1861). Была посаженой матерью на свадьбе Толстого, приходится троюродной сестрой Льву Николаевичу.

52. Федор Иванович Тимирязев (р. 1832 г.)—сын Ивана Семеновича Тимирязева и Софьи Федоровны, рожд. Вадковской, шафер на свадьбе Л. Н. Толстого.

53. Сергей Николаевич Толстой (р. 17/II 1826 г., ум. 23/VIII 1904 г.)—брат Л. Н. Толстого, с которым он во всю жизнь был очень близок и находился в постоянной переписке. До нас дошло 175 писем Льва Николаевича к Сергею Николаевичу, в большинстве неопубликованных.

Сергей Николаевич был женат с 7/VI 1867 г. на цыганке Марье Михайловне Шишкиной (1829—1919), с которой жил 18 лет до венчания.

54. Пелагея Ильинична Юшкова, рожд. гр. Толстая (1801—1875)—тетка Л. Н. Толстого, сестра его отца Николая Ильича, после смерти которого была опекуншей оставшихся детей. Была замужем за Владимиром Ивановичем Юшковым (1782—1869), казанским помещиком, полковником в отставке.

Будучи студентом Казанского Университета (1844—47 г.г.), Л. Н. Толстой жил у Юшковых.

55. Михаил Александрович не Исленьев, как его называет С. А., а Иславин (см. прим. 34) (1819—1905) сын А. М. Исленьева (о нем прим. 12) и Софьи Петровны, рожд. гр. Завадовской, родной дядя Софьи Андреевны по матери.

В службе с 1844 г. Служил в Мин. Гос. Им. 1850—51 и 1852—56 годы в отставке. В 1872 г. действ. ст. сов., в 1874 г. состоял при Министре Гос. Имущ., с 1878 г. в отставке.

56. Семья Берсов жила в Кремле, на казенной квартире, в доме Ордонансгауза (Комендантского Управления).

57. „Анна Каренина“ часть пятая, главы I—VI.

58. Митрофан Андреевич Поливанов (1842—1913)—сын Андрея Андреевича Поливанова и Елизаветы Ивановны Смирновой, брат известного военного министра. Служил в 3 стрелковом батальоне и в л.-гв. Егерском полку. Окончил Инженерную Академию и занимал там должность репетитора. Состоял начальником участка б. Николаевской ж. д., затем заведывал придворными конюшенными зданиями.

Поливанов был влюблен в Софью Андреевну, повидимому имея намерение на ней жениться. Она то же была к нему неравнодушна, прежде чем полюбила Толстого.

Подробнее см. об этом в воспоминаниях Т. А. Кузминской „Моя жизнь дома и в Ясной Поляне“. М. 1927 г., ч. I, изд. 2-е.

59. Николай Богданович Анке (1803—1872) происходил из купцов, уроженец Москвы, доктор медицины Дерптского Университета, в 1832 г.—заслуженный профессор Моск. Университета, тайный советник. Был женат на Елизавете Джаксон (1814—1870). Знакомый Берсов, друг Андрея Евстафьевича Берс.

60. Степанида Трифоновна долгое время была кухаркой и экономкой у Берсов, а затем у Кузминских.

61. „Материалы для биографии А. С. Пушкина“, изданные П. В. Анненковым, СПБ. 1855, представляющие собою первый том собрания сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова.

62. Артур Шопенгауэр — знаменитый немецкий философ (1788—1860), которого с увлечением читал Толстой летом 1869 г. В письме к Фету от 30/VIII 1869 г. Толстой писал: „...Знаете ли, что было для меня нынешнее лето? Неперестающий восторг перед Шопенгауэром и ряд духовных наслаждений, которых я никогда не испытывал. Я выписал все его сочинения и читал и читаю (прочел и Канта). И верно ни один студент в свой курс не учился так много и столь многого не узнал, как я в нынешнее лето. Не знаю, переменю ли я когда мнение, но теперь я уверен, что Шопенгауэр гениальнейший из людей. Вы говорили, что он так себе кое-что писал о философских предметах. Как кое-что? Это весь мир в невероятно ясном и красивом отражении. Я начал переводить его...“ А. А. Фет. „Мои воспоминания“. М. 1890, ч. II, стр. 199—200.

Переводов Толстым Шопенгауэра в его архиве не сохранилось.

63. Гегель (1770—1831)—знаменитый немецкий философ.

64. „Замысел писать и составлять книги для детского чтения“ Толстым был выполнен. В 1872 году им была издана знаменитая „Азбука“ в четырех книгах. В результате чтения Львом Николаевичем сказок и былин им изложены в „Азбуке“ и в „Русских книгах“ сказки и „сказки и стихи“ Святогор-богатырь, Вольга-Богатырь, Микулушка-Селянинович.

65. Свое отрицательное отношение к Шекспиру Толстой высказал в статье „О Шекспире и о драме“, впервые напечатанной в газете „Русское Слово“ за 1906 г., №№ 277, 279—282 и 285. Отд. Изд. Сытина. М. 1907.

66. Афанасий Афанасьевич Фет (Шеншин) (1820 — 1892)—знаменитый лирический поэт, друг Толстого, находившийся с Львом Николаевичем до 1881 года в постоянной переписке. С 1856 года—начала знакомства Фета с Толстым — до нас дошло около 150 писем Толстого к Фету, из них многие напечатаны в Воспоминаниях Фета: А. А. Фет. „Мои воспоминания“. М. 1890, ч. I—II.

67. Николай Герасимович Устрялов (1805—1870)—профессор Петербургского Университета, академик-историк. „История царствования Петра I“, незаконченный 23-летний труд Устрялова. Вышли томы I—III (1858), том VI (1859) и том IV (1864).

68. Кн. Александр Данилович Меншиков (1670—1729) — сподвижник Петра Великого и фаворит Екатерины I, выходец из народа.

69. Василий Яковлевич Мирович (1740 — 1764)—поручик, казненный за попытку освободить из Шлиссельбургской крепости свергнутого (в 1841 году) с престола Иоанна Антоновича.

70. „Тип женщины, замужней, из высшего общества, потерявшей себя“— это тип героини следующего за „Войной и миром“ романа Толстого „Анна Каренина“ (писалась в 1873—77 г.г.).

71. „Заря“ — ежемесячный учено-литературный и политический журнал, издававшийся в Петербурге Василием Владимировичем Кашпиревым в 1869—72 г.г. В 1872 году вышли только №№ 1—2.

72. Николай Николаевич Страхов (1828 — 1896)—известный критик и философ, автор статей о Толстом, находившийся с ним в дружбе и переписке. Переписка эта опубликована в книге „Толстовский Музей, том II. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым 1870—1894 г.г.“. Предисловие и примечания Б. Л. Модзалевского, СПБ. 1914 г.

В №№ 1—2 „Зари“ 1869 г. и в № 3 1870 г. были напечатаны четыре статьи Страхова о „Войне и мире“, по словам Толстого поднявшие его „Войну и мир“ на такую высоту, с которой она уже потом и не спускалась. Отдельное издание этих статей СПБ. 1871 г.

73. Федор Федорович Рис—владелец типографии в Москве, в которой печатались первые два издания „Войны и мира“, „Азбука“ и „Анна Каренина“.

74. Толстой в Москве пробыл всего несколько дней. Выехал он из Ясной Поляны в самых первых числах декабря 1870 года, а 6 декабря уже вернулся в Ясную Поляну. См. из Москвы письмо Толстого (1870) к Софье Андреевне („Письма Л. Н. Толстого к жене“. М. 1915, изд. 2-е, стр. 77, № 64), начинающееся словами „Приехал я прекрасно....“

75. Сергей Львович Толстой—старший сын Льва Николаевича и Софьи Андреевны, родившийся 28 июня 1863 года.

76. Зимой 1870 — 1871 года Толстой увлекался изучением греческого языка и поразительно быстро, втечение 3 — 4 месяцев, овладел языком настолько, что мог свободно читать по-гречески.

77. Ксенофонт (V—IV в. до нашей эры)—греческий историк и писатель.

78. Платон (V — IV в. до нашей эры) — величайший древне-греческий философ и поэт.

79. „Одиссея“ и „Илиада“—древнейшие и величайшие древне-греческие эпические поэмы Гомера (за 9 веков до нашей эры).

80. Николай Иванович Гнедич (1784—1833)—поэт. Перевел гекзаметром „Илиаду“ Гомера.

81. Четии-Минеи—произведения русской церковной и духовной литературы. В них в порядке месяцев и дней помещены повествования о жизни святых православной церкви.

82. Действительно „Азбуку“ Толстого не поняли. Но неуспех ее был лишь временный. В 1874 г. и особенно в 1875 г., когда вышло второе издание, она вызвала большое сочувствие и стала знаменитой. Несколько поколений русских людей выучились грамоте по „Азбуке“ Толстого.

83. Алексей Михайлович (1629—1676)—второй царь из династии Романовых.

84. „Анну Каренину“.

85. „Сочинения Пушкина“ том пятый, изд. Анненкова, СПБ. 1855.

86. Повидимому, это отрывок „В 179... году возвращался я в Лифляндию“. Соч. Пушкина, т. V., СПБ. 1855, стр. 517—18.

87. О том, как начата была Толстым „Анна Каренина“, Сергеенко рассказывает следующее: „Вечером в 1873 году Лев Николаевич вошел в гостиную, когда его старший сын, Сергей, читал вслух своей тетке Пушкинские „Повести Белкина“. При появлении Льва Николаевича чтение прекратилось. Он спросил, что они читают, раскрыл книгу и, прочитавши, „гости

съезжались на дачу“, пришел в восхищение. — Вот как всегда следует начинать писать! — сказал он. — Это сразу вводит читателя в интерес... Придя в свой кабинет, Л. Н. в тот же вечер написал: „Все смешалось в доме Облонских“. И потом уже когда начал писать роман, пометил в начале: „Все счастливые семьи похожи друг на друга, всякая несчастливая семья несчастна по своему“. П. Сергеенко: „Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой“. М. 1898, стр. 72.

Отрывок Пушкина „Гости съезжались на дачу“ помещен в V томе его сочинений, изданных Анненковым, СПБ, 1855, стр. 502—506 и начинается словами: „Гости съезжались на дачу. Зала наполнялась дамами и мужчинами, приехавшими в одно время из театра, где давали новую итальянскую оперу“...

88. Федор Федорович Кауфман (р. 1837 г.),—саксонец, бывший наставником трех старших сыновей Л. Н. Толстого впродолжение двух лет (1872—74).

89. Константин Александрович Иславин (1827—1903)—родной дядя Софьи Андреевны Толстой, брат ее матери, сын Александра Михайловича Исленьева и Софьи Петровны, рожд. гр. Завадовской. О нем см. „Воспоминания“ Ильи Л. Толстого, М. 1914 и записки Т. А. Кузминской.

90. В Бузулукском уезде Самарской губ. в 1871 г. у флигель-адъютанта полковника Николая Павловича Тучкова Толстым было куплено имение в 2500 дес. земли (купчая крепость утверждена самарским старшим нотариусом 9 сент. 1871 г.). Позднее Толстым в том же Бузулукском уезде у генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, барона Родерига Григорьевича Бистром, было куплено еще 4022 дес. земли (купчая крепость утверждена самарским старшим нотариусом 12 апреля 1878 г.). Ездил в свои самарские имения Толстой неоднократно и один и с семьей. (1871, 1873, 1875 1876 и позднее в другие годы).

91. Иван Николаевич Крамской (1839 — 1887)—известный художник В сентябре 1873 г., по заказу П. М. Третьякова (1839—1898) для его галлереи написал портрет со Льва Николаевича, который находится в Третьяковской галлерее. Это вариант другого портрета, одновременно написанного по просьбе Толстого для его семьи и хранящегося в Ясной Поляне. (Копия Н. В. Орлова с этого портрета находится в Московском Толстовском музее).

О том, как писались Крамским портреты с Толстого, см. в книге Н. Н. Гусева „Толстой в расцвете художественного гения“ [М. 1927] стр. 172—175.

92. Кн. Дмитрий Дмитриевич Оболенский (р. 1844 г.) и его жена Елизавета Петровна, рожд. Вырубова—тульские помещики, знакомые Л. Н. Толстого. Их имение Шаховское было в Богородицком уезде, верстах в 60 от Ясной Поляны.

93. Татьяна Львовна Толстая (род. 4/X 1864 г.)—старшая дочь Л. Н. Толстого. С 1899 года замужем за Михаилом Сергеевичем Сухотиным (1850—1914).

94. Глава XXII или XXIII пятой части „Анны Карениной“.

95. Глава XXVIII пятой части.

96. В главе XXVIII (пятой части) окончательной редакции Вронский с Анной останавливаются в гостинице в разных этажах.

97. Переселенцы—крестьяне, переселившиеся из центральных перенаселенных губерний на окраины России, в Самарскую губернию, на Урал, в Сибирь, на Амур, в Туркестан и другие места. В 70 г.г. на окраинах России было особенно много хорошей свободной земли, плохо заселенной крестьянами-земледельцами, которые после освобождения от крепостного права сильно стремились расширить свое хозяйство.

98. Новое произведение, о котором Толстой говорит, что будет любить в нем „мысль русского народа в смысле силы завладевающей",—это „Декабристы". Общеизвестно, что роман о декабристах Толстой начал писать с 1863 года, но, уйдя к истокам декабризма, встретился с материалами о 1812 годе, увлекся ими и стал писать „Войну и мир". В 1877 г., еще не окончив „Анну Каренину", Толстой вновь возвращается к произведению о декабристах, мысля, однако, его несколько по-новому. Теперь Л. Н. в центр ставит русского мужика, который завоевывает землю „не войною, не кровопролитием, а этой русской земледельческой силой". По замыслу романа связь переселенцев с декабристами должна была состоять в том, что один из декабристов попадает к крестьянам-переселенцам. Но и в этот приступ писания роман из эпохи декабристов не пошел дальше нескольких отрывков (1877—1878). Четыре из этих отрывков опубликованы М. А. Цявловским в библиотеке „Огонька" № 85. М. 1925.

99. Гр. Алексей Павлович Бобринский (1826—1894)—правнук Екатерины II и Г. Г. Орлова (1734—1783). Богатый помещик Богородицкого уезда. В 1871 году—товарищ министра путей сообщения, в 1871—74 г.г.—министр путей сообщения. В 1873 году приезжал в Ясную Поляну и там излагал свою веру, воспринятую им от английского проповедника Рэдстока и состоявшую в том, что спасение обретается не столько добрыми делами, сколько верой в Христа. Проповедь Рэдстока имела большой успех в среде Петербургского высшего круга.

100. Гр. Александра Андреевна Толстая (1817—1904) дочь Андрея Андреевича Толстого (1799—1871), родного брата деда Л. Толстого гр. Ильи Андреевича и Прасковьи Васильевны Барыковой (1796—1879). С 1891 года камер-фрейлина—двоюродная тетка Льва Николаевича.

Толстой с гр. Александрой Андреевной, по ее словам, познакомился в Москве у вдовы общего их родственника графа Федора Ивановича Толстого („Американца"), короче сошлись они в Петербурге в зиму 1855—1856 г.г., по приезде Толстого из Севастополя и затем в Швейцарии в 1857 г.

В дружбе с Александрой Андреевной Лев Николаевич был до самой ее смерти. Их переписка (с 1857 по 1903 год, заключающая в себе 119 писем Толстого и 66 ответных Александры Андреевны) издана в книге „Толстовский Музей, т. I. Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой". СПБ. 1911.

Об Александре Андреевне см. в „Вестнике Европы" 1904 г., книга 6, стр. 441—465, Ив. И. Захарьин (Якунин) „Графиня Александра Андреевна Толстая. Личные впечатления и воспоминания".

101. Григорий Антонович Захарьин (1829—1897)—знаменитый врач-терапевт. С 1862 года—профессор Московского Университета по кафедре

диагностики. Л. Н. Толстой с 1867 года постоянно пользовался советами Захарьина о своем здоровьи.

102. Кто такой Левицкий, установить не удалось.

103. Война с Турцией (1877—1878)—так называемая „Восточная война" или „Война за освобождение славян". В Боснии и Герцеговине, в турецких областях, населенных сербами, вспыхнуло восстание вследствие притеснений при сборе податей. Восстание вспыхнуло и в Болгарии. Турки жестоко его подавляли, чем вызвали возмущение Черногории и Сербии, которые в 1876 г. начали войну с Турцией. Русское правительство, покровительствуя балканским славянам, потребовало у Турции прекращения войны, а вслед за этим амнистию и самоуправление восставшим областям. Созванная по почину России конференция европейских дипломатов потребовала от турецкого султана прекращения зверств и реформ для славян, от чего султан отказался. 12 апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции. Война была победоносной, но с неудовлетворительными политическими результатами для России, вследствие дипломатического вмешательства держав Европы. Подъем общественного настроения в начале войны, в конце ее сменился разочарованием и недовольством.

104. Оптина-Введенская-Макариева мужская пустынь (с 1764 г.) Калужской губ,, Козельского уезда. По преданию, основана разбойничьим атаманом Оптою еще в XIV столетии.

В 20-х числах июня 1877 г. Л. Н. Толстой с Н. Н. Страховым посетил Оптину пустынь, где виделся и беседовал со старцем Амвросием.

В Оптиной пустыни Л. Н. Толстой был четыре раза. См. об этом воспоминания Софьи Андреевны Толстой: „Четыре посещения гр. Льва Николаевича Толстого монастыря „Оптина Пустынь". Толстовский Ежегодник 1913 г., стр 3—7.

105. Ст. Лазарево, Московск.-Курск. ж. д. в 15 верстах от Пирогова и верстах в 30—35 от Ясной Поляны.

106. Никольское-Вяземское—имение Толстых в Чернском уезде, Тульской губернии, верстах в 100 от Ясной Поляны. Принадлежало старшему из братьев Толстых — Николаю Николаевичу, после смерти которого (1860 г.) перешло к Льву Николаевичу. После раздела между детьми Л. Н. Толстого досталось Сергею Львовичу Толстому.

107. „Анна Каренина" печаталась в „Русском Вестнике" Каткова в №№ 1, 2, 3 и 4 за 1875 г.; в №№ 1, 2, 3, 4 и 12 за 1876 г. и в №№ 1, 2, 3 и 4 за 1877 г. На XXX главе седьмой части печатание романа в „Русском Вестнике" обрывается. „Анна Каренина". Роман графа Л. Н. Толстого. Часть восьмая и последняя. (М. Типогр. Т. Рис. 1877), была издана отдельно, так как Катков отказался печатать ее в своем журнале вследствие выраженного Толстым в последней части романа несочувствия участию русских добровольцев в Сербской войне. См. прим. 103.

Летом 1877 г. Толстой исправил „Анну Каренину" для отдельного издания, которое и вышло в свет под названием: „Анна Каренина, роман графа Л. Н. Толстого в восьми частях. Москва. Типография Т. Рис. 1878 г.". На обложке книги помечено „Издание второе", хотя оно было, не считая журнального текста, первым

108. Андрей Львович Толстой (род. 6/XII 1877 г. в Ясной Поляне, умер 24/II 1916 г. в Петербурге)—средний сын Толстого. Был женат первым браком (с 1899 г.) на Ольге Константиновне, рожд. Дитерихс (р. 1873 г.), вторым (с 1907 г.) на Екатерине Васильевне, рожд. Горяиновой (р. 1876 г.).

109. В первой половине февраля 1878 г., должно быть 9—11 числа Толстой ездил в Москву за книгами и материалами о декабристах. В письме к Страхову, помеченному последним 8.II—1878, Толстой пишет: „...Я еду завтра в Москву за книгами. Круг нужных мне книг теперь очень определился, и чего я не найду в Москве, я имею дерзость рассчитывать на вас, о чем мы переговорим. Я дома буду 11...“ Пер. Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894. Толстовский Музей, т. II, СПБ. 1914, стр. 150; № 66.

110. Сергиевское, большое село в 60 верстах от Ясной Поляны при станции Паточной Московско-Курск. ж. д. Там в то время было сосредоточено административное и военное управление Крапивенского уезда.

111. Сергей Андреевич Юрьев (1821—1888)—известный литературный деятель, по направлению левый славянофил, знакомый Л. Н. Толстого. В 1871—1872 году издавал на средства А. И. Кошелева (1807—1883) журнал „Беседа“. В 1878 году—Председатель Общества Любителей Российской Словесности. В 1880—1885 г.г. редактор журнала „Русская Мысль“. После смерти Островского (1886) Юрьев был избран председателем Общества русских драматических писателей. Памяти Юрьева издан его друзьями сборник, „В память С. А. Юрьева“ М. 1891, в который Л. Н. Толстой дал пьесу „Плоды Просвещения“.

112. Впоследствии это—„Соединение, перевод и исследование 4 евангелий“.

113. Александр Николаевич Бибиков (1827—188?), получил образование в Тульской землемерной школе. В 1842—1855 г.г. служил в Тульской губернской чертежной. С 1880 г.—председатель Крапивенской Земской Управы. Помещик Крапивенского и Богородицкого уездов. Сосед Толстых. Жил в своем имении Телятенки, верстах в 3 от Ясной Поляны.

Женат первым браком на Наталье Николаевне Марсошниковой (1830—1866), вторым на Ольге Адольфовне Фирекель.

114. Ольгу Адольфовну Фирекель, на которой А. Н. Бибиков (23/IV 1872) женился.

115. Анна Степановна Зыкова (1837 — 1872) дочь полковника, дальняя родственница Натальи Николаевны Марсошниковой, первой жены А. Н. Бибикова, его сожительница после смерти жены. В первых числах января 1872 года покончила с собою, бросившись под поезд. Это самоубийство, как тему, и использовал Толстой в „Анне Карениной“.

116. Ясенки—ст. Моск.-Курск. ж. д., ныне Щекино, в 5 верстах от Ясной Поляны.

117. Личное знакомство Толстого с Тургеневым началось с 1855 года, когда Л. Н. Толстой (21 ноября) приехал из Севастополя в Петербург и остановился у Тургенева. Иван Сергеевич был знаком с сестрой Льва Николаевича Марьей Николаевной Толстой (прим. 14) и знал заочно Толстого по его рассказам и высоко ценил его первые произведения.

Истории взаимоотношений Толстого и Тургенева посвящен ряд работ, из которых назовем последние: Скворцов. „Тургенев и Толстой“, Жнур

Минист. Народн. Просвещ. 1917 г., XI—XII; Португалов. „Новое о прошлом. Л. Н. Толстой об И. С. Тургеневе“, Соврем. 1913, III.

118. Ссора между Толстым и Тургеневым произошла 27 мая 1861 г. О ней см. в воспоминаниях А. А. Фета, М. 1890 г., ч. I, стр. 368—375.

119. Алексей Иванович Давыдов,— книгопродавец и издатель. У него была контора журнала „Современник“.

120. Письмо написано Толстым 6 апреля 1878 года. Напечатано в кн. „Стасюлевич и его современники“, т. III, стр. 480 и в „Огоньке“ 1926 г., 28—II, № 9.

Ответное письмо И. С. Тургенева от 8 (20) мая 1878 г., напечатано в „Первом собр. писем И. С. Тургенева“. Спб. 1884, стр. 331, № 267.

121. Марк Матвеевич Антокольский (1842—1902)—известный русский скульптор, профессор и академик. Скульптура „Иисус перед народом“ исполнена им в 1874 году, в Риме. Находится в Музее Изящных искусств, бывш. Александра III.

122. Тургенев пробыл у Толстых в этот свой приезд в Ясную Поляну 8 и 9 августа, в сентябрьский—2 и 3 сентября.

О пребывании Тургенева в Ясной Поляне см.: Илья Толстой. „Воспоминания“. М. 1914; Т. Л. Сухотина-Толстая. „Друзья и гости Ясной Поляны“, М. 1923 г., стр. 7—28; Сергей Толстой. „Тургенев в Ясной Поляне“. Голос Минувшего, 1918, № 1—4.

123. Григорий Сергеевич Толстой (р. 1853 г.), сын брата Льва Николаевича С. Н. Толстого, считался в то время „незаконным“ его сыном, так как его родители еще не были обвенчаны. Впоследствии он был „узаконен“.

124. Ressources—точно непереводимое слово. Л. Н. Толстой подразумевал под выражением „находить ressources в самом себе“—находить в самом себе источник для наполнения своей жизни, уметь находить интерес в жизни независимо от внешних условий.

125. Студенты—это учителя, приглашенные Толстым в открытую им Яснополянскую школу 1859—1863 г.г. См. прим. 43 и 45.

126. „Влюблен как никогда“—запись в дневнике холостого Толстого (10 — 13 мая 1858 г.). „Она“ „просто баба, толстая, белая“ — это Аксинья Аниканова, яснополянская крестьянка, с которой был в связи Л. Толстой. Дневниковая запись относится к ней.

127. Вероятно, это Герман Андреевич Ауэрбах, см. прим. 29.

128. Александр Михайлович Кузминский (1845—1917)—двоюродный брат Софьи Андреевны Толстой, сын Михаила Петровича Кузминского (1811—1847) и Веры Александровны рожд. Иславиной. Товарищ прокурора в Туле. Кол. секр. 1868 г., затем прокурор в Кутаисе и Тифлисе, председатель Петербургского окружного суда, прокурор судебной палаты в Киеве и сенатор.

С 1867—муж Татьяны Андреевны Берс. О ней прим. 17.

129. Лев Николаевич говорил, что всякая ссора между супругами оставляет „надрез“, который не заживает.

130. 23 декабря 1862 г. Лев Николаевич и Софья Андреевна Толстые приехали в Москву, где прожили, остановившись в гостинице Шеврие, в Газетном пер. до первых чисел февраля. 4—5 февр. они выехали в Ясную

Поляну. Во время пребывания в Москве Толстые почти ежедневно бывали в Кремле у Берсов. См. об этом приезде Толстых в Москву воспоминания Т. А. Кузминской „Моя жизнь дома и в Ясной Поляне", М. 1927 г. Изд. 2, ч. I, стр. 151—160.

131. Валерия Владимировна Арсеньева (1836—1909)—дочь Владимира Михайловича Арсеньева (1810—1853) и Евгении Львовны, рожд. Щербачевой (1808—1856). После смерти В. М. Арсеньева Лев Николаевич был назначен опекуном оставшихся сирот: Валерии, Ольги (1838), по мужу кн. Енгалычевой, Евгении (1845—1909), в супружестве Липранди, и Николая (1846—1907). В качестве опекуна Толстой часто бывал в Судакове—имении Арсеньевых, находившемся в 7 верстах от Ясной Поляны.

В 1856—1857 году Л. Н. был влюблен в Валерию Владимировну и собирался на ней жениться. Известны 18 писем Толстого к Арсеньевой, первое из них от 15—20/VIII 1856, последнее от 6/XII 1857 г. Большая часть из них напечатана в I томе биографии Толстого П. И. Бирюковым. Гиз. М.-П. 1923, изд. 3, стр. 138—158 и по оригиналам в отрывках Н. Н. Гусевым в книге „Толстой в молодости". М. 1927, стр. 257—268.

В 1858 году (8/I) Валерия Владимировна вышла замуж за Анатолия Александровича Талызина (1820—1894), которого после нескольких лет супружества оставила с 4 детьми, выйдя вторично замуж за Николая Николаевича Волкова.

Девиц Арсеньевых, Валерию, Ольгу и Евгению, с их компаньонкой, француженкой Вергани, Толстой в письмах иногда называл „Судаковскими барышнями".

Свой роман с Валерией Арсеньевой Л. Н. Толстой изобразил в „Семейном счастьи". См. ст. П. С. Попова в журн. „Огонек" № 7, 12/II 1928, стр. 5.

132. В это время Толстой имел намерение с своим соседом, помещиком А. Н. Бибиковым (о нем прим. 113), владельцем имения Телятенки, находящегося в 3 верстах от Ясной Поляны, построить винокуренный завод, главным образом, с целью получать с завода барду для пойла коровам и свиньям. Проект этот не осуществился отчасти вследствие несочувствия ему Софьи Андреевны.

133. В 1863 году Толстой значительно расширил в Ясной Поляне яблоневый сад. Сад этот занимает площадь в 35 десятин, с 6.500 деревьев.

134. Кто был В. В., влюбленный в Софью Андреевну—нам установить не удалось. Несомненно, что это было до ее замужества.

135. Молодежь состояла из Татьяны Андреевны Берс, Александра Андреевича Берс, Александра Михайловича Кузминского и Анатолия Львовича Шостак.

136. Анатолий Львович Шостак—сын Льва Антоновича Шостак и Екатерины Николаевны, рожд. Исленьевой. В 1862 году окончил Александровский Лицей. В 1878—1879 годах исполнял должность Черниговского губернатора. дейст. ст. сов. В 1911 г.—тайный советник, в отставке камергер.

Во время пребывания у Толстых Анатолий Львович Шостак ухаживал за Татьяной Андреевной, но, повидимому, не имел намерения жениться на

ней, за что его попросили уехать из Ясной Поляны. См. об этом в воспоминаниях Т. А. Кузминской, ч. II, стр. 69—71.

137. Александр Андреевич Берс (см. примеч. 6) и Александр Михайлович Кузминский о нем, прим. 128.

138. В начале июня 1863 г. Любовь Александровна Берс приезжала из Москвы в Ясную Поляну к родам Софьи Андреевны. В это же время приезжали Татьяна Андреевна и Александр Андреевич Берсы.

139. У Софьи Андреевны вскоре после родов открылась грудница, так что кормление ребенка сопровождалось сильною болью, поэтому взята была кормилица. Лев Николаевич был принципиально против этого, отсюда размолвка его с женой. Выражение „он говорит казенно", т.-е. прописные истины, повидимому относится к вопросу о кормлении сына. Из следующих дневниковых записей Софьи Андреевны видно, что вскоре после размолвки произошло примирение. Однако Л. Н. не мог вполне примириться с тем, что его сына кормит не сама мать. Положение Софьи Андреевны было трудное: она не могла кормить сына, муж был против приглашения кормилицы, а кормить своего болезненного сына искусственно она не умела и считала, что это для него гибельно. Андрей Евстафьевич Берс писал об этом Толстым 8/VIII—1863 года: „... Вопрос о том, брать или не брать кормилицу, равняется у вас Гамлетовскому be or not to be (быть или не быть)—и эту трагедию разыгрывали вы целых 6 недель, вопреки всех просьб и увещаний людей, желающих вам добра. Вы согласились на это только тогда, когда уже были доведены до maximum физических и нравственных страданий, продолжающихся до сих пор. Письмо твое, любезная Соня, от 31 июля, раздирающее душу, я не мог прочесть двух раз,—довольно было одного, чтобы расстроить себе нервы. Ты считаешь себя совершенно несчастной матерью, потому что сочла себя вынужденной взять кормилицу, а муж утешает жену свою тем что обещает не ходить в детскую, потому что ему противна теперешняя обстановка etc., etc..." Т. А. Кузминская „Моя жизнь дома и в Ясной Поляне", 2 изд., М. 1927, ч. 2, стр. 75—76.

140. Эта запись очевидно сделана после прочтения дневника Льва Николаевича, в котором он пишет: „Ее характер портится с каждым днем, я узнаю в ней и Полиньку (Прасковью Федоровну Перфильеву, о ней прим. 51 и Машеньку (Марью Николаевну Толстую, прим. 14) с ворчаньем и озлобленными колокольчиками. Правда, это бывает в то время, как ей хуже; но несправедливость и спокойный эгоизм пугают и мучают меня..."

141. Comte—граф, так в доме Берсов называли Л. Н. Толстого до его женитьбы.

142. Нил Александрович Попов (1833—1891)—профессор русской истории. С 1871 года в звании ординарного проф., доктор истории. В 1882 г.—декан Историко-Филологического Факультета Моск. Университета. Был знакомым Берсов.

143. В семье Берсов предполагали, что Л. Н. женится не на Софье Андреевне, а на Елизавете Андреевне, которая была к нему неравнодушна. См. письмо-предложение Толстого Софье Андреевне в „Женитьбе" и воспоминания Т. А. Кузминской.

144. Толстой ревновал Софью Андреевну к Альфонсу Александровичу Эрленвейн, учителю Яснополянской школы. В дневнике Л. Н. под 18 июня 1863 г. записано: „... Нынче ее видимое удовольствие болтать и обратить на себя внимание Э[рленвейна] и безумная ночь вдруг подняли меня на старую высоту правды и силы. Стоит это прочесть и сказать: да знаю—ревность и еще успокоить меня, чтобы скинуть меня опять во всю с юности ненавистную пошлость жизни... Безумная ночь! [т.-е. ночь терзаний от ревности]. Я тебя ищу чем бы обидеть невольно. Это скверно и пройдет, но не сердись, я не могу не любить тебя... То, что ей может другой человек и самый ничтожный быть приятен—понятно мне и не должно казаться несправедливым для меня, как ни невыносимо, потому что я за эти 9 месяцев самый ничтожный, слабый, бессмысленный и пошлый человек...“

145. „Поэтический август“, это август 1862 года, время жениховства Толстого.

146. Наталья Казакова—крестьянка Ясной Поляны, бывшая замужем за крестьянином деревни Телятенок, кормилица сына Софьи Андреевны, Сергея Львовича.

147. Т.-е. год замужества Софьи Андреевны (свадьба была 23 сентября 1862 г.).

148. Намерение Льва Николаевича пойти „на войну“ известно только из этого упоминания в дневнике Софьи Андреевны. Повидимому, это была действительно „минутная фантазия“. В то время происходило польское восстание, польские повстанцы сражались с русскими войсками. Также еще не была окончена война за покорение Кавказа. (Окончилась в 1864 году).

149. Накануне записи этого дня, 6 октября, Лев Николаевич записал в дневнике про свою предыдущую запись следующее: „Все это прошло и все неправда. Я ею счастлив, но я собой недоволен страшно“. С этого времени отношения между Л. Н. и С. А. улучшились. Под 16 сентября 1864 г. Лев Николаевич записал в дневнике: „Скоро год, как я не писал в эту книгу. И год хороший. Отношения наши с Соней утвердились, упрочились. Мы любим, т.-е. дороже друг для друга всех других людей на свете, и мы ясно смотрим друг на друга. Нет тайн и ни за что не совестно...“

150. К этому времени относится начало работ Толстого по изучению материалов 1812 года, к „Войне и миру“. „Предварительная пахота поля“ как называл Лев Николаевич эту работу в письме к Фету.

См. статью М. А. Цявловского „Как писался и печатался роман „Война и мир“, сб. „Толстой и о Толстом“, 3., М. 1927.

151. В „Войне и мире“, которую Толстой писал с осени 1863 года. См. ст. М. А. Цявловского в 3 сборнике „Толстой и о Толстом“. М. 1927.

152. Алеша Горшок—крестьянин Ясной Поляны, полудурачок, над которым нередко издевались окружающие. Он жил при усадьбе в качестве дворника или сторожа.

153. В то время между Татьяной Андреевной Берс (о ней прим. 17) и Сергеем Николаевичем Толстым (прим. 53) происходил роман. Несмотря на то, что Сергей Николаевич сделал предложение Татьяне Андреевне, которое она приняла, брак между ними не состоялся. Сергей Николаевич жил-

с цыганкой Марией Михайловной Шишкиной (см. прим. 53), от которой имел уже детей, и не решился ее покинуть. Позднее он повенчался с нею. Т. А Кузминская подробно рассказала об этом романе в своих воспоминаниях „Моя жизнь дома и в Ясной Поляне". М. 1927, изд. 2, ч. II.

154. Сергей Николаевич Толстой (о нем прим. 53), живший в своем имении Пирогове в 35 верстах от Ясной Поляны и приезжавший к Толстым. В 1863 году Сергею Николаевичу было 37 лет.

155. Марье Михайловне Шишкиной. См. прим. 53 и 153.

156. „Бабушка" — так Лев Николаевич полушутя называл Александру Андреевну Толстую, хотя она была старше его только на 11 лет. Об Александре Андреевне примечание 100.

157. Младшая сестра Софьи Андреевны, Татьяна Андреевна Берс, которой в то время было 18 лет, и девятимесячный старший сын Софьи Андреевны, Сергей.

158. Лев Николаевич в конце апреля 1864 года ездил в свое имение Никольское-Вяземское. По пути туда Толстой заезжал в Пирогово, откуда дважды в эту поездку писал Софье Андреевне. См. „Письма Толстого к жене". М. 1915, №№ 5—6.

159. 26 сентября 1864 года Толстой поехал к своему соседу А. Н. Бибикову (о нем прим. 113), в Телятенки. С ним были две борзые собаки. По дороге Лев Николаевич увидел зайца, за которым погнались собаки, он поскакал за ними. Лошадь споткнулась и упала, и Лев Николаевич при падении вывихнул правую руку. Тульские доктора вправили руку, но плохо. Толстой поехал в Москву и там 28 ноября в Кремлевской квартире Берсов три хирурга: Попов, Нечаев и Гаак сделали ему вторую операцию и вновь вправили его руку. Операция эта описана Т. А. Кузминской в III части, главе 3, ее воспоминаний „Моя жизнь дома и в Ясной Поляне". М. 1928, изд. 2.

Толстой выехал из Ясной Поляны в Москву 21 ноября, а обратно 12 или 13 декабря.

160. Татьяны Александровны Ергольской, о ней прим. 21, которая вероятно жила некоторое время у Сергея Николаевича и Марьи Николаевны Толстых в Пирогове.

161. Дмитрий Алексеевич Дьяков (1823—1891)—сын Алексея Николаевича (1790—1837) и Ирины Дмитриевны, рожденной Полторацкой, майор Уланского полка, помещик, владелец имения Черемошня в Новосильском уезде Был женат первым браком на Дарье Александровне, рожденной Тулубьевой 1830—1867), вторым на Софье Робертовне, рожденной Войткевич (1844—1880).

Дмитрий Алексеевич был другом Толстого с молодых лет.

162. „Зефироты"—так шутя называл Лев Николаевич своих племянниц, дочерей Марии Николаевны и Валериана Петровича Толстых. Наталья Петровна Охотницкая (компаньонка Татьяны Александровны Ергольской). рассказывала, что откуда-то из зефира прилетели какие-то невиданные, прекрасные птицы „зефироты".

В воспоминаниях Т. А. Кузминской („Моя жизнь дома и в Ясной Поляне", 2 изд., М. 1927, ч. II, стр. 50) о зефиротах приводится разговор Льва Николаевича с Натальей Петровной.

О зефиротах в „Северной Пчеле“ 1860—1861 г.г. был напечатан фельетон П. Г. Арканова.

163. Николай (р. 1863? г.).

164. Повесть Л. Н. Толстого „Казаки“, напечатанная в „Русском Вестнике“ за 1863 г. № 1.

Критика, которую читала Софья Андреевна—это, вероятно, статья Е. Маркова „Народные типы в русской литературе“, напечатанная в „Отечественных Записках“ 1865 г., №№ 1—2, или статья Писарева „Прогулка по садам российской словесности“, напечатанная в „Русском Слове“ 1865 г., № 3.

165. „Война и мир“, писавшаяся Толстым с 1863 по 1869 год.

166. Григорий Сергеевич Толстой. См. прим. 53, 123 и 153.

167. Густав Федорович Келлер—немец, приглашенный в Яснополянскую школу Львом Николаевичем во время его путешествия по Германии. В 1864 г. служил у С. Н. Толстого в качестве воспитателя его сына Григория Сергеевича. Впоследствии—учитель немецкого языка в Тульской гимназии.

168. Пирогово—имение Сергея Николаевича Толстого в Крапивенском уезде, в 35 верстах от Ясной Поляны. Принадлежало ранее Темяшеву. По разделу 1847 г. между братьями Толстыми часть имения досталась Марии Николаевне Толстой.

169. Мария Николаевна Толстая (о ней прим. 14) с дочерьми Варварой Валериановной (1850—1921), в замужестве с 1872 года Нагорновой и Елизаветой Валериановной (1852—жива в 1925), замужем с 1871 г. за кн. Оболенским.

170. Николай Николаевич Волков, помещик Чернского уезда, владелец села Плотицына, в $1^{1}/_{2}$ верстах от Никольского-Вяземского Толстых, бывший стрелковый офицер, впоследствии Чернский предводитель дворянства и председатель земской управы. (Его не следует смешивать с Н. Н. Волковым, вторым мужем Валерии Владимировны Арсеньевой).

171. Няней старших детей Софьи Андреевны — Сережи и Тани—была Марья Афанасьевна Арбузова. Илья Толстой в своих воспоминаниях, (М. 1914, стр. 24) называет ее „бесцветной, но доброй старушкой, вынянчившей нас, пятерых старших детей“.

172. Афанасий Афанасьевич Фет (о нем прим. 66) и его жена Марья Петровна, рожд. Боткина (1828—1894). Они жили в то время в своем имении Новоселках, Мценского уезда, в 15 верстах от Никольского-Вяземского.

173. Татьяна Андреевна Берс осталась гостить у Дьяковых (о них прим. 161) в их имении Черемошня, Новосильского уезда, верстах в 25 от Никольского-Вяземского. См. ее воспоминания: Т. А. Кузминская, „Моя жизнь дома и в Ясной Поляне“. М. 1928, изд, 2-е, ч. III.

174. Это Митрофан Андреевич Поливанов, о нем см. прим. 58, или, что вернее, Нил Александрович Попов, см. прим. 142.

175. В этот свой приезд в Москву, числа 21 января, Толстые, прожив неделю в Кремле у Берсов, сняли в бельэтаже квартиру в 6 комнат по Б. Дмитровке, в доме б. Хлудова (ныне д. № 7), где прожили до начала марта. Числа 4 марта Толстые уехали в Ясную Поляну.

176. Семья Перфильевых состояла из Степана Васильевича (прим. 51), его второй жены Анастасии Сергеевны, рожд. гр. Ланской (ум. 1891 г.) и из

детей Перфильева. Об его сыне от первого брака Василии Степановиче, приятеле Толстого, см. прим. 51.

177. Семья Башиловых состояла: из Михаила Сергеевича Башилова (1820—1870), художника, сына Софьи Михайловны, рожд. Исленьевой, двоюродного дяди Софьи Андреевны, его жены Марьи Ивановны, рожд. Беленко, и их детей. Башиловым нарисованы талантливые иллюстрации к „Войне и миру“ Толстого, частью опубликованные в кн. Э. Лескина „Разбор и извлечение из романа „Война и мир“. М. 1870 и в „Голосе Минувшего“ 1913 г., № 9.

178. Вероятно, княжну Елену Сергеевну Горчакову (1824—1897), дальнюю родственницу Л. Н. Толстого, бывш. начальницей частной гимназии в Москве, или ее мать, кн. Анну Александровну Горчакову, рожд. Шереметеву (1800—1882).

179. Здесь Софья Андреевна говорит о кн. Александре Алексеевне Оболенской, рожд. Дьяковой (1831—1890), сестре Дмитрия Алексеевича Дьякова, жене кн. Андрея Васильевича Оболенского (1825—1875). В 1870 году Александра Алексеевна основала в Петербурге частную женскую гимназию. К ней был неравнодушен Л. Н. Толстой, о чем он говорит в своем дневнике 1856 года.

180. Кто был управляющим—установить не удалось.

Жену управляющего звали Марьей Ивановной.

181. Софья Андреевна говорит здесь о казни солдата Василия Шибунина, давшего пощечину ротному командиру за жестокое обращение с ним и преданного военно-полевому суду. Лев Николаевич был защитником Шибунина Шибунин был расстрелян близ дер. Озерки, в 8 верстах от Ясной Поляны. Об этом см. в кн. Н. Н. Гусева „Толстой в расцвете художественного гения“. [М. 1927], стр. 35—41.

182. Констанция Львовна, дочь акушерки Софьи Андреевны — Марии Ивановны Абрамович.

183. Вероятно, дочери кн. Сергея Дмитриевича Горчакова (1794—1873) Елена Сергеевна и Наталья или Юлия Сергеевна.

184. Вероятно, кн. Евгений Владимирович Львов, тульский помещик, женатый на Варваре Алексеевне, рожд. Мосоловой, отец премьер-министра в 1917 г. Георгия Евгеньевича Львова.

185. Гр. Владимир Александрович Соллогуб (1813—1882) известный писатель, автор „Тарантаса“, знакомый Толстого с 1850 годов.

186. Флигель, где с 1859 по 1863 год была школа, впоследствии названный домом Кузминских. См. прим. 43.

187. Лев Николаевич выехал из Ясной Поляны 10-го и приехал в Москву 11 ноября. Пробыв в Москве неделю, Толстой 18 ноября выехал обратно в Ясную Поляну.

188. 17 сентября (1866), в день именин Софьи Андреевны, Лев Николаевич сюрпризом пригласил военную музыку и устроил танцовальный вечер; оркестр Лев Николаевич пригласил из Ясенок. (Об Ясенках, прим. 116), где стоял полк. У Толстых были в этот день и командир полка Юноша и офицеры. См. воспоминания Т. А. Кузминской, ч. III.

189. Григорий Аполлонович Колокольцев (род. в 1845 г.), сын Аполлона Григорьевича и Марии Николаевны N, знакомый Берсов, был женат на Сабуровой Колокольцев был офицером полка, стоявшего в Ясенках.

190. „Войну и мир", которую Софья Андреевна от руки переписывала до 7 раз.

191. Ханна Тардзей (род. около 1845 г.)—дочь садовника Виндзорского дворца. Поступила воспитательницей детей Толстого, приехав в Ясную Поляну из Англии 12 ноября 1866 г. В 1872 году она вследствие слабого здоровья уехала в Кутаис с Кузминскими, в качестве гувернантки детей Татьяны Андреевны. Через два года вышла замуж за кн. Матчутадзе. Софья Андреевна относилась к ней дружественно; заметка в дневнике вызвана временным ее нерасположением.

192 Дарья Александровна Кузминская (1868 — 1873)—старшая дочь Татьяны Андреевны и Александра Михайловича Кузминских, которая в то время была больна.

193. Лев Львович Толстой, род. 20 мая 1869 года в Ясной Поляне,—третий сын С. А. Толстой. В семье Толстых его называли то Лелей, то Левой. Софья Андреевна нередко называла его Левой, мужа же—Левочкой.

194. Александр Михайлович Кузминский, муж Татьяны Андреевны, был назначен прокурором в Кутаис. (О нем прим. 128).

195. На кумыс в Самарскую губернию Лев Николаевич из Ясной Поляны выехал в начале июня 1871 года, возвратился обратно 2 августа.

196. Митрофан Николаевич, из бывших дворовых, сын дядьки Л. Н. Толстого—Николая Дмитриевича Банникова (?), служил в Ясной Поляне сторожем и объездчиком.

197. „Азбука" печаталась в Москве в типографии Т. Риса. (О Рисе прим. 73, об „Азбуке" прим. 200 и 64, 82).

198. Николай Михайлович Нагорнов (1845—1896)—сын Михаила Михайловича Нагорнова и Надежды Ивановны. С лета 1872 года—муж старшей дочери Марии Николаевны Толстой—Варвары Валериановны. Служил в акцизном управлении, затем в Казенной Палате и членом Московской Городской Управы.

199. Мария Львовна Толстая, род. 12 февраля 1871 года и умерла 23 ноября 1906 в Ясной Поляне. С 2 апреля 1897 года замужем за кн. Николаем Леонидовичем Оболенским (род. 1872 г.).

200. „Азбука графа Л. Н. Толстого" книга I—IV была издана в 1872 г. Отпечатана она была в Петербурге, в типографии К. Замысловского. „Азбука" отдана была для печатания в Москве у Риса, но так как последний тянул издание, Л. Н. отобрал у него рукопись и передал ее Замысловскому. Второе издание (1875 г.) печаталось у Риса.

201. Кто такой Ливен, неизвестно. В записках Софьи Андреевны других упоминаний о нем нет. Должно быть—это знакомый Л. Толстого из князей Ливен.

202. Петр Львович Толстой, род. 13 июня 1872 года в Ясной Поляне и умерший 9 ноября 1873 г.

203. „Анну Каренину", которую Толстой начал писать 18 марта 1873 года См. примечания 87, 107 и „Мои записи разные для справок" Софьи Андреевны.

204. Выехал Толстой из Ясной Поляны в Самару и Оренбург, должно быть, в начале сентября 1876 года, вернулся 20 сентября.

Об имениях Толстых в Самарской губ. прим. 90.

205. Ипполит Михайлович Нагорнов, брат мужа Варвары Валерьяновны, дочери Марьи Николаевны Толстой, скрипач-виртуоз, выступавший заграницей и гостивший летом 1876 г. в Ясной Поляне.

206. M. Jules Rey—Жюль Ре (р. 1848 г.?), швейцарец из Фрибургского кантона, католик, гувернер трех старших сыновей Толстых. Жил в Ясной с 4 июня 1875 г. по декабрь 1877 г.

207. Толстой ездил держать корректуры „Анны Карениной". В февральской книге „Русского Вестника" были напечатаны 17 глав (XIII — XXIX) шестой части романа.

208. Николай Валерьянович Толстой (1850—1879), племянник Льва Николаевича, сын Марьи Николаевны и Валерьяна Петровича Толстых. С 8 октября 1878 г. был женат на дочери тульского архитектора Надежде Федоровне Громовой (р. 1859 г.) (о ее родителях см. прим. 27), вторично вышедшей замуж за Александра Петровича Верховского.

209. Лев Николаевич в то время придерживался православной веры, ходил в церковь и соблюдал посты.

210. Дмитрий Васильевич Ульянинский (1861 — 1918)—известный библиограф, автор замечательного каталога своей библиотеки „Библиотека Д. В. Ульянинского. Библиографическое описание". М., Т., т. I и II — 1912, т. III—1915.

В то время Ульянинский учился в тульской гимназии и был репетитором у Толстых, готовя Сергея Львовича к гимназическим экзаменам. Он приезжал из Тулы в субботу вечером, давал урок, ночевал, в воскресенье утром опять занимался и, задав Сергею уроки на всю неделю, уезжал.

Позднее Ульянинский служил в удельном ведомстве. В 191? году покончил с собой, бросившись под поезд.

211. Анна Филлипс, англичанка—гувернантка, жившая у Толстых.

212. Кн. Леонид Дмитриевич Урусов (ум. 1885 г.), в 1876 - 1885 г.г. тульский вице-губернатор, знакомый Толстых, был платонически влюблен в Софью Андреевну.

213. M-r Nief — гувернер при старших сыновьях Толстых. француз, бывш. коммунар, скрывавшийся в России под фамилией Nief, настоящее имя его было M. Montels. У Толстых жил с декабря 1877 года по октябрь 1879.

214. Антон Александрович (1861—1919?), Росса Александровна (р. 1859 г.) и Надежда Александровна (р. 1863 г.) Дельвиг—дети барона Александра Антоновича Дельвиг (1818—188?), брата друга Пушкина, и Хионии Александровны, рожд. Чапкиной (1840—1903).

215. Александр Григорьевич Мичурин—сын крепостного музыканта, учитель музыки у Толстых, приезжавший раз в неделю из Тулы, с осени 1875 г.— учитель также детей Марьи Николаевны.

216. M-elle Gachet — гувернантка Татьяны Львовны и Марии Львовны Толстых.

217. Василий Иванович Алексеев (1848—1919)—сын небогатого помещика и крестьянки Псковской губ., кандидат математического факультета Петербургского университета. Участвовал в народническом кружке Н. Чайковского и в 1875 году с Чайковским и А. К. Маликовым был членом земледельческой колонии русских интеллигентов в Канзасе (Сев. Америка), поставивших себе целью нравственное самосовершенствование. В 1877 г. поступил учителем старших детей Толстых; весной 1881 г. арендовал несколько сот десятин в Самарском имении Л. Н. Толстого, где прожил до 1887 г., после чего был учителем детей Воейкова. Женат на Вере Владимировне Загоскиной.

Позднее директор техн. школы в Чухломе и директор коммерческого училища в Н.-Новгороде.

В. И. Алексеев был в дружеских отношениях со Львом Николаевичем; его народнические взгляды имели некоторое влияние на Толстого во время перелома в его мировоззрении. С другой стороны, Лев Николаевич также влиял на Алексеева.

Сохранилось несколько дружественных писем Льва Николаевича к В. И. Алексееву.

218. Елизавета Александровна Маликова, падчерица В. И. Алексеева, дочь Александра Капитоновича Маликова.

219. Произведение, начинающееся с описания разбирательства дела, в котором судятся мужики с помещиком,—это „Декабристы". См. примеч. 98 и „Л. Н. Толстой. Декабристы". Неизданные отрывки из романа со вступительной статьей М. А. Цявловского. Работа Толстого над романом „Декабристы". Книжка Библиотеки „Огонек", № 85, М. 1925.

220. Алексей Алексеевич Бибиков (ум. 1914 г.)—управляющий самарским имением Толстых.

Бибиков, окончив университет, состоял в Жиздринском уезде мировым посредником первого призыва, был арестован по делу Каракозова, шесть месяцев просидел в крепости и несколько лет пробыл в ссылке.

Во время знакомства с Львом Николаевичем Бибиков по убеждениям был материалистом, но не революционером, находя, что формы общественной жизни зависят от нравственного уровня общества; поэтому он ставил себе целью прежде всего личную нравственную жизнь.

221. Марья Дмитриева Дьякова—дочь Дмитрия Алексеевича Дьякова, друга молодсти Л. Н. Толстого и друга его семьи, вышла замуж за Николая Аполлоновича Колокольцова. Дьяков искал для нее имение, которое впоследствии и купил в Тамбовской губ.

222. Александр Дюма (1803—1870)—известный французский писатель, автор многих исторических романов, имевших большой успех. „Три мушкетера", которые читались у Толстых,—один из этих романов.

223. Василий Алексеевич Хомяков—помещик Крапивенского уезда, сосед Толстых.

224. Краткая биография Л. Н. Толстого была составлена Софьей Андреевной, поправлена самим Львом Николаевичем и издана М. Стасюлевичем, „Русская Библиотека. IX. Граф Лев Николаевич Толстой. Детство.—Севастополь.—Три смерти.—Война и мир.—Рассказы для детей и Басчи.—Анна Ка-

ренина. — Портрет. — Биография. Печ. в типографии М. Стасюлевича. СПБ. 1879". Биография занимает III—VII стр.

225. Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826—1911)—известный общественный деятель, публицист и историк, редактор-издатель журнала „Вестник Европы" (с 1865 г.).

226. Вероятно биографию в „Русской Библиотеке. II. Михаил Юрьевич Лермонтов". СПБ 1874; второе издание СПБ. 1876.

227. Вероятно, это П. Кулиш: „Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем". 2 т. СПБ. 1856 г., или его же „Опыт биографии Н. В. Гоголя с включением до 40 его писем". СПБ. 1854 г.

228. Левашники—особое пирожное, специальность повара Николая Румянцева; делалось оно из раскатанного теста с вареньем внутри. Однажды обнаружилось, что когда левашники не вздувались как следует, повар надувал их губами, поэтому шутя левашники назывались les soupirs de Nicolas (вздохи Николая). См. Илья Толстой „Мои воспоминания". М. 1914, стр. 17.

229. Tolstoy „The Cossacks, Transl. Eugene Schuyler". London. 1878.

Евгений Скайлер был знаком с Толстым и бывал в Ясной Поляне. Оставил воспоминания о Л. Н. Толстом, относящиеся к 1867—1870 г.г. Перевод их напечатан в „Русской Старине" 1890 г., №№ 9 и 10.

230. Александр Александрович Навроцкий (1839—1914)—ген.-лейтенант, писатель, редактор-издатель ежемесячного умеренно-консервативного журнала „Русская Речь", издававшегося с 1879 по 1882 год.

В „Вестнике Европы" 1870 годов Навроцкий (под псевдонимом Н. А. Вроцкий) напечатал ряд стихотворений и драматическую хронику „Царевна Софья". В своем журнале печатал свои статьи по политическим и общественным вопросам, стихи, драмы, повести, которые потом собрал в книги: „Критика минувшего". СПБ. 1881, „Волны жизни". СПБ. 1884, „Светочи русской земли". СПБ. 1896 и „Сказания минувшего". СПБ. 1897.

Навроцкий—автор известного стихотворения „Утес Стеньки Разина".

231. Колпик—имя лошади. Это была маленькая смирная лошадка белой масти. В „Анне Карениной" (гл. XIII, втор. части) Колпик Левина описан, как „маленькая, буланая и добрая" лошадка.

232. Вероятно, это письмо № 92, помещенное в „Переписке Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым", изд. Общ. Толстовск. Музея. СПБ. 1914, на стр. 194—195 и помеченное Страховым „29 окт. 1878, Ясн."

233. Чарльз Диккенс (1812—1870) — знаменитый английский писатель-романист. Переводы произведений Диккенса в России стали появляться с 1840 года. Переводили О. Сенковский („Библ. для чтения"), А. Кронберг („Современник"—1847 г.) и И. Введенский („Отеч. Зап." 1849—1851). Первое собр. сочин.; 10 том.; в изд. Павленкова появилось в 1892—1896 г.г. СПБ.

Роман Диккенса „Жизнь и приключения Мартина Чёззльвита" появился в 1842—1843 г.г. Л. Н. Толстой читал его по-английски.

„Домби и сын"—в 1846—1847 г.г.

234. Софья Андреевна утром пила чай одна около 11 часов, позднее, чем Лев Николаевич, дети Толстых и педагоги; отсюда выражение „мой одинокий чай".

235. Гиль—владелец угольных копей и большого химического и известкового завода около села Колпны Крапивенского уезда, в 7 верстах от Ясной Поляны.

236. Параша—дочь повара Николая Михайловича Румянцева, была замужем за Михаилом Фомичем Крюковым, бывшим буфетчиком у Толстых, затем слугою кн. Л. Д. Урусова и официантом в тульских гостиницах и на вокзале.

237. Miss Maccarthy, бонна, ирландка, жившая у Кузминских.

238. Акулька—внучка няни Марьи Афанасьевны Арбузовой.

239. Сергей Петрович Арбузов (1849—1904)—сын няни у Толстых Марьи Афанасьевны и Петра Федоровича Арбузова, крепостного крестьянина помещика Крапивенского уезда (им. Даниловка) Петра Алдр. Воейкова.

Арбузов много лет был слугою у Толстых. Он знал столярное ремесло, был хорошо грамотен. Оставил воспоминания о Л. Н. „Гр. Л. Н. Толстой. Воспоминания С. П. Арбузова, бывшего слуги графа Л. Н. Толстого". М. 1904.

240. Дмитрий Дмитриевич Оболенский в молодости был (род. 1844 г., см. о нем прим. 92) богатым помещиком Богородицкого уезда, шталмейстером и предводителем дворянства. Вследствие неудачного предприятия—постройки сухарных заводов во время турецкой войны, разорился и в 1878 г. за растрату предан суду, оправдан, но объявлен несостоятельным должником.

241. По Моск.-Курск. ж. д. проезжал Александр II. Из опасения покушения на него по железной дороге пускались три одинаковых царских поезда; в котором из них ехал царь—было неизвестно.

242. Григорий—буфетчик, временно служивший в Ясной Поляне.

243. Петр Федорович Самарин (1830—1901)—кандидат Московского Университета, подпоручик Стрелкового батальона, помещик Епифанского и Ефремовского уездов (с. Молоденки).

В 1874—1880 г.г.—тульский губернский предводитель дворянства. Женат с 1858 г. на Александре Павловне, рожд. Евреиновой (1836—1905).

244. Новое издание сочинений—это четвертое издание „Сочинения графа Л. Н. Толстого в одиннадцати частях." Изд. братьев Салаевых. М. типогр. Т. Рис. 1880.

245. Варвара Васильевна Суворова—дочь медника Василия Васильевича и прачки Пелагеи Федоровны Суворовых, из прежних дворовых Толстых.

246. Няней Михаила и Андрея Львовичей Толстых была Анна Степановна из Судакова, вынянчившая также всех последующих детей Толстых и жившая затем в Ясной Поляне на пенсии до своей смерти (1912—1917 г.г.).

247. Хомяковы, жившие в Туле, знакомые Толстых—это Дмитрий Алексеевич (1841—1919), сын славянофила Алексея Степановича, и Анна Сергеевна (Анита), дочь Тульского губернатора Сергея Петровича Ушакова. Впоследствии Хомяков развелся с женой, и Анна Сергеевна вышла замуж за Бреверн-Делагарди.

248. В Москве в доме Волконского в Денежном, ныне Малом Левшинском пер., Толстые прожили зиму 1881—1882 г.

249. Алексей Львович—восьмой сын Толстых, род. 31/X—1881 года, в Москве, когда Толстые жили в доме Волконского, умер 18/I 1886 г., в Москве в Хамовническом доме.

250. Татьяна Андреевна жила в Петербурге, так как Александр Михайлович Кузминский в это время был председателем Петербургского Окружного Суда.

251. Осенью 1882 года перестраивался и ремонтировался купленный Толстым у помещика И. А. Арнаутова дом в Долго-Хамовническом переулке. Лев Николаевич наблюдал за постройкой и для этого уехал в Москву ранней осенью вместе со своими старшими сыновьями Сергеем Львовичем, бывшим студентом Московского Университета, Ильею и Львом Львовичами, учившимися в Поливановской гимназии.

252. Дом Льва Толстого в Хамовниках, ныне отделение Московского Толстовского Музея, по улице Льва Толстого (д. 21).

Толстой купил этот дом летом 1882 года у И. А. Арнаутова за 37.000 руб. Отремонтировав и перестроив его, Лев Николаевич осенью 1882 г. поселился в нем вместе с семьей.

253. Вероятно, это работа Толстого над книгой „В чем моя вера?“, которая была напечатана, но не разрешена к выпуску в 1884 г., с датой „22 янв. 1884“.

254. Леонид Дмитриевич Урусов был болен неизлечимо. Л. Н. Толстой, в конце января—начале февраля 1885 г. ездил к больному Урусову в Тулу. 6—7 марта поехал для свидания с ним в имение Мальцевых Дядьково, Орловской губ. 11 марта уехал с Урусовым в Крым. В Севастополь они приехали 13 марта, в Симеиз 14, там Урусов жил на даче Мальцева.

255. В Севастополе Л. Н. Толстой жил в бытность свою в военной службе с 7 ноября 1854 г. по середину ноября 1855 г.

256. Семья Олсуфьевых состояла из отставного свитского генерала гр. Адама Васильевича Олсуфьева (1833—1901), его жены Анны Михайловны, рожд. Обольяниновой (1835—1899) и их детей: дочери Елизаветы Адамовны (1857—1898), двух сыновей—Михаила Адамовича (1860—1918) и Дмитрия Адамовича (р. 1862 г.), товарищей по университету С. Л. Толстого. Лев Николаевич бывал в доме Олсуфьевых в Москве и в их имении Никольское-Горушки (Обольяново) Дмитровского уезда близ ст. Подсолнечной б. Николаевской ж. д.

Про Е. А. Олсуфьеву Л. Н. писал: „...это такое милое, простое, доброе умное существо...“, а о семье Олсуфьевых—что это „...очень, очень милое, честное все семейство...“ („Письма Л. Н. Толстого к жене“. Изд. 2-ое, М. 1915, стр. 289, письмо № 277). В письме к В. Г. Черткову 19 февр. 1896 г. Л. Н. писал об Олсуфьевых: „... Они такие простые, очень добрые люди, что различие их взглядов с моими, и не различие, а непонимание того, чем я живу, не тревожит меня...“

257. Николай Михайлович Лопатин (1854—1897) — певец и собиратель народных песен. Сын М. Н. Лопатина, члена Московской Судебной Палаты. Ник. Мих. издал „Полный Народный Песенник“ и совместно с В. Прокуниным „Сборник лирических русских песен“. Л. Н. Толстой высоко ценил пение и песни Лопатина.

О нем см.: Н. В. Давыдов „Из прошлого". Изд. 2, ч. I. М. 1914; ч. II. М 1917. „Задруга", и С. Л. Толстой „В. Прокунин и Н. Лопатин". Сборник Этнограф. Секции „Гимна" I, 1926.

258. Болезнь Льва Николаевича произошла от ушиба ноги о грядку телеги во время работы в поле. Он по неосторожности содрал струпок, образовавшийся на месте ушиба; ранка разболелась, образовалась флегмона, воспалилась надкостница, грозило общее заражение крови; температура поднималась до 40°. Софья Андреевна в ночь поехала в Москву и привезла на другой день ассистента Захарьина, В. Чиркова, лечившего ее в 1875 г., который признал положение Льва Николаевича опасным. Чирков дренировал рану, чем сразу улучшил положение больного. Для дальнейшего лечения им рекомендован был тульский врач Матвей Матвеевич Руднев, несколько раз приезжавший для этого в Ясную Поляну. Софья Андреевна, по обыкновению, ревностно ухаживала за Львом Николаевичем.

259. Неопределенность требований Льва Николаевича по отношению к Софье Андреевне была одной из причин разлада между ними. Л. Н. требовал упрощения жизни, но не указывал на предел этого упрощения и редко давал конкретные советы. Вопрос о том, где и на что жить всей его семье, что делать с имениями, чему учить детей и т. п., оставались вопросами. Правда, Софья Андреевна, усвоившая прежние взгляды Л. Н. (до перелома в его мировоззрении), мало сочувствовала его новой вере, но из любви к нему она могла бы упростить жизнь свою и своей семьи, если б он остановился на известном компромиссе между его идеалом и требованиями семьи, на упрощенном, но определенном строе жизни. Отречение же от собственности, от образования детей, от среды, в которой жила семья Толстых, вообще от взглядов и привычек, привитых ей со времени ее замужества, а детям начиная с их рождения, было для Софьи Андреевны и для детей—непосильно. С другой стороны Софья Андреевна имела полную доверенность от Л. Н., данную им ей осенью 1884 года и исключительное право на издание сочинений ее мужа, написанных до 1881 г., и считала себя в праве пользоваться для себя и для семьи доходами с издания и с имений, которые, впрочем, в то время давали очень мало. *С. Л. Т.*

260. Константин Николаевич Зябрев (ум. 1895 г.), по прозванию „Белый"—крестьянин Ясной Поляны, жил в большой бедности вследствие своего беспечного характера и бесхозяйственности. Одно время Лев Николаевич помогал ему перекладывать избу. О нем см.—А. Г. Зябрев. „Воспоминания о Л. Н. Толстом". Ежемесячный журнал Миролюбова, 1915, № 8.

261. Ганя бессемейная нищенствующая крестьянка Ясной Поляны, неоднократно уличенная в воровстве.

262. Александр Петрович Иванов (ум. 1911 г.), отст. артил. поручик, придя однажды около 1880 года странником в Ясную Поляну, остался переписчиком у Льва Николаевича. У него было пристрастие к страннической жизни, и он пешком исходил всю Россию. Не раз, уходя из Ясной Поляны, опять приходил, работал по переписке и снова уходил. Александр Петрович

страдал запоем, во время которого пропивал все, что имел, до последней рубашки.

263. Драма „Власть тьмы". Писалась в октябре-ноябре 1886 г. Впервые была напечатана в „Соч. гр. Л. Н. Толстого". Изд. 6-е, М. 1886, под заглавием „Власть тьмы или коготок увяз, всей птичке пропасть. Драма в пяти действиях".

264. M-me Seuron—красивая пожилая француженка, жившая несколько лет гувернанткой при дочерях Толстых, написала свои записки о пребывании у Толстых. Записки Анны Серон „Шесть лет в доме графа Л. Н. Толстого", перев. с немецкого А. Сергиевского, 1895.

265. „Стрельна" — известный московский загородный ресторан, славившийся цыганским хором.

266. Александр Сергеевич Бутурлин (1845—1916), кандидат естественных наук, симбирский помещик, был привлечен к суду за принадлежность к сообществу, учрежденному известным революционером Нечаевым, судом оправдан, но подвергся тюремному заключению и ссылке; отбывши ссылку, 50-ти лет поступил на медицинский факультет, который успешно окончил.

267. „Критика догматического богословия". Эта книга Л. Н. Толстого в России была запрещена. Впервые появилась в издании Элпидина, Женева, 1891, ч. I, 1896, ч. II. Более полный и точный текст в „Полн. собр. соч., запрещен. русской цензурой", изд. „Свободн. Слова". Christchurch. 1903, т. III.

268. „Дешевое издание"—это, вероятно, шестое издание соч. Л. Н. Толстого, М. 1886, части I—XI, вышедшие вслед за пятым изданием того же 1886 года.

269. „Родник" — ежемесячный, иллюстрированный журнал для детей 1882—1894. СПБ.

270. „Родные Отголоски". Сборник стихотворений русских поэтов. Париж—Петербург, изд. Полевого, 1887.

271. Аниска—крестьянка Ясной Поляны.

272. Исак Борисович Фейнерман (1862—1925), еврей, бывший в то время крайним последователем Л. Н. Толстого, поселился в д. Ясной Поляне, работал у тех крестьян, которые приглашали его работать, и отдавал всякому просящему все, что у него было. Бедствовавшей его жене помогала Софья Андреевна. В 1886 году, несмотря на свое свободное христианское мировоззрение, Фейнерман, живя в Ясной Поляне, принял православие. Впоследствии он под псевдонимом Тенеромо написал по личным воспоминаниям ряд книг о Л. Н. Толстом, достоверность которых весьма сомнительна.

273. Николай Николаевич Ге (1831—1894) — знаменитый художник, друг Толстого, находившийся с ним в переписке. Ге со Львом Николаевичем познакомился в Москве в марте 1882 года. В январе 1884 г. Ге написал портрет Толстого (находится в Третьяковской галлерее). Позже сделал иллюстрации к „Чем люди живы". В октябре 1890 г. вылепил бюст Л. Н. В 1886 году написал портрет Софьи Андреевны с дочерью Александрой Львовной на руках; в 1891 г.—портреты Марьи Львовны и Татьяны Львовны.

Ге находился под влиянием Толстого, бывал часто в Ясной Поляне, один и с сыном, Николаем Николаевичем, чем объясняется, что Софья Андреевна пишет: „от старика Ге были письма".

274. 1 марта 1887 г. полицией были арестованы пятеро студентов, участники готовящегося покушения на Александра III: Осипанов, Генералов, Андреюшкин, Капгер и Волохов. Первых троих взяли с бомбами. На другой день был арестован брат Ленина, Александр Ульянов, и другие участники покушения, была обнаружена динамитная мастерская и типография. В апреле их судили, 5 человек присудили к смертной казни и 8 мая казнили.

275. 27 января 1887 года „Власть тьмы" была прочитана А. А. Стаховичем Александру III. Пьеса при дворе имела успех, который и имеет в виду Софья Андреевна.

276. Это—„Ходите в свете, пока есть свет. Повесть из времен древних христиан". Толстой писал ее в январе—апреле и июле 1887 г. Впервые она была напечатана в 1892 г. Элпидиным в Женеве под заглавием: „Ходите в свете, пока есть свет. Беседы язычника и христианина. Повесть из времен древних христиан. Графа Л. Н. Толстого". В России появилась в 1893 году в Научно-литературном сборнике в пользу Общества для воспомоществования нуждающимся переселенцам „Путь-дорога", изд. Сибирякова, СПБ.

277. Первое московское издание „О жизни", отпечатанное в 1888 году, было не пропущено цензурой. Последние главы из книги „О жизни" печатались в XIII ч. соч. „Произведения последних годов". М. 1890. Книга целиком вышла заграницей в изд. Элпидина, Женева, 1891. В 1903 г. „О жизни" было напечатано в „Полн. Собр. Соч., запрещенных в России", изд. „Свободное Слово", т. IX.

278. Сергей Львович Толстой в то время служил членом от земства в Тульском отделении Крестьянского Банка.

279. Владимир Григорьевич Чертков (р. 1854 г.)—сын ген.-адъютанта Григория Ивановича Черткова и Елизаветы Ивановны, рожд. гр. Чернышевой-Кругликовой, друг и единомышленник Толстого.

Лев Николаевич познакомился с Чертковым в декабре 1883 г. В декабре 1884 г. ими совместно учреждено издательство „Посредник".

В 1897 г. Чертков за воззвание о помощи духоборам был выслан заграницу. В Англии он организовал издательство „Свободное Слово", в котором печатал сочинения Толстого, запрещенные в России.

Вернувшись из Англии в Россию, Чертков купил имение Телятенки в трех с половиной верстах от Ясной Поляны и был ревностным распространителем религиозно-философских сочинений и взглядов Толстого.

Согласно „сопроводительной записке" к своему завещанию, Л. Н. Толстой назначил Черткова редактором и издателем всего своего литературного наследия. Письма Толстого к Черткову в числе около 900 будут вскоре опубликованы.

Чертков был женат на Анне Константиновне, рожд. Дитерикс (1859—1927).

280. „Дело Черткова в народном чтении, начатое по внушению Льва Николаевича" - это издательство „Посредник", учрежденное с целью печатать литературу для народного чтения. Учреждено оно было в начале декабря 1884 г. В конце марта 1885 г. вышли первые книжки—рассказы Толстого: „Чем люди живы", „Бог правду видит, да не скоро скажет" и „Кавказский пленник". Вскоре к издательству был привлечен издатель И. Д. Сытин,

крестьянские писатели, художники. Толстой начал писать специально для „Посредника“, печатались произведения классиков, издательство чрезвычайно разрослось. За 6 лет его существования разошлось до 20 милл. экземпляров.

Руководил издательством Л. Н. Толстой, В. Г. Чертков, позднее И. И. Горбунов-Посадов.

281. 14 марта 1887 г. Л. Н. Толстым в Московском Психологическом Обществе был прочитан реферат „Жизнь бесконечная“, который являлся первой редакцией статьи „О жизни“. (См. прим. 277).

282. Лев Николаевич перестал есть мясо и стал вегетарианцем. Некоторое влияние на него в этом отношении оказал Вильям Фрей, с которым он познакомился в 1885 г. Москве. Вильям Фрей, настоящее имя которого было Владимир Константинович Гейнс, был в молодости офицером генерального штаба, затем эмигрировал в Америку, где жил под именем В. Фрея, участвовал в колонии, устроенной Маликовым и Чайковским в Канзасе, был по убеждению позитивист, последователь Канта и вегетарианец. Л. Н. был вегетарианцем по этическим причинам, но в то же время воздержание от мяса было, повидимому, полезно для его здоровья. Софья Андреевна думала, что вегетарианство безусловно вредно для него.

283. Вероятно, это „Сочинения графа Л. Н. Толстого, части I—XI и отдельно ч. XII. М. 1886, издание шестое.

284. В „Московских Ведомостях“ от 12 декабря 1869 г. № 270 объявлялось: „Продается „Война и мир“. Соч. гр. Л. Н. Толстого, 2-е изд. М. 1868—1869 г. Цена на все шесть томов 10 руб. серебром и с пересылкою“.

285. Семья Татищевых—это семья гр. Николая Дмитриевича Татищева (1829 — ум. после 1909 г.), ярославского губернатора, позднее командующего Отдельным корпусом жандармов, женатого на А. М. рожд. Обуховой (р. 1846 г.). Их дети: Дмитрий (р. 1867 г.), бывший в 1-й Моск. клас. гимн. и в 3-м военном Александровском училище, впоследствии предводитель дворянства Гжатского уезда и Самарский губернатор; дочери: Нина (р. 1869 г.) и Наталья (р. 1870 г.).

286. Илья Львович, второй сын Толстых, в то время отбывал воинскую повинность вольноопределяющимся в Сумском драгунском полку, стоявшем в Хамовнических казармах.

287. Николай Николаевич Ге (р. 1857 г.), сын художника Н. Н. Ге (о нем прим. 273), в то время жил во флигеле Хамовнического дома Толстых и был сотрудником Софьи Андреевны по изданию сочинений Л. Н. Толстого.

288. В феврале 1887 г. „Власть тьмы“ вышла в свет в издании „Посредника“. В этом же месяце Толстой отказался от прав литературной собственности на нее. Александринский театр предполагал поставить „Власть тьмы“, но театральная цензура не разрешила этой постановки.

289. Алексей Антипович Потехин (р. 1829 г.) — писатель и драматург. Большой успех имели его драмы: „Мишура“ и „Отрезанный ломоть“, известны романы: „Бедные дворяне“ и „Крушинский“.

В 1880 годах Потехин заведывал репертуарной частью С.-Петербургских императорских театров.

290. Григорий—слуга в доме Толстых.

291. Михаил Александрович Энгельгардт (1858—1915) — сын известного ученого агронома Александра Апол. Энгельгардта (1832—1893), автор книги „Прогресс как эволюция жестокости". Изд. Павленкова. СПБ. 1899.

Толстой в ответ на письмо М. А. Энгельгардта написал ему большое письмо о непротивлении злу насилием. Впервые было напечатано заграницей—Женева, 1884: „О непротивлении злу злом", „О насилии" в Полн. Собр. Соч, запрещен. русск. цензурой, т. X, изд. „Свободн. Слова". Christchurch. 1904. В России напечатано в 12-м изд. соч. С. А. Толстой, М. 1911, т. IX „Письмо к NN". В этом же 1911 г. было включено в „Сборник писем, собр. Н. А. Сергеенко" (М. „Окто"), откуда по постановлению Московской Судебной Палаты было вырезано.

292. Николай Лукич Озмидов, по словам П. И. Бирюкова, „.... был оригинальный мыслитель, теоретически исповедовавший христианскую религию, близкую Льву Николаевичу, и старавшийся логическими формами обосновать идею Нагорной Проповеди". Он бывал у Льва Николаевича, часто и много беседовал с ним. И Лев Николаевич уважал его за его независимый, острый ум и за его стремление к исканию правды. Но характера он был тяжелого, деспотического, с примесью мании величия, и часто его логические выкладки обращались в пустые софизмы".

П. И. Бирюков. „Мои два греха", Толстой, Памятники Творчества и жизни. 3, М. 1923, стр. 51.

293. Толстовцев, приходивших к Л. Н. Толстому, Софья Андреевна называла „темными".

294. Джорж Кеннан (р. 1845 г.) — северо-американский путешественник и писатель, трижды посетивший Россию. В 1861—1868 г.г. он, по поручению русско-американской телеграфной компании, исследовал крайний север Сибири на предмет проведения телеграфа из Америки в Сибирь. В 1870—1871 г.г. объездил Кавказ. В 1885—1886 г.г. Кеннан посетил Сибирь с целью изучения тюрем и мест ссылки политических преступников. Отправившись в путешествие сторонником русского правительства, по изучении, переменил свое мнение на противоположное. По возвращении он прочел ряд лекций о своих впечатлениях в Англии и Америке и издал книгу: „Siberia and the Exile System" (Сибирь и система ссылок). Лондон, 1891 г., с яркой характеристикой политических тюрем и отдельных революционных деятелей. В России эта книга была запрещена. В 1905—1906 г.г. в России появилось несколько ее переводов; наиболее полный с предисловием автора—„Сибирь и ссылка" издан „Донской Речью" в Ростове-на-Дону. Приехав в Россию в 1901 г., Кеннан был выслан.

Кеннан дважды заезжал к Л. Н. Толстому, до поездки в Сибирь и по возвращении. Его записки о поездке в Ясную Поляну относятся к первому посещению Льва Николаевича в 1885 г.

295. С Татьяной Львовной (прим. 93) и Марьей Львовной (прим. 199). Девочки Кузминские—это дочери Татьяны Андреевны: Марья Александровна (р. 1869 г.), замужем с 1891 г. за Иваном Егоровичем Эрдели, и Вера Александровна (р. 1871 г.).

296. Юлий Иванович (?) Лясотта—скрипач, учитель музыки Льва и Михаила Львовичей Толстых. П. И. Бирюков в биографии Толстого (ГИЗ. М. 1922, т. III, стр. 106—107) рассказывает, что однажды в Хамовническом доме Толстых Лясотта на скрипке и Сергей Львович на рояле сыграли „Крейцерову сонату", которую любил Лев Николаевич и которая в этот вечер произвела на него особенно сильное впечатление. Под влиянием его Лев Николаевич и задумал свою повесть „Крейцерову сонату".

297. Илья Львович в то время жил в с. Владыкине под Москвой, где стоял в лагерях Сумский полк, в котором он отбывал воинскую повинность.

298. Василий Маркович Флоринский (1833—1899)—врач и писатель. Книга, при помощи которой лечила Софья Андреевна,—это популярный лечебник Флоринского „Домашняя медицина".

299. Василий Николаевич Андреев, по сцене Андреев-Бурлак (1843—1888)—драматический актер и рассказчик, бывший капитан волжских пароходов, играл в Пушкинском и Малом театрах. Под влиянием его рассказов Толстой придал „Крейцеровой сонате" форму рассказа от первого лица, предполагая, что Андреев будет ее читать так, как он читал из „Преступления и наказания" Достоевского исповедь Мармеладова и „Записки сумасшедшего" Гоголя, в больничном халате и с больничной койкой на сцене.

300. Иван Федорович Горбунов (1831—1895)—драматический актер, знаменитый рассказчик и писатель.

301. О Страхове см. примечание 72. Его книга против спиритизма, которую читала Софья Андреевна, „О вечных истинах" („Мой спор о спиритизме"). СПБ. 1887.

302. Софья Николаевна Философова (р. 1867 г.)—дочь Николая Алексеевича Философова (ум. 1895 г.) и Софьи Алексеевны, рожд. Писаревой, была в то время невестой Ильи Львовича Толстого, с которой он повенчался 28 февраля 1888 года.

303. Статья „О жизни", см. о ней прим. 277.

304. Сергей Львович ездил в самарское имение Толстых с целью привести в порядок дела по управлению имением. О самарских имениях см. прим. 90.

305. Павел Дмитриевич Голохвастов (1838—1892)—сын попечителя Московского учебного округа Дмитрия Павловича (1796—1849) и Надежды Владимировны, рожд. Новосильцевой, воспитанник Пажеского корпуса и вольнослушатель Петербургского университета. Служил управляющим Ташинским заводом в Арзамасском уезде, затем мировым судьей Волоколамского у. Известен как исследователь русских былин. Писатель. Его пьеса „Алеша Попович" издана в 1869 г. Статья „Законы стиха русского народного и нашего литературного" напечатана в „Русском Вестнике" 1881 г., кн. 12. Знакомый Толстого, с которым он был одно время в переписке. Письма Л. Н. к Голохвастову за 1872—1877 г.г. напечатаны в „Русском Вестнике", 1904 г., кн. II, стр. 196—215. Голохвастов был женат на Ольге Андреевне, рожд. гр. Ростопчиной. Он один и с женой приезжал гостить в Ясную Поляну и бывал у Толстых в Москве.

306. Новый Иерусалим—мужской монастырь в Звенигородском у., Московской губ., в заштатном городе Воскресенске. Построен по инициативе

патриарха Никона, по моделям Иерусалима. Строился в 1656 г., в 1726 г. сгорел, вновь отстроен в 1748 г.

307. Никон, родом из крестьян села Вельдеманова, Княгининского у., Нижегородской губ., „патриарх Московский и всея Руси“ (1605—1681), приближенный царя Алексея Михайловича, церковный реформатор, имевший большое влияние на политические дела Московского царства.

308. Анатолий Степанович Буткевич. Познакомился с Толстым в 1886 г. по возвращении из ссылки. Известный ученый пчеловод, участник толстовских общин.

309. Мария Александровна Шмидт (1843?—1911)—классная дама Московского Николаевского женского училища, друг и единомышленник Л. Н. Толстого.

Познакомившись с Л. Н. Толстым и его религиозно-философскими сочинениями, Мария Александровна сделалась его убежденной сторонницей и последовательницей. Она бросила свое официальное положение и вместе с своей подругой Ольгой Алексеевной Баршевой, то же классной дамой Николаевского училища, поехала на Кавказ, где близ Сочи арендовала и обрабатывала сама небольшой участок земли. После смерти Баршевой, М. А. жила в избе близ дер. Овсянниково, в 5 вер. от Ясной Поляны, обрабатывая свой огород и переписывая сочинения Толстого, запрещенные цензурой.

Мария Александровна последовательно проводила в жизни нравственное учение Толстого и была горячим и искренним другом его и его семьи.

См. о ней—Воспоминания Т. Л. Сухотиной - Толстой „Старушка Шмидт“, напеч. в „Голосе Минувшего“ за 1919 г. № 5—12, стр. 171—198 (Перепечатаны в книге: Т. Л. Сухотина-Толстая „Друзья и гости Ясной Поляны“. М. 1923 „Колос“, стр. 141—196).

В этих воспоминаниях приводятся письма Л. Н. Толстого к М. А. Шмидт.

310. Павел Иванович Бирюков (р. 1860 г.)—единомышленник и друг Л. Н. Толстого, первый его биограф. Биографию Л. Н. в 4 томах начал писать еще при его жизни. Первое издание 1906 г. Последнее, третье. М. ГИЗ. 1923.

П. И. Бирюков часто бывал и гостил в Ясной Поляне.

311. Андрей Александрович Берс, сын брата Софьи Андреевны Толстой, Александра А. Берс (прим. 6) и Натальи Дмитриевны, рожд. кн. Эристовой.

312. Кн. Абамелек-Лазарев, Семен Семенович (р. 1857 г.), красивый молодой человек. Очень богатый владелец больших имений и железоделательных заводов на Урале, шталмейстер, впоследствии (с 1897 г.) член Государственного Совета, по взглядам реакционер. Жил в 50 вер. от Ясной Поляны в своем имении Голощапово, около ст. Лазарево Моск.-Курск. ж. д. и изредка приезжал к Толстым. Женат на рожд. Демидовой Сан-Донато.

313. Надежда Дмитриевна Гельбиг, рожд. кн. Шаховская, дочь кн. Н. Б. Шаховской, учредившей Общину „Утоли моя печали“, была замужем за доктором Вольфганг Гельбиг (1839), известным немецким археологом, жившим в Италии, профессором Римского Университета.

В доме Гельбиг в Риме было нечто вроде салона, в котором бывали знаменитости того времени. Надежда Дмитриевна была вегетарианка, музы-

кальна и производила впечатление умной женщины. Наружности ее вредила чрезмерная полнота.

314. Илья Ефимович Репин (р. 1844 г.)—знаменитый русский художник, знакомый Л. Н. Толстого, неоднократно писавший портреты со Льва Николаевича. Известны его: „Толстой на пашне", „Портрет Толстого босиком", „Толстой за работой в кабинете" и др.

315. Степан Андреевич Берс (о нем см. прим. 41) с женой Марией Петровной, крещеной еврейкой, бывшей актрисой провинциальных театров.

316. Владимир Васильевич Рахманов (1864—1918?), врач, друг Новоселова и Буткевича, участник толстовских общин. В 1891—1892 г.г. работал с Л. Н. на голоде. Оставил воспоминания о Толстом.

Семь писем к нему Л. Н. Толстого напечатаны в журн. „Минувшие Годы", 1908 г. № 12.

317. Дочери Сергея Николаевича Толстого (о нем прим. 53), Вера Сергеевна Толстая (1865—192?) и Марья Сергеевна Толстая (р. 1872 г.), в замужестве с 1899 г. (?) за Сергеем Васильевичем Бибиковым (1871—1920).

318. Гриневка—имение Ильи Львовича Толстого, соседнее с Никольским-Вяземским, в 100 вер. от Ясной Поляны (Чернского у., Тульской губ., купленное Толстыми и доставшееся ему по разделу).

319. Нагорновы—племянница Льва Николаевича, Варвара Валериановна (см. прим. 169) и ее муж Николай Михайлович, член московской городской управы. Нагорновы жили в супружестве очень дружно.

320. В Крапивне в то время происходила сессия тульского окружного суда, судившая нескольких крестьян дер. Ясной Поляны. Возвращаясь из Тулы с извоза подвыпившими, они на Киевском шоссе убили своего односельчанина Гаврилла Балхина, подозреваемого в конокрадстве.

321. Гаврилл Андреевич Русанов (1844—1907)—помещик Воронежской губ., до 1884 г. состоял членом харьковского окружного суда. В августе 1883 г. познакомился с Л. Н. Толстым, был его другом и последователем и находился с ним в переписке. Письма Толстого к Русанову опубликованы А. Е. Грузинским в „Вестнике Европе" 1915 г. №№ 3 и 4. Воспоминания Русанова напечатаны в Толстовском Ежегоднике 1912 г.

Русанов много лет был болен сухоткой спинного мозга.

322. Павел Александрович Буланже (1864—1925)—инженер, служивший на Казанской жел. д.; одно время разделял взгляды Л. Н. Толстого. Во время болезни Л. Н. в 1901—1902 г.г. сопровождал его в Крым, о чем написал воспоминания „Болезнь Л. Толстого в 1901—1902 г.г.", напечатанные в журнале „Минувшие годы" 1908, № 9. Буланже—автор статьи об истории создания Толстым „Хаджи-Мурата", „Русская Мысль" 1913, № 6, и автор других статей о Толстом и о восточных религиях.

323. Петр Иванович Раевский (1873—1920)—сын приятеля Льва Николаевича,—Ивана Ивановича Раевского (1833—1891), помещика Епифанского уезда, и Елены Павловны, рожд. Евреиновой. Петр Иванович впоследствии был врачом-хирургом, женат на Ольге Ивановне, рожд. Унковской. В семье Толстых одно время думали, что П. И. Раевский женится на Марии Львовне.

324. Овсянниково, в 6 верстах от Ясной Поляны,—усадьба Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой, доставшаяся ей по разделу в 80-х годах. Это небольшое имение с домиком и двумя избами, в одной из которых жила Марья Александровна Шмидт. С священником с. Овсянникова у Софьи Андреевны была тяжба.

325. Семья Николая Алексеевича Зиновьева, бывшего с 1887 по 1893 г. тульским губернатором, впоследствии членом Государственного Совета, состояла из жены Марии (или Матрены) Ивановны и дочерей Надежды (замужем за Фере), Любови, Веры и Марии (Маня).

326. Николай Васильевич Давыдов (1848—1920) — известный судебный деятель, бывший прокурором в Туле, председателем Тульского, затем Московского Окружного Суда, профессором Московского университета и профессором и ректором университета имени Шанявского. Семья его состояла из его жены Екатерины Михайловны, рожд. Милиоти, и дочери Софьи Николаевны. Л. Н. написал Н. В. Давыдову более ста писем преимущественно с ходатайствами за разных лиц по судебным делам. Часть их опубликована („Толстой, Памятники творчества и жизни", 2, 1920).

327. Софья Алексеевна Философова, рожд. Писарева — жена директора Московского училища живописи и ваяния, мать Софья Николаевны, жены Ильи Львовича Толстого.

328. Николай Семенович Лесков (1831 — 1895) — известный писатель. Н. С. Лесков в апреле 1887 г. приезжал из Петербурга в Москву специально для того, чтобы познакомиться с Львом Николаевичем. Лев Николаевич с 1887 г. находился с ним в переписке.

Сказка Лескова, которую читала Софья Андреевна,—это „Час воли божьей", впервые напечатанная в журнале „Русское Обозрение" 1890 г., № 11.

329. „Дневник молодости" Л. Н. Толстого, частично и с пропусками издан В. Г. Чертковым (М. 1917). Целиком будет издан в полном собрании сочинений Толстого в 90 томах, осуществляемом Госиздатом.

330. Предполагалась женитьба Павла Ивановича Бирюкова на Марье Львовне Толстой. Софья Андреевна была против их брака.

331. После происшедшего в мировоззрении Толстого перелома он начал заниматься физическим трудом: косил, пахал, пилил дрова, возил воду, в 1884 г. выучился шить и шил сапоги. Софья Андреевна имеет в виду сапожные инструменты Льва Николаевича.

332. Несколько крестьян Ясной Поляны срубили в лесу Толстых несколько саженых берез. В то время такие порубки участились по тому, что мало преследовались. Урядник обнаружил виновников и составил протокол, который препроводил земскому начальнику. Земский начальник приговорил крестьян к 27 рублям штрафа и к $1^1/_2$ месяцам ареста при уездном арестном доме, а не к арестантским ротам или острогу, как пишет С. А. Повидимому, Софья Андреевна хотела „пугнуть" крестьян, как она выражается, и не знала, что по закону примирения по делам о порубках состояться не могло, и приговор должен был быть приведен в исполнение. Сомнительно, чтобы Лев Николаевич посоветовал ей „пугнуть крестьян", как она пишет. Ему крайне непри-

ятны были подобные дела по охране имущества, ему формально еще принадлежавшего.

333. Эмилий Михайлович Диллон, англичанин (р. 1854 г. в Ирландии, в Дублине), доктор сравнительного языкознания, в начале 80 г.г.—профессор Харьковского университета, англо-русский ориенталист, корреспондент „Дейли Телеграф“, переводчик повести Л. Н. Толстого „Ходите в свете“.

334. Студент Александр Васильевич Цингер—сын известного профессора математики в Московском университете, Василия Яковлевича Цингер (р. 1836 г.) и Александры Ивановны, рожд. Раевской. Впоследствии профессор физики.

335. Александр Никифорович Дунаев (ум. 1919 г.)—директор Московского Торгового Банка, друг семьи Толстых, по взглядам близкий к Толстому.

336. Алексей Владимирович Сытин (р. в 1868 г.),—земский начальник Крапивенского уезда.

337. Михаил Васильевич Булыгин (род. 1864 г.),—воспитанник Пажеского корпуса, владелец небольшого имения Хатунка, Крапивенского у. в 15 верстах от Ясной Поляны, последователь учения Л. Н. Толстого.

338. Агафья Михайловна (ум. 1896 г.)—бывшая дворовая Толстых, горничная бабки Л. Н. Толстого, Натальи Николаевны Толстой, экономка у Л. Н. Толстого, прожившая всю жизнь в Ясной Поляне. См. о ней в „Воспоминаниях детства“ Л. Н. Толстого, в воспоминаниях Ильи Толстого в воспоминаниях Т. А. Кузминской и у Т. Л. Сухотиной-Толстой „Друзья и гости Ясной Поляны“. М. 1923.

339. Новое издание это—восьмое издание в 11 томах. М. 1889. Часть двенадцатая отдельно „Произведения последних годов“. М. 1889. Часть тринадцатая отдельно „Произведения последних годов“. М. 1890. Запрещение с „Крейцеровой сонаты“ было снято благодаря личным хлопотам Софьи Андреевны перед Александром III, и она впервые в России появилась в этом томе сочинений Толстого.

340. Евгений Иванович Попов (род. 1864 г.)—последователь Л. Н. Толстого, нередко бывавший у него, автор книги „Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина“, изд. Свободного Слова. Англия, 1899, и статей и работ по вегетарианству, математическим и естественно-научным вопросам

Софья Андреевна называет его восточным, так как мать Попова была грузинка и наружность Попова напоминала его происхождение.

341. Петр Галактионович Хохлов (1863-64—1896 г.)—толстовец, познакомился с Л. Н. Толстым в 1889 г., участник толстовских общин, умер в больнице для душевнобольных.

342. Эдуард Эдуардович Керн—бывший лесничий в казенной засеке, ученый лесовод, был женат на Г. Д. Тимофеевской, дочери богатого тульского купца, купившей имение недалеко от Тулы. Э. Э. Керн с 1901 года был директором Лесного Института в Петербурге.

343. M. Borel—гувернер, француз, при Андрее и Михаиле Львовичах Толстых.

344. Иван Иванович Раевский (1833—1891)—сын Ивана Артемьевича Раевского и Екатерины Ивановны, рожд. Бибиковой, помещик Данковского и

Епифанского у., приятель Л. Н. Толстого, с которым он был на „ты“. Был женат на Елене Павловне, рожд. Евреиновой (1840—1907).

В 1891—1892 г г. Лев Николаевич жил в его имении Бегичевке и там на пожертвованные деньги устраивал столовые для голодающих.

345. Александр Владимирович Жиркевич (р. 1867 г.)—военный юрист, поэт, беллетрист, археолог. Был с 1887 года в переписке с Л. Н. Толстым.

346. Ваничка—Иван Львович Толстой (род. 31 марта 1888 г. в Москве, умер 23 февраля 1895 г. в Москве), младший сын Толстых, любимец семьи.

347. Саша — Александра Николаевна Философова, сестра жены Ильи Львовича Толстого, дочь Николая Алексеевича Философова и Софьи Алексеевны, рожд. Писаревой.

348. Филипп Родионович Егоров—бывший ямщик, кучер у Толстых, впоследствии управляющий в Ясной Поляне.

349. Наталья Николаевна Философова, в замужестве Ден, сестра жены Ильи Львовича Толстого.

350. Вероятно, это статья „О непротивлении“, первый вариант статьи „Царство божие внутри вас“.

351. Старший сын Ильи Львовича Толстого—Николай (р. 20 дек. 1890 г.) умерший в малолетстве.

352. Сергея Алексеевича Лопухина, товарища прокурора в Туле, впоследствии сенатора, с женой Александрой Павловной, рожд. гр. Барановой.

353. Рафаила Алексеевича Писарева (1850—1906) и его жену Евгению Павловну, рожд. гр. Баранову.

354. Кто была м-ме Жулиани—установить не удалось.

355. Пастухов—художник, бросил Академию Художеств и пошел работать на землю, толстовец.

356. Иван Александрович Бергер (1867? — 1920?)—сын Александры Ивановны, рожд. Раевской, бывший управляющим в Ясной Поляне.

357. Иван Иванович Раевский (род. 1871 г.)—сын Ивана Ивановича Раевского и Елены Павловны, рожд. Евреиновой, женат на Анне Дмитриевне рожд. Философовой (род. 1877 г.).

Об Петре Ивановиче прим. 323.

358. Митроха—сын Филиппа Родионовича Егорова, см. прим. 348.

359. Павел Владимирович Засодимский (1843—1912)—известный писатель. Его святочный рассказ „Перед потухшим камельком“ был напечатан в журнале „Северный Вестник“, 1891 г. № 1.

360. Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900)—знаменитый философ поэт, критик.

361. Алексей Митрофанович Новиков — бывший учитель у Раевских, учивший младших детей Толстых—Андрея и Михаила Львовичей. Впоследствии врач-гинеколог, ассистент проф. В. Ф. Снегирева.

362. Осенью 1884 года Л. Н. Толстой, отказавшись от собственности на землю и имущество и отказавшись от прав литературной собственности, выдал доверенность Софье Андреевне на ведение дел и издание его сочинений, написанных по 1881 год.

363 Кн. Елизавета Васильевна Челокаева, рожд. Давыдова, сестра известного судебного деятеля и профессора Н. В. Давыдова.

364. Клопский, или Клобский (р. 1852—ум. в конце 1890-х г.г.),—сын дьякона, воспитанник Ярославск. духовн. семин., потом студ. Петербургск. У-та, который в 1892 г. бросил. Народоволец, позднее толстовец. Производил впечатление психически-больного, подозревался в провокаторстве. Впоследствии уехал в Америку, где был раздавлен трамваем.

365. Михаил Александрович Стахович (1861—1923)—член Государственного Сов. от Орловского земства, друг семьи Толстых.

366. Петр Васильевич—повар у Толстых.

367. Варвара Ивановна Икскуль, рожд. Лутковская (р. 1850 г.), в первом браке была за Николаем Дмитриевичем Глинкою, разведясь с которым, вышла, в 1874 г., замуж за посла в Риме барона Карла Петровича Икскуль (ум. 1901 г.).

СОДЕРЖАНИЕ.

Сергей — Татьяна
Илья
Лев Мария
Петр
Андрей
Миша
Алеша

ПЕЧАТАЮТСЯ ОЧЕРЕДНЫЕ ВЫПУСКИ

ЗАПИСЕЙ ПРОШЛОГО

Дневники Софьи Андреевны Толстой. Выпуск 3-й. Под ред. С. Л. Толстого, с примеч. С. Л. Толстого и Г. А. Волкова, с пред. А. Е. Грузинского.

Неопубликованные дневники жены Л. Н. Толстого охватывают почти всю его жизнь и представляют выдающийся интерес для изучения жизни и творчества этого величайшего писателя минувшего века.

Первостепенное значение их понимала и сама С. А. „Наднях, читая биографию Пушкина, мне пришло в голову,—пишет она,—что я могла бы быть полезна для потомства, которое будет интересоваться биографией Левочки, и записывать не вседневную его жизнь, а жизнь умственную, насколько я способна следить за ней“.

Тютчева, А. Ф.—При дворе двух императоров. Воспоминания, дневник. Вступит. статья С. В. Бахрушина. Часть II.

А. Ф. Тютчева, старшая дочь поэта Ф. И. Тютчева, доверенная фрейлина при цесаревне, потом императрице Марии Александровне, супруге Александра II, любимицей которой, если не другом, она считалась, не была простой свидетельницей происходивших вокруг нее событий. Ее вкусы, ее темперамент, таланты, связи—заслуживают особенного внимания при оценке ее литературных произведений. Тонкая наблюдательность, насмешливый ум, привычка и уменье мыслить—все эти свойства проявляются в литературных произведениях Тютчевой.

Записки и дневники А. Ф. Тютчевой займут не последнее место среди появившихся после революции новых материалов по средине XIX века.

Чичерин, Б. Н.—Московский университет. Воспоминания. Вступит. статья С. В. Бахрушина.

Громкое научное имя Чичерина, как юриста, историка и философа, в достаточной мере объясняют важность печатаемых записок.

Умеренный либерал, поклонник „справедливых“ реформ Александра II, и вместе с тем горячий поборник прав того сословия, к которому он принадлежал, убежденный проповедник законности и борец против революции, прослывший „красным“ в высших сферах и находившийся всю жизнь под подозрением,—Чичерин, как ученый, не может быть понят вне его биографии.

Из предисловия.

Евгения Шахматова.—Повесть о брате. Воспоминания об академике А. А. Шахматове. Вступит. статья М. А. Цявловского.

Цена 2 р. 80 к.